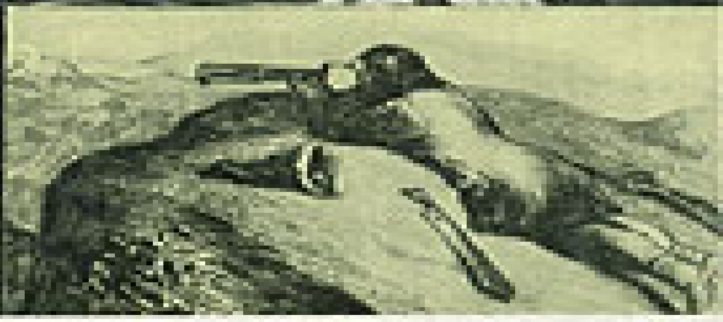
ДЕФО



Д. Урнов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Один только список сочинений замечательного английского писателя Даниэля Дефо (1660–1731) составляет увесистый том. Всех его книг, как кирпичей, хватило бы на постамент памятника, а туда, на самый верх, поднялся бы человек в странном одеянии, в козлиной шапке и с зонтиком – Робинзон Крузо, герой произведения, которое обеспечило Дефо жизнь в веках.

- Дмитрий Урнов
  -
  - СУДЬБА ГЕРОЯ И АВТОРА
  - ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ
  - СТОЛИЧНОЕ ДЕТСТВО
  - ДЕФО И КРУЗО
  - ВЫХОД В МОРЕ
  - ПРОСТАЯ РЕЧЬ
  - ПРОСТЕЙШИЙ СПОСОБ РЕШЕНИЯ САМОГО ПРОСТОГО ВОПРОСА
  - ИГРА СУДЬБЫ
  - ОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ (I)
  - МИСТЕР РЕВЮ (I)
  - ПУТЬ ПО СТРАНЕ
  - МИСТЕР РЕВЮ (II)
  - ОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ (II)
  - ТАЙНА БЕЛОГО ПОСОХА
  - ПОЛОЖЕНИЕ РОБИНЗОНА
  - ПРИЕМЫ ВЕРИФИКАЦИИ
  - СЕРЬЕЗНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ И НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
  - ИСТОРИЯ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА
  - ГОДЫ…
  - ЯВЛЕНИЕ ПРИЗРАКА
  - В ВЕКАХ
  - ХРОНОЛОГИЯ ЛИЧНАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30

Дмитрий Урнов
Дефо

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

575

СУДЬБА ГЕРОЯ И АВТОРА

Он среднего роста, худощавый, около сорока лет, смуглый, полосы темнокаштановые, носит парик, нос крючком, подбородок выдается, глаза серые, в углу рта большое родимое пятно. Родился в Лондоне, долго торговал галантерейными товарами на Свободином дворе у Хлебного холма, а теперь владеет кирпично-черепичной фабрикой возле плотины Тильбюри в графстве Эссекс. Кто обнаружит означенного Даниеля Де Фо и сообщит одному из чиновников или мировых судей ее величества, тот, да будет ему известно, получит пятьдесят фунтов стерлингов, каковая сумма, по приказу ее величества, немедленно в момент оповещения будет выплачена.

«Лондонская газета» от 10 января 1703 года

Как рассказать о писателе, в жизни и книгах которого факт не отличишь от вымысла?

О Дефо говорили и говорят, что если бы он описал свою жизнь, то получилась бы книга, достойная его романов – авантюрных. В таком случае естественно допустить, что и автобиография Дефо разделила бы участь его книг. Они преимущественно стали чтением историков, а «Приключения Робинзона Крузо» для большинства сократились по объему и содержанию до варианта детского. А ведь за пятьдесят лет литературной деятельности из семидесяти всей жизни он издавал газеты: в пользу короля, против короля, в пользу вигов против тори, в пользу тори против вигов, как бы против вигов в их же пользу, будто против тори (с их благословения) и – от своего собственного имени (не называя имени);

писал памфлеты: против католиков в пользу англикан, против англикан в пользу диссентеров и – против себя самого (в защиту себя самого);

выдвигал проекты: по торговле, мореплаванию, разведению скота, образованию, стекольному делу, улучшению нравов и о том, как следует составлять проекты;

составлял отчеты: об урагане, чуме, парламентских дебатах и – о появлении призрака;

сообщал о событиях в Англии, во Франции, в России, в Америке, в Индии и – на Луне;

опубликовал романы-исповеди от лица моряка, заброшенного на необитаемый остров, глухонемого, мальчика, выросшего сиротой, воина-наемника, потаскухи среднего разбора, пирата, потаскухи высшего разряда, разбойника с большой дороги и еще ряда лиц (за исключением своего собственного);

написал истории пиратов, Карла XII, воссоединения Англии и Шотландии, Петра I и, наконец, полную историю привидений.

И вот из множества названий – одно, из полувековой писательской деятельности – каких-нибудь два месяца… Таково положение «Робинзона» в наследии Дефо. А каково положение биографа? Если сам Дефо славился умением правдоподобно выдумывать, то у наиболее надежных исследователей в руках оказываются какие-то неубедительные факты. Получается непохоже! Вместо моря и кораблей видим мы потоки чернил, проливаемых ради сухопутной полемики. Видим торговца, видим публициста, поглощенного заботами тех дней, что давно миновали, – одним словом, кого угодно, только не автора приключенческих книг, овеянных духом дальних странствий.

Ко всем трудностям добавляется еще одна. Несмотря на успех, Дефо считал, что поняли его неправильно. Как же быть? Современникам и последующим поколениям в записках Робинзона нравилось все то, что нравится и нам с вами: плавания, пираты, необитаемый остров – короче, приключения. Современников понять нам нетрудно, а как понять автора, который говорил, что читать его книгу надо иначе и что дело совсем не в острове?

Всему, что исходит от Дефо, верить надо с осторожностью. Самые серьезные биографы, бывает, переходят из крайности в крайность, когда наскучит им непрерывная предположительность – «вероятно», «возможно», «скорее всего» – и начинают они говорить решительно: «был… видел… описал», полагаясь на уверения самого Дефо, что он будто был и видел. Один скептик по этому поводу заметил: «Ведь он и про Северный полюс писал!» Действительно, все, что мы знаем только от Дефо, не имея возможности проверить по другим источникам, требует бдительности. Полная правдоподобия и все же чистейшая выдумка, или не совсем выдумка, но все-таки фантазия, хотя и на

основе действительных фактов, – ото был дар, «хлеб» и основной метод Дефо. В этом и заключается его принципиальный вклад в развитие литературной «техники». Подобно своему современнику Ньютону, сыгравшему фундаментальную роль в точных науках, Дефо выявил и освоил в литературе некие основополагающие законы, которые служат писателям до сих пор, как физикам – закон инерции, телеге, автомобилю и самолету – колесо, а костюму – карман. Выдумка получалась у него иногда в самом деле достовернее факта, верно выражая суть вещей. Однако, незаменимая в искусстве, выдумка мешает в исследовании, которое должно иметь в основании реальность. Какая же жизнь легла в основу книги?

О Дефо известно немало. Кое-что дошло прямо от современников, многое было выявлено впоследствии косвенным путем.

Краткие сведения о Дефо содержались в писательском справочнике, вышедшем еще при его жизни. На исходе XVIII столетия, того самого, первую треть которого видел Дефо, была опубликована его первая основательная биография, принадлежавшая Джорджу Чалмерсу (1785). На работу ссылаются до сих пор.

В 1830 году историк Уолтер Уилсон выпустил три тома под названием «Памятные сведения о жизни и временах Даниеля Де Фо». По поводу этого издания авторитетный критический журнал «Эдинбургское обозрение» напечатал обширную статью.[1]

Пушкин следил за этим журналом, и не исключено, что статья обратила внимание нашего поэта на Дефо, в особенности на малоизвестные его сочинения. В пушкинской библиотеке, кроме «Приключений Робинзона», хранились «Дневник чумного года», «История пиратов» в первоизданиях, и мы можем предположить, что достались Пушкину эти книги от читателя – современника Дефо, а именно от прадеда Пушкина А. П. Ганнибала, который из Европы времен Дефо привез целую библиотеку.

В середине прошлого века английский историк литературы Вильям Ли, разбирая архивы, отнюдь не литературные, обнаружил связку бумаг, которые оказались… письмами Дефо! Это был поворотный пункт, новый этап, это сразу поставило на твердую почву многие предположения, оправдало или отвергло ряд гипотез. В 1868 году Вильям Ли издал свои три тома: «Даниель Дефо, жизнь и вновь найденные сочинения». Затем его соотечественники Томас Райт (1894), Дж. Э. Айткен (1895), Джеймс Сатерленд (1937), француз Поль Доттен (1923),

американцы В. П. Трент (1926), Э. У. Секорд (1924), Дж. Р. Мур (1958) внесли фундаментальный вклад в изучение биографии автора «Робинзона Крузо». А то, что писал Дефо о России, исследовал академик М. П. Алексеев (1927).

Мы говорим о сугубо фактической стороне дела. Ибо есть линия истолкования Дефо от века к веку такими его читателями, как К. Маркс, Ж.-Ж. Руссо, Вальтер Скотт, Л. Н. Толстой…

«Типографская краска не успела просохнуть на первых экземплярах „Робинзона“, – говорит исследователь, – как уже появились его переделки и переводы». Действительно, к одному журналисту в ту пору нагрянула ночью с обыском полиция. Его подозревали в сочинении каких-то антиправительственных памфлетов. «Видит бог, – взмолился труженик пера, – последнее время я вообще ничего не писал, кроме краткого переложения „Робинзона Крузо“!».

Появление таких переделок объяснялось причинами экономическими. Книги были дороги, и тот же «Робинзон» перетянул по цене… третью часть лошади («хорошей лошади», – уточняют литературные летописцы). Если учесть, что в ту эпоху гужевым транспортом могли пользоваться только люди состоятельные (и лошади были дороги), стало быть, «Робинзон» был доступен сравнительно узкому кругу лиц.

«Приключения Робинзона» оказались первой беллетристической книгой, которая прорвала круг избранных читателей, сделавшись чтением для многих, даже для всех, кто вообще тогда мог читать. Ведь если современные писатели обязаны Дефо немалым, ибо фактически каждый, кто ныне берется за перо, а потом несет рукопись в редакцию, платит ему дань как родоначальнику, который вел профессиональную литературную жизнь, если журналистам приходится он прямым праотцем (составлял первые репортажи сообщал о событиях, а если событий никаких не случалось, способен был столь же правдоподобно их выдумать) то и современные читатели перед ним в долгу создал он свою книгу – и вместе с нею читающую публику, разнообразную, массовую – одним словом, современную.

Все это хорошо, но как купить книгу? Сохранилось стойкое предание о том, что простые читатели день ото дня откладывали деньги на «Робинзона Крузо». Однако их спрос спешили удовлетворить и разбойники пера, щелкоперы, которые изготавливали краткие копеечные переложения «бестселлеров» того времени. Ведь авторское право тогда соблюдалось слабо, и писатель был беззащитен перед этими грабителями.

Появлялись и переводы – немецкий, голландский, французский, а в 1762 году – русский. Появлялись в других странах и переделки, но уже совсем иного свойства. Это были подражания, это были переложения не только на другой язык, но и на свой национальный лад. К концу XIX века насчитывалось до семисот различных изданий «Робинзона Крузо», и самым известным иллюстратором, облекшим героя этой книги в плоть, был французский художник Гранвиль. «Юный Робинзон», написанный по-немецки Иоахимом Кампе, «Швейцарские Робинзоны» Висса для многих заменяли книгу Дефо. Робинзон дал начало особой литературе, особому явлению. Подобно тому как следом за Гамлетом возник гамлетизм, так Робинзон породил робинзонаду.

Что происходит обычно в таких случаях? Явление развивается и растет, в то же время отходя все дальше от своего первоисточника. Если до сих пор ни один актер не осмелился всерьез представить Гамлета таким, каким описан он у Шекспира («толст и пыхтит»), то и Робинзон в распространенном представлении также утратил многие черты своего реального облика. «Он был купцом, а это нам совсем неинтересно», – сказано в предисловии к той переделке «Робинзона», на которой мы, наверное, все выросли. И это, разумеется, справедливо – для детей, но, по существу говоря, именно это и интересно, не только то, что был он купцом, а вообще, какими, собственно, они были, герой и его создатель?

При всех оговорках богатый источник сведений о Дефо – его собственные сочинения. И даже не только богатый, а просто полный в том смысле, что тут он выразился весь. По выражению Пушкина, исповедовался невольно… Хотя и не написал Дефо книги о себе, которая бы начиналась прямо, как начинается «Робинзон», – «Я родился в…» – но рассказывал он о себе во всех своих книгах. Конечно, чтобы эту исповедь прочесть, нужен ключ, ибо нередко, когда говорит он «был», понимать надо – не был, говорит «видел», а в действительности едва ли…

«Я люблю говорить определенно, – утверждал Дефо, – и при наличии очевидных доказательств». Однако утверждал он это в книге, одно название которой в смысле очевидности доказательств говорит само за себя: «Политическая история дьявола». Кому же верить? «Величайший выдумщик» – такая репутация установилась за Дефо на протяжении прошлого века. Далеко не все, и прежде всего Вальтер Скотт, находили в сочинениях Дефо просто выдумку, в основном имелось в виду, что он хотя и не видел собственными глазами как муки ада, так и снега Сибири, но мог правдоподобно их вообразить.

В нашем веке было выявлено много подручного, фактического материала, служившего Дефо, и поначалу это, как в таких случаях бывает, вызвало крайне противоположные мнения. Получалось так, будто все, вплоть до привидений, у Дефо – правда. Потом положение уравновесилось. Как лжец, однажды уличенный, Дефо уже ни в чем не вызывал к себе документального доверия, между тем выяснилось, что он подчас скрупулезно точен. А иногда ошибался не он сам – вся эпоха, и Дефо добросовестно повторял общие заблуждения. Наконец – и тут современным комментаторам пришлось прямо извиниться перед Дефо за своих предшественников, уличавших его во «лжи», – некоторые факты стерлись из памяти последующих поколений, а это факты, и Дефо сообщает их нам. В принципе вернулись к точке зрения Вальтера Скотта, который, пользуясь рецептами Дефо, прекрасно понимал, как в творческом тигле сплавляются факт и фантазия.

Но в одном на слова Дефо положиться можно безоговорочно. Это когда он утверждает, что в книгах его все введено с умыслом, даже даты.

Давайте начнем с дат. Но прежде чем перейти к хронологии, необходимо выяснить один вопрос по библиографии – о заглавиях произведений Дефо. Нет у него книги, которая бы имела короткое и всем знакомое название «Робинзон Крузо». Книга называлась так:

> Жизнь и необычайные удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, который прожил двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устья реки Ориноко, куда был он выброшен после кораблекрушения, а вся остальная команда погибла. С добавлением рассказа о том, как он в конце концов удивительно был спасен пиратами.
>
> Написано им самим.

По нашим понятиям, это уже не заглавие, а краткое изложение содержания, что, может быть, наглядно и завлекательно, но в то же время неудобно для употребления в разговоре о книге. Дефо облегчил нам задачу, он сам себя однажды назвал автором «Робинзона Крузо». Но это не означает, что все остальное в заглавии было для него неважно. Вот мы постарались расположить это заглавие на странице так, как скомпоновано было оно на обложке первого издания, но это еще не все: разный шрифт выделял отдельные слова по мере их значения для Дефо. Крупнее всего напечатано было «Жизнь»,

наиболее мелким шрифтом набрано – «Написано им самим». Следом за «Жизнью» по размеру идут «приключения», за «приключениями» – сам Робинзон Крузо. Довольно заметно для приманки читателей выделено и слово «Пираты».

В наши дни, взглянув на обложку или титульный лист, мы уже можем примерно судить о том, какая по характеру перед нами книга – приключенческий роман, психологическая драма… В заглавии Дефо имеется сразу все, потому что книга содержала истоки разных повествований – исповеди, авантюрной истории и даже нравоучительного трактата. Наш рассказ пойдет о том, как появилась книга, начинающаяся словами «Я родился в…».

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ

«Я родился в 1632 году в городе Йорке в хорошей семье, происходившей, впрочем, не из этих мест», – начинает свой рассказ Робинзон, и, как мы увидим, это действительно напоминает судьбу Дефо, но с некоторыми поправками, прежде всего во времени. Сам Дефо родился в 1660 году. Роман о Робинзоне был написан в 1719-м. По отношению к той далекой эпохе нам все это представляется одинаково «современным», а роман от «современности» отодвинут на историческую дистанцию. И это не вообще «давно» или «когда-то». Для читателей поколения самого Дефо «моряк из Йорка» – один из «отцов».

Исследователи установили, что отец Дефо в самом деле родился почти одновременно с Робинзоном, в 1630 году, но суть не только в фактах фамильной летописи: те годы были полны событиями, перевернувшими страну.

Робинзон – ровесник английской буржуазной революции XVII века, второй по порядку, за Нидерландской, и первой по размаху и влиянию. Хотя жизнь Робинзона прошла вдали от родных берегов, все же и на Робинзоновом острове отзывались потрясения, совершавшиеся в то время на островах Британских, в Англии.

Вообще отшельничество Робинзона отбрасывает тень на представления о самом Дефо, и кажется, будто автор «Необычайных приключений моряка из Йорка» пребывал тоже чуть ли не в отшельничестве духовном. А между тем прямо по соседству с Дефо, через улицу, поэт Джон Мильтон диктует «Потерянный рай» – поэму о поражении революции. Дефо, наверное, еще не умеет читать, когда этот эпос выходит в свет, но со временем прочтет и будет с восторгом произносить имя своего старшего современника и к тому же еще соседа. Новинками его времени были «Принципы математики» Ньютона – он будет их изучать на студенческой скамье; «Опыт о разуме» Локка – идеи этого философского сочинения использованы в «Робинзоне»; не говоря уже о «Путешествиях Гулливера», которые были Свифтом написаны в полемике с ним с Дефо, и «Приключениями Робинзона».

На его веку совершались события, которые мы найдем в каждом учебнике истории, в том числе сражения, в которых он даже как-то участвовал или о которых слышал и писал, среди них Полтава. Он был внимательным наблюдателем деятельности Петра I, он и собственными глазами мог его видеть в составе так

называемого Великого Посольства. В его время Англию посетили Вольтер и Монтескье. Он ходил в театр, где еще играли старики – актеры, потомственные лицедеи, по традиции помнившие указания самого «мастера Шекспира»…

Дефо жил в напряженный век и был достойным его современником. И семья его существовала не в отшельнической замкнутости.

Его прадеды и деды, отец и дядья тоже прямо на себе испытывали потрясения, которые мы, в свою очередь, найдем в учебнике истории.

«Мой отец был в этих краях чужеземцем, родом Бремена», – продолжает свой рассказ Робинзон, что также совпадает с семейной предысторией Дефо. Не проводя прямых параллелей между своим героем и собой, он все же направляет мысль читателя в ту сторону, где пролегал путь его предков.

Предки Дефо, фламандцы, приехали в Англию в шекспировские времена, в конце XVI столетия. Англия стала тогда мощным централизованным государством, объединившим собственно Англию, Уэльс, Шотландию и Ирландию. Тогда же начала она становиться и мировой державой. Шекспировские современники деятельно осваивали заокеанские земли. Искали золото в Южной Америке, в Северной основали первые колонии. У Шекспира это отразилось в пьесе «Буря»: вооруженный всей мощью знания европеец, очутившись на острове, подчиняет себе природу, а кроме того, в услужении у него находится Калибан, читай: каннибал, дикарь-туземец.

Да, эту самую пьесу спустя сто лет увидит Дефо, и она послужит одним из источников «Приключений Робинзона».

«Британцем запахло» – так, между прочим, сказал в «Короле Лире» Шекспир. Дефо напишет «Путешествие по Великобритании», как бы связывая своим маршрутом страну ради все того же государственного единения.

Таким образом, в пору, когда фламандцы Де Фо приехали в Англию, один за другим затягивались исторические узлы, которые самому Дефо придется и распутывать, и затягивать потуже. И государственный престиж англичан еще окажется под угрозой, и шотландцы с ирландцами сделают не одну попытку отделиться, и на морских просторах буря (в прямом и переносном смысле) будет трепать британские корабли.

Особенно глубоко займут Дефо споры, над которыми Шекспир разве что посмеялся, – религиозные разногласия. Увы, и нам не разделить чувств, отнявших множество усилий создателя «Приключений Робинзона». Вот уйти с Робинзоном в море

каждый готов хоть сейчас, а что нам эти прения пресвитериан и индепендентов, пуритан и католиков, англикан и диссентеров, тем более они не только к согласию не могли прийти, но зачастую оказывались не способны установить, что же их разделяет.

Религиозность пронизывала все, с ориентацией на церковь решались проблемы политические и социальные. Во имя «веры истинной» сосед шел на соседа, армии сталкивались в гражданских и международных войнах, поднимались и падали правительства, переселялись народы. По ходу этих споров был сожжен шекспировский театр и поставлен к позорному столбу Дефо.

Театр погиб уже после смерти Шекспира. У Дефо теми же противоречиями оказалась поглощена вся жизнь. И переезд фламандского семейства с континента на Британские острова – частичка все того же процесса, называемого в истории Реформацией.

Реформация – преобразование церкви, прежде всего перевод священного писания с мало кому понятной латыни на язык национальный. Это самостоятельное понимание вместо мистического внушения: эпохальное раскрепощение умов. Если последствия того же перевода рассмотреть со стороны политической, мы увидим рост самостоятельных национальных государств. Одно за другим они отпадают от единого католического мира, имевшего своим центром Рим. Социально Реформация – выход на арену истории новых сил.

На протяжении столетий – с XIV по XVII век – развивался по всей Европе этот процесс. Англия в шекспировскую эпоху продвинулась по линии Реформации так далеко, что официально объявила веротерпимость. Поэтому и поехали на острова протестанты, гонимые в своих странах религиозными преследованиями.

В особенности много было беженцев из Голландии и Фландрии, а среди них немало замечательных мастеров ткацкого дела. Уезжали люди отборные, знавшие себе цену. Эмигрировать заставляли их не только причины религиозно-политические, но и практические. Вернее, переплетение всех причин. Застарелые феодальные предрассудки, как и нехватка сырья, равно мешали деловой инициативе. Испанские овцы ничуть не хуже английских, а прекрасную коноплю для прославленного голландского полотна в изобилии получать можно было из России, но, поскольку в дело вмешивалась религия и политика, фламандские мануфактурщики предпочли уехать за море.

В исторической драме Шиллера «Дон Карлос» при всей

относительности ее историзма нарисована достоверная картина в словах, которыми королю Филиппу II разъясняют пагубность его упрямой католической политики:

Много тысяч
Бежало уж из ваших государств;
А пострадавший гражданин за веру
Был лучший гражданин.
В свои объятия
Их принимает всех Елизавета,
И нашими искусствами цветет
Британия.

Филипп II, первый из трех последних владык лоскутной «мировой империи», король-паук, интриган и инквизитор, внял советам по-своему. Он отправил в Нидерланды герцога Альбу, полководца сколь выдающегося, столь же и безжалостного. Король говорил, что готов остаться вовсе без подданных, но не потерпит ереси. В таком духе и стал действовать Альба, заливая Нидерланды кровью. А защитники нидерландских городов оказывали ему сопротивление, заливая в отчаянных случаях и себя и врага водою: через шлюзы.

Альба похвалялся, что в бою и после боя в Брабанте уничтожил он восемнадцать тысяч жизней, однако город Альканзар с гарнизоном в две тысячи человек сдержал осаду испанской шестнадцатитысячной армии. Один испанский солдат, которому все же удалось побывать на крепостной стене, заглянул в город и с удивлением потом поведал: «Простые мужики… У них там одни простые мужики!» Но этой силой и держалась Фландрия.

Король и Альба, душители Нидерландов, или вожди Нидерландской революции Эгмонт и Горн, широко известные по трагедии Гёте, – это ведущие лица той исторической драмы, в массовых сценах которой принимали участие предки Дефо.

В Англии ждали их тоже не одни «объятия» королевы Елизаветы, в стране, хотя и склонявшейся к протестантизму, кипела своя борьба. Раскол в расколе, как говорят историки. Английских протестантов называли пуританами – «очистителями» («пурус» по-латыни – чистый) по их намерению очистить церковь, в том числе и практически: изъять лишнюю роскошь, конфисковать церковные владения. Это уже среди реформаторов вызывало острейшие противоречия.

Нам в самом деле деле трудно понять, чем епископ хуже или лучше пресвитера, но спор шел о том, произойдут ли в

государственно-церковной системе серьезные изменения или же старые вещи получат всего-навсего новые названия: вместо епископа католического будет тот же епископ, только протестантский. А это значит опять поборы в пользу церкви, в пользу короля, это духовное и практическое давление сверху, препятствия делу на каждом шагу. Более решительные из протестантов, хотя далеко не самые крайние, стремились ввести в церкви демократическую организацию. А уж где царство божие «республиканизируется», как говорил Ф. Энгельс, могут ли земные царства оставаться верноподданными королей, епископов и феодалов-помещиков?

Из огня интервенции семья Дефо попала в ничуть не меньший огонь гражданской войны, соединив своими скитаниями две первые европейские буржуазные революции.

Вставайте же, вставайте
Свободу себе добывать!

С именем господа на устах, со «словом божьим» (переводной библией) в руках, с мечтой о «царствии божием на земле» шли пуритане против короля и знати.

В такой обстановке рождается «моряк из Йорка», Робинзон Крузо – в книге, а в реальности в ту же пору фламандские предприниматели Де Фо сделались совсем англичанами. Правда, потеряли они из своего фамильного имени многозначительную приставку «де», ибо местные жители по той самой привычке «коверкать чужие слова», о которой рассказывает Крузо, звавшийся, в сущности, Крейцнер, стали называть их просто Фо.

Потерю фамильного «де» новоявленные англичане возместили приобретением местных родственных связей и земель и уже через поколение чувствовали себя по-свойски в графстве Нортгемптон, в Восточной Англии, возле крупного текстильного центра Питерборо.

Окрестности Питерборо, как говорят, напоминают Голландию, так что фламандские эмигранты оседали здесь, возможно, еще и из соображений сентиментальных, но, если Дефо хотел подчеркнуть, насколько он все-таки англичанин, он вспоминал своего деда с материнской стороны, англичанина коренного, у которого имелось все, что положено более или менее состоятельному жителю «старой веселой Англии»: и поля, и скотина, и даже охотничьи собаки. Ну, как у Робинзона, ибо что, как не подобие «старой веселой Англии», устроит в конце концов на острове «моряк из Йорка»? Пусть его мир мал, ограничен частоколом, зато в этих пределах хозяин, владеющий кошками,

собаками и стадом коз, представляется самому себе властелином целой вселенной.

В ту пору, когда родились отец Дефо и Робинзон Крузо, один коренной англичанин решил, судя по всему, покинуть Англию. Если мы учтем, что этот англичанин и был одним из тех, кто в промежуток времени между Шекспиром и Дефо социально изменил страну, то, стало быть, мотивы им руководили серьезные. Имя его – Оливер Кромвель.

Семейство Фо обзаводилось землей и скотиной, а этот Кромвель, хотя был типичнейшим провинциальным сквайром (помещиком средней руки), почему-то вдруг все распродал, начиная с собственного дома. Что ж, ведь он явился одним из зачинщиков антикоролевского бунта в парламенте. Тогда Карл I (он же Чарльз)[2] парламент и распустил, точнее, разогнал, собственной единоличной волей и руками своих пособников – главаря сыскной палаты и верховного епископа. А Кромвель, убежденнейший протестант-пуританин, подумывал, видимо, проделать тот путь, который проделало семейство Фо, только в обратном направлении, – уехать до лучших времен по ту сторону океана, в Новый Свет.

Пуритане в это время преследовались с кровавой жестокостью. Вожди оппозиции – в тюрьмах или на эшафоте, откуда один из них, когда ему отрезали уши, крикнул по адресу короля: «Все равно я сильнее тебя!» И это была правда, потому что ни поборы (оправдание для них приходилось казуистически измышлять), ни внутренняя война с шотландцами (повод – введение нового молитвенника) – ничто не могло вывести из застоя английскую торговлю и промышленность.

Пришлось королю в поисках денежных средств опять обращаться к парламенту и опять очень скоро распустить его, за что парламент так и был прозван «коротким». Зато уж следующий парламент распущен не был. Названный «долгим», он заседал поистине долго, двадцать лет, на протяжении всего того времени, которое у буржуазных историков получило название «большого бунта». Это и была революция.

Положение дел в канун «большого бунта», когда отцу Дефо и Робинзону исполнилось по восемь-десять лет, отражено вполне наглядно в прошении, поступившем в парламент от имени «многих подданных его величества из города Лондона, его окрестностей и некоторых графств королевства». Читая теперь этот документ, мы с трудом в нем ориентируемся не потому даже, что на первом плане дела церковные, а все остальное просматривается через споры о религиозных обрядах. Уж очень

путано – и в этом своя наглядность – сплетаются здесь прогресс и реакция, требования свободы и жесточайший фанатизм.

Составители документа, понятно, пуритане, обвиняют королевских епископов в том, что они «обнаруживают нерешительность в проповеди божьей правды», «поощряют с презрением относиться к властям», «внутри церкви распространяют ереси и ошибочные мнения», одним словом, развращают народ. Протестанты требовали «тирании порядка» в противовес королевски-деспотическому покровительству всевозможной распущенности. Иначе, по словам из прошения, «доводятся до разорения все добрые подданные: суконщики, торговцы и другие».

«Мастера стали уезжать в Голландию, – говорится в прошении – и прочие страны, увозя с собой суконное производство и торговые предприятия; вследствие этого шерсть, основной продукт нашего королевства, стала иметь малую ценность и не находит себе сбыта; торговля приходит в упадок, многие бедные люди нуждаются в работе, теряют заработок, моряки и вся страна наша сильно обеднены, к великому позору нашего королевства и стыду для правительства».

Но семейство Фо к себе на родину все-таки не вернулось, и своей страны не покинул Оливер Кромвель. От слов, от парламентских прений надо было в ту пору переходить к делу: нация разделилась на сторонников короля и парламента. Грянула гражданская война.

Если взглянуть на историческую карту Англии, изображающую театр военных действий, мы увидим, насколько в самом деле с умыслом поселил своего героя Дефо и как близко от основных событий находилась его собственная семья. Робинзон, как мы уже знаем, родом из Йорка – здесь и проходила граница между враждебными лагерями. Разумеется, Робинзон был тогда еще мал и многого рассказать не может, однако называет он двух своих братьев: старший – солдат кромвелевской армии, причем одного из самых отборных полков.

Правда, преувеличивать сочувствие семьи Робинзона и вообще его среды республиканцам-кромвелевцам нет оснований. Достаточно перечитать напутственное слово сыну, какое произнес Крузо-отец, современник революционных событий, чтобы понять его позицию. Есть бедные и богатые, пусть их враждуют, а мы середина, и наша участь – заниматься делом – вот что, по существу, он сказал. Так эти «средние» люди и действовали, в особенности поначалу, стремясь от междоусобной борьбы отгородиться крепостными стенами или откупиться деньгами.

Однако мало-помалу и они втягивались в «большой бунт», о чем послужной список старшего из Робинзоновых братьев говорит вполне определенно: «…служил во Фландрии, в английском пехотном полку, том самом, которым когда-то командовал знаменитый полковник Локхарт;…дослужился до чина подполковника и был убит в сражении с испанцами под Дюнкерком». Прежде всего Уильям Локхарт – это лицо реальное, своего рода ориентир, указывающий, когда и за что воевал брат Робинзона. Локхарт – один из видных кромвелевских командиров – в начале гражданской войны был на стороне короля. Перешел он к республиканцам, когда они фактически уже победили. Полк, который доверил ему Кромвель, сражался на континенте, продолжая дело английской революции: «Англия… освободила голландскую республику от испанского гнета».[3] Так под Дюнкерком продолжались бои, что когда-то начались под Йорком.

«Я прибыл в наше расположение под Йорком», – а это говорит персонаж другой книги Дефо, которая так и называется «Записки кавалера, или История гражданской войны». «Кавалеры» – сторонники короля. В книге этой канва революционных событий и исторические воспоминания, наследуя которым Дефо вел жизненную борьбу.

Подобно Робинзону, гражданской войны он не помнил, однако предысторию своей эпохи Дефо учитывал, ориентируясь в расстановке современных ему сил. Он понимал, что не сегодня началось совершающееся у него на глазах.

Однажды Дефо прямо дал свой автопортрет как современника, не желавшего сторониться событий: «Я любопытствовал обо всем на свете, расспрашивал о делах и государственных, и частных, особенно же любил поговорить с матросами и солдатами о войне, о великих морских сражениях или битвах на суше, в которых они побывали, а так как я помнил все, что они мне рассказывали, то вскоре, ну, скажем, через несколько лет, я мог описать войну с голландцами или там морские бои, битву во Фландрии или взятие Маастрихта и тому подобное не хуже самих очевидцев, и потому бывалые солдаты и моряки не прочь были потолковать со мной. От них узнал я разные истории, не только о нынешних войнах, но и сражениях времен Оливера Кромвеля, и про смерть Карла I, и все такое прочее». Вот таким манером, говорит Дефо, стал он историком – обладал изрядными познаниями о делах минувших и давно прошедших, «в первую очередь наших отечественных».

«Записки кавалера», с точки зрения исторической последовательности, читать надо, оторвавшись от первой же

страницы «Приключений Робинзона». В то время, пока подрастает в Йорке Робинзон, туда и прибывает кавалер – сражаться. Он повествует о том, что Робинзон или по малости лет не помнит, или же не знает по причине своей длительной отлучки.

Как и многие вообще герои Дефо, кавалер – человек дела, профессионал палаша, солдат. О войнах заморских, где участвовал он исключительно ради заработка, кавалер прямо говорит, что и не вдумывался в их причины. «Ну уж, а на. своей земле старался я понять, что к чему», – признается он и в первую очередь судит обо всем по-солдатски.

За короля сражается бравый воин не случайно. У отца его большие наследственные поместья. Но в армии королевской ему многое не нравится. Именно глазами солдата сразу видит кавалер непорядок. Прежде всего засилье священников. Кто, собственно, тут командует? Его бы воля, гнал бы он этих клерикалов подальше, а власть дал бы полководцам.

Сравнивая признания кавалера с парламентским прошением протестантов, видим мы, как распри религиозные вклинивались между королем и парламентом, между верховной властью и населением, и, кажется, стоило церковников в самом деле «прогнать», отмести в сторону, как враждующие армии помирились бы, а король сумел бы договориться со своим народом. Нет, излагая дальнейшие события, кавалер сам же выявляет то, что в парламентском прошении условно называлось «корнями и ветвями», – сложнейшее сплетение разных сил, причин и следствий.

«Без епископа нет и короля», – говорил сам король, Своим авторитетом централизованная епископальная церковь скрепляла весь тот порядок вещей, который трещал под напором новых сил. Более того, забегая вперед, можно сказать, что и с торжеством новых сил сохранится в основном та же самая, старая церковная система: все те же епископы будут нужны новым королям. Читая рассуждения кавалера о церковниках, не забудем, что Дефо воссоздает в «Записках кавалера» историю вопроса, не снятого и в его время с повестки дня.

В первых сражениях перевес оказался на королевской стороне, но тут же кавалер отметил и предвестие всех будущих поражений: не было слаженности в их рядах, что являлось лишь отражением внутреннего развала всего режима. Кавалер видит отчаянных рубак, прежде всего королевского племянника принца Руперта, возглавлявшего их конницу. Безрассудный храбрец, он умел драться, но и только. Война для него означала смелый налет, потом грабеж. Смяв передовые порядки противника. Руперт уже и не думал о тактике, о поддержке своей же пехоты,

он накидывался на попадавшееся по дороге добро. Поэтому принимает кавалер сторону одного бывалого воина; когда Руперт стал хвастать своими схватками с отрядами парламента, этот старый полковник не постеснялся прямо в глаза принцу сказать: «И, кажется, с их обозом, ваше высочество?» Намек попал в цель и был настолько неотразим, что король вынужден был вмешаться и уладить дело, чтобы не дошло до дуэли.

«Об эту пору, – рассказывает кавалер о дальнейшем, – услыхали мы, как у них там появился некий Оливер Кромвель».

«Некий Кромвель» – но мы уже знаем, что это лицо не случайное. А если присмотримся к нему еще пристальнее, то убедимся, что у него за плечами имелась вековая фамильная традиция участия в политической жизни страны.

Конечно, сто лет рядом с древними родословными срок небольшой, но это и была новая знать, выдвигающаяся во времена потрясений и перемен. При короле Генрихе VIII, начавшем в Англии Реформацию, двоюродный дед Кромвеля, сын кузнеца, поднялся до положения канцлера и получил соответственно графский титул. Среди важнейших «услуг», оказанных этим первым из Кромвелей своему владыке, была расправа над Томасом Мором, родоначальником английского гуманизма. Если учесть, что Мор, по вероисповеданию католик, находясь на посту канцлера, признавал главенство римской церкви, то, сопротивляясь воле короля, сопротивлялся он протестантским новшествам. По обвинению в государственной измене его отправили на эшафот. Однако Генрих VIII, которому бурный нрав служил главным компасом в государственной политике, сначала порвал папскую буллу, а потом стал искать контакта с католиками. Ему и канцлер-протестант тогда был уже не нужен, он отправил его по той дороге, какую тот сам некогда проложил канцлеру-католику, на плаху. Зато дочь Генриха Елизавета вновь стала поддерживать Реформацию, так что при ней Кромвели опять поднялись и ушли в тень, когда один за другим на английском троне правили Яков-Джеймс I и Карл-Чарльз I, отрицательно относившиеся к радикальному протестантизму. Гражданская война выдвинула «некоего Кромвеля» в авангард.

Кавалер подробно, со знанием дела описывает, как потерпела вдруг королевская армия первое поражение от «железнобоких». Принц Руперт по своему обыкновению увлекся преследованием противника и обоза, и тут Кромвель, стоявший во главе парламентской конницы, смял правый королевский фланг, что и решило дело. Кавалер тотчас усмотрел, в чем сила этого противника – дисциплина и воодушевленность. Кромвелевские солдаты умели воевать и знали, за что воюют. «Железнобокие»

удивляли не только умением наступать, но и стойкостью при неудаче: перестраивались и снова шли в бой.

Список кромвелевских побед начало сражение под Йорком, в пяти милях от города, где в это время подрастал будущий «моряк из Йорка».

Чтобы яснее представить себе, как современники Дефо могли воспринимать сообщение Робинзона о том, что родился и рос он в Йорке в 30—40-х годах прошлого века, можно заглянуть в архивы английской буржуазной революции, и мы увидим ситуацию такую: Йорк настроен был против парламента. Парламентские войска осадили Робинзонов город, но в июле 1644 года к Йорку стал подходить принц Руперт. «Вследствие этого, – говорится в донесении, – мы решили снять осаду Йорка, чтобы встретить крупные силы противника». Далее: «Вы легко можете себе представить, что в городе была большая радость по случаю удаления войск, которые так долго окружали город со всех сторон. Сердца многих из нас были подавлены тяжестью, усматривая в этом акт провидения, как бы указывающий на божественное недовольство нами». Наконец: «Две могучие армии, каждая из которых состояла более чем из двадцати тысяч кавалеристов и пехотинцев, приготовились к бою и развернули свои знамена…» Поскольку одеты противники были примерно одинаково и могли в бою обознаться, отличительным признаком парламентской армии были носовые платки или бумага на шляпах, «кавалеры» же, напротив, поснимали и ленты и шарфы. Лозунг пуритан: «С нами бог». А «кавалеры» шли в бой под девизом: «Бог и король».

«Генерал-лейтенант Кромвель, – говорится в заключении этого рапорта, – с большой храбростью производил одну атаку за другой и привел в расстройство две из самых храбрых кавалерийских бригад противника… Наши люди преследовали неприятеля около трех миль, почти до самого Йорка».

Затем кромвелевцы разбили королевских солдат южнее, в графстве Нортгемптон, неподалеку от Питерборо. Шум этой битвы мог докатиться до Джеймса Фо.

Как странно, говорит кавалер, что в этой войне противники изъяснялись на одном языке. Во многих землях проливал кавалер кровь – чужую, слыша соответственно чужую речь. Вместе с орудийным грохотом и конским топотом это как бы входило в «музыку боя». А попробуйте, говорит кавалер, разить врага, который, падая под ударами, произносит так понятно: «Господи, смерть пришла!»

После полного поражения королевских войск служба кавалера, естественно, заканчивается, и в заключение герой

(«автор») «Записок» лишь кратко перечисляет политические события, в которых он, солдат, уже не участвовал. Но тут мы вновь заглянем в «Приключения Робинзона», и хотя там тоже о каких-либо общественных событиях не рассказывается, зато есть знаменательные совпадения, и они помогут нам понять, как смотрел Дефо на все, что происходило непосредственно перед его собственным появлением на свет.

«1 сентября 1651 года, – говорит Робинзон, – я взошел на корабль…» Больше он уже не вернется в отчий дом.

Это значит, что родной кров, а затем и родные берега покинул Робинзон в пору установления кромвелевской республики. Времен республиканских в отличие от гражданской войны Дефо нигде подробно не описывал, но имеются многочисленные источники, судя по которым можем мы уяснить, почему Дефо своего героя на все эти годы удалил. Таким, как Робинзон, тогда пришлось трудно. Уж это Дефо должен был знать ото всех, кто только его окружал. Победив короля, республика не могла решить своих внутренних противоречий.

«Борьба была доведена до последнего решительного конца, – говорит Ф. Энгельс, – и Карл I угодил на эшафот… Для того, чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их, – для этого необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели… По-видимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества. За этим избытком революционной активности с необходимостью последовала неизбежная реакция, зашедшая в свою очередь дальше того пункта, за которым она сама уже не могла продержаться. После ряда колебаний установился наконец новый центр тяжести, который и послужил исходным пунктом для дальнейшего развития».[4]

Весь период колебаний Робинзон провел вдали от родины. Но семейство Дефо никуда не уезжало. Мы не знаем подробностей, но знаем: возмужавший Джеймс Фо после окончания школы ушел в город, где был принят в цех мясников, а занимался свечной торговлей.

Когда уже в XIX веке этот старинный цех отмечал свой юбилей, то в зале цеховых собраний на витражах было сделано два изображения двух самых знаменитых людей, принадлежавших фамильно к этой почтенной профессии: Дефо и Шекспир. Ибо отец великого драматург га, занимаясь делом кожевенным, также числился мясником.

Исторически выходит, что Шекспир и Дефо как бы двигались

навстречу друг другу. Со своих «зеленых полей» Шекспир отправился в город, там подработал, не в текстильном деле – в театральном, и, неизменно считая себя «человеком из Стрэтфорда», вернулся на родину доживать век, как деды жили.

Памятные портреты Шекспира и Дефо сделаны были сравнительно недавно, но все-таки до наших дней не дожили. Этот старейший район Лондона был превращен в руины фашистской авиацией во время второй мировой войны.

Шекспир и Дефо, конечно, все-таки встретились в веках, но при ближайшем рассмотрении видим мы расстояние в сто лет, которым и определяется между ними различие.

В одной из поздних своих пьес Шекспир успел сказать: «Порядок гибнет», тот «порядок», наполовину еще средневековый, к которому он, Шекспир, так или иначе принадлежал. Гибель старого «порядка» и становление нового – первые итоги этому подводил Дефо. От «Гамлета» к «Робинзону» – мир за это время успел стать совершенно другим, и если шекспировская Англия осталась где-то там, в прошлом, за гребнем буржуазной революции, то Дефо вместе со своим Робинзоном поднялся на пороге нового, уже вполне современного, нам современного мира.

«Я, несчастный Робинзон Крузо, потерпев крушение во время страшной бури, был выброшен на берег этого угрюмого, злополучного острова» – такова первая запись в Робинзоновом дневнике, помеченная 30 сентября 1659 года.

По хронологическим таблицам видим: 3 сентября 1658 года скончался Оливер Кромвель, называемый к концу жизни «протектором» (хранителем), а фактически бывший полновластным диктатором буржуазной республики. Первое место в государстве, будто по праву престолонаследия, занял сын протектора Ричард, и началась Вторая республика, существовавшая совсем недолго, В мае 1659 года Кромвель-младший, не отличавшийся твердостью отца, отрекся от власти.

Управление страной перешло к парламенту, точнее, к остаткам парламента. Парламент, исконное учреждение англичан, имеющее как совещательно-правительственный орган свой статут с XIII века, представлял три политические силы: король, аристократия и городская верхушка. Короли, обладая правом созывать и распускать парламент, всегда стремились оставить за ним лишь совещательный голос. Споры с парламентом за власть и послужили поводом к гражданской войне. У Кромвеля опорой чем дальше, тем все больше становился не парламент – армия. Силой оружия Кромвель произвел в парламенте так называемую «чистку», и в результате палата лордов, где места были наследственными, оказалась вовсе

упразднена, а выборная палата общин сильно «почищена». От парламента осталось одно «охвостье». Этому охвостью, или, как его еще называли, «огузку», предстояло решать судьбы Англии с мая 1659 по март 1660 года.

А из приходской книги церкви святого Джайлса, что у Кривых ворот (Криплгейт) в лондонском Сити, узнаем: в столице тогда уже проживал свечной торговец, Джеймс Фо с женой и двумя дочерьми. Правда, тот же самый источник не может послужить нам в помощь, чтобы установить дату рождения и сына его, ради которого мы, собственно, предпринимаем все эти розыски.

Джеймс Фо был протестантом, во многие обряды не верил и не считал обязательным крестить ребенка. Но по другим источникам известно, что Даниель Дефо увидел свет именно в год окончательного крушения республики.

СТОЛИЧНОЕ ДЕТСТВО

Создатель «Робинзона» родился в ту пору, когда даже уличные мальчишки вместо общеупотребительного «Пошел в…!» говорили: «Пошел в нижнюю палату!», подразумевая парламентский «огузок». Так невысоко держалась репутация прежнего республиканизма, от которого практически ничего не осталось. Но говорили недолго, потому что и года не прошло, как (29 мая 1660 года) причалил к берегам Англии корабль и сошел с него Карл II, он же Чарльз II.

Дорогой, пока пересекали пролив, его величество, по воспоминаниям очевидца, рассказывал, каких натерпелся он бед за все время скитаний и недобровольной отлучки. Карл II кружил возле Англии, один раз даже пробовал высадиться и схватиться с армией Кромвеля, но тогда «железнобокие» представляли собой отлаженную военную машину. Так что если бы по счастливой случайности на поле битвы не нашлось векового дуба с достаточно вместительным дуплом, куда претендент на престол и спрятался, то, безусловно, будущий Карл II разделил бы участь своего отца, казненного революцией. Потом пришлось ему пробираться в одиночку к морю, к берегу, откуда можно было уплыть в безопасные места. Ему встречались солдаты его собственной разбитой армии, и один из них даже предложил выпить за здоровье принца Чарльза. На вопрос, видел ли он когда-нибудь его королевское величество, солдат ответил: «Еще бы! Ростом будет эдак пальца на четыре поболе твоего». В пути платье Чарльза так износилось и он так обнищал, что на французском берегу за ним в тавернах присматривали, как бы этот бродяга чего не стащил!

За все унижения Карл-Чарльз получил сторицей. Лондон встретил его ликованием. Столица была иллюминирована. Обозначая свои пожелания будущему правителю, люди вышли на улицу с кусками той самой телесной части, которая в общеупотребительном выражении заменена была «парламентской палатой». Это означало – «Долой огузок!». Фактически он уже был отрублен, и демонстрация была только дополнительным напоминанием. Очевидец отметил, что особенно натуральным постарались сделать этот символ мясники из Сити, поднявшие на шестах филейную часть быка.

Положение вещей новый король по-своему вполне понимал. Историки неоднократно задавались вопросом, каким же образом этот пустой сластолюбец сумел так долго, четверть века, продержаться на троне? И не просто продержаться. При нем не

произошло ничего, что ввергло бы страну в хаос.

Соотношение между троном и парламентом при Карле II не только не нарушилось, но парламентский авторитет даже еще усилился, и притом в пользу нижней палаты, хотя, конечно, состав ее в корне изменился. Вроде бы, по букве закона, укрепилась веротерпимость. Продвинулась вперед наука. Вновь открылись театры. Начал развиваться спорт.

Чтобы объяснить очевидный прогресс вмешательством короля, стали ретушировать его портрет, вспоминая, что был он и довольно образован (учился у самого философа Томаса Гоббса), и весьма остроумен, прост в обращении, а уж что касается спорта, в особенности скачек, то несомненный талант. Однако все эти успехи, за исключением, пожалуй, спорта, следует скорее объяснить невмешательством, не лишенным прозорливости, попустительством всему, за чем чувствовалась перспективная сила.

Прежде всего Карл II, или, как его называли, «душка Чарли», видел, что хотя совершающееся под его эгидой и называется «реставрацией», но речь вовсе не идет о восстановлении порядков, ушедших вместе со смертью его отца. Первым делом он и объявил политическую амнистию. Под надзором, но практически в покое оставлен был даже Джон Мильтон, великий поэт-республиканец.

Ничего невероятного нет в предположении, что будущий автор «Робинзона» мог видеть создателя «Потерянного рая», но самый факт существования поэта при короле, которого поэт-республиканец громил в своих памфлетах, представляется неким чудом. Ведь как характеризовал этого поэта Пушкин? «… Мильтон, друг и сподвижник Кромвеля, суровый фанатик, строгий творец… тот, кто в злые дни жертва злых языков, в бедности, в гонении и в слепоте сохранил непреклонность души и продиктовал „Потерянный рай“…».

Что из того, что мы побеждены?
По-прежнему непобедима воля
С обдуманною жаждою отмщенья,
И ненависть бесстрашная и дух,
Не знающий вовеки примиренья.

Автор этих строк – и король!

Объяснение искать надо в общей политике Карла. Ходатаями за Мильтона перед ним выступали государственные чиновники – по роду службы, а по призванию поэты, испытавшие сильное творческое воздействие живого классика. Но, главное, счеты с

прошлым сводить новый король не стал. И не из великодушия или особой дипломатии. Ему было ясно, что люди, на которых следует опираться, в сведении таких счетов и не заинтересованы.

Веротерпимость? Да он сам был на грани полного безверия или, точнее, безразличия к вопросам веры. «Неужели господь покарает нас за некоторые развлечения?» – говаривал веселый король.

Любил театр полностью, со всем, что совершается на сцене и за кулисами. Кто не знал, какая прочная сердечная привязанность приковывает почетнейшего «гражданина кулис» к актрисе Нелли Гвин?

Однажды карету Нелли остановила толпа фанатически настроенных протестантов, которые по-прежнему всюду подозревали католические козни. Нелли смело им крикнула:

– Я сплю с королем, но с папой римским не флиртую!

Когда же в католическом «флирте» стали подозревать саму королеву, Карл все-таки принял меры, чтобы отвести упреки, но, когда был раскрыт некий – на этот раз мнимый – заговор, он ходу событий не препятствовал, хотя ему было известно, что несколько десятков ни к чему не причастных людей пойдут на плаху.

Единственно, где вмешательство короля оказалось решительным и даже «революционным», так это действительно в спорте. Не только любитель лошадей, но в самом деле великолепный ездок, «душка Чарли» преобразовал «турф» (скаковую дорожку) и сам скакал жокеем. Благодаря ему скачки сделались национальным увлечением англичан. Король-жокей относился к этому виду спорта, как на конюшне говорится, по охоте, то есть от души и своим отношением он сумел заразить соотечественников.[5]

При нем опять стали ставить Шекспира. Может быть, хотя бы в этом все пошло по-старому? Ведь до последних минут его отец Карл I не расставался с шекспировским томом. Узнав, какую книгу читает приговоренный к смертной казни король, архиепископ лондонский заметил: «Читал бы библию, такого бы не случилось». Так что же, восстановленный Шекспир? Нет, и здесь реставрации, в сущности, не было, была реконструкция во вкусе «Чарли», который любил развлечения. Поэтому и Шекспир стал не тот. Трагедии превратились в комедии. «Ромео и Джульетта» заканчивалась благополучно. Король Лир остался без злого на язык шута. «Все за любовь» – так стала называться пьеса, прежде и теперь известная под заглавием «Антоний и Клеопатра». Переделками шекспировских пьес занимался, между прочим, один драматург и поэт, прозрачно намекавший, что он незаконно рожденный отпрыск самого автора. Шекспиру был он предан по-

родственному, искренне и, перекраивая пьесы, верил, что делает их только лучше.

А поощрение наук? Несомненно! Ведь реформатор философии Томас Гоббс, воспитатель «Чарли», всю жизнь находился под высочайшим покровительством. Прямо в 1660 году, среди первых своих постановлений, Карл II подписал указ о создании Королевского общества, фактически Академии. Среди первых членов общества был физик-реформатор Роберт Бойль. Первой публикацией общества оказался трактат Ньютона. Прогресс, и какой еще прогресс! Но если мы в самом деле заинтересуемся историей общества, получившего королевское покровительство, то увидим, что оно уже давно существовало. Король просто не стал препятствовать ходу вещей, пожав созревающие плоды.

«Пожалуй, этот правитель изо всех стоявших в Англии у власти наилучшим образом понимал страну и народ, которыми он управлял», – таково было мнение Дефо. И к этому уже, кажется, ничего не добавишь, кроме соображения о том, что все же мы не находим «Чарли» в пантеоне героев, которым поклонялся автор «Робинзона».

«Понимал» – но что это значит, можем мы узнать у того же Дефо, который на склоне лет, когда написал он все свои основные книги, развернул и хронику «золотых деньков принца Чарли». Это уж не времена гражданской войны, о которых Дефо мог только слышать, и не дальние страны, о которых мог он прочесть и выспросить, это все он видел – его собственное детство, юность и первая пора возмужания. Если угодно, это и есть мемуары самого Дефо, воспоминания о времени, когда он рос.

Книга имеет, как водится, заглавие пространное, но кратко называется «Роксана». Как исповедь моряка или записки солдата, это тоже автобиография, но в социальном смысле чья? На заглавном листе указано – «мемуары подружки», чьей же? А чьей угодно, в том числе самого короля, что тоже указано прямо в заглавии. На этот раз центральному персонажу-«автору» Дефо даже имени не дал, потому что Роксана – только прозвище. Вообще говоря, Роксана – подруга Александра Македонского, вторая из его подруг, а на английской сцене шло тогда сразу три пьесы, где Роксана действовала, поэтому всякий, кто «подружку» встречал, находил ее похожей то ли на героиню этих пьес, то ли на артистку в этой роли и говорил: «Ну прямо Роксана вылитая!» «Подружку» узнавали по «полету», по типу. Она такой и была – личность темная и в то же время всем известная. «Всем известная, именуемая… известная под именем», – в заглавии на целую страницу Дефо нанизывает разные имена, и все ненастоящие.

Когда эту книгу разбирают критики, они обычно подчеркивают, что Роксана как раз непохожа на «всех», по крайней мере, всех прочих персонажей Дефо, причастных к той же древнейшей профессии. Она, во-первых, вращается исключительно среди людей высшего круга, а во-вторых, руководит ею не мелкая корысть, у нее запросы, в свою очередь, «высокие», по-своему «артистические»! Верно, однако этот контраст и важен: «подружка» обрела немало всяких прозвищ и даже титулов, но своего собственного имени у нее все-таки нет, она пробилась на самый «верх», так и оставшись неизвестно кем. Тип с улицы и со сцены, фигура из покоев короля (попавшая в них через потайную дверь) и из-под забора. Она только что не украдет, а может, и украдет, если одну оставить без присмотра, и она же, смотрите, выступает до чего важно, и какие на ней драгоценности: «Графиня Винцельсгейм!»

Такая вот была и Нелли Гвин, спутница Карла, попавшая из дома терпимости на подмостки, те самые, где Лир остался без шута (неловко – клоун и король!) и где история Ромео и Джульетты заканчивалась счастливым соединением любящих сердец.

Что она, эта Роксана, добра или зла, до предела развратна или по-своему порядочна? О нет, выросший в большом городе Дефо прекрасно знал, как нужда толкает па путь порока.

В его время не только разврат процветал как ремесло, но особым, хорошо оплачиваемым занятием сделалось и разоблачение разврата. А уж когда идет речь о выгоде, там попробуй пойми, где в самом деле разоблачение, а где вымогательский шантаж. Как в таких случаях водится, сплелся клубок из противоречиво взаимосвязанных выгод. Если не тебя, а ты уличаешь, это дает только прибыль, и еще какую! Стало выгодно мужу уличить в прелюбодеянии жену, жене – мужа, слугахМ – их обоих, а уж суду – всех вместе взятых. Были установлены расценки амурных грехов, шкала, по которой соответственно уличенные платили, а обличители получали вознаграждение. Если учесть, что расценки были высоки, так что можно было потерять состояние и нажить состояние, то нетрудно представить себе, какая началась амурно-денежная горячка. Пошли один за другим громкие процессы, крючкотворные дознания с пристрастием: кого застали, с кем застали, где застали? «Свидетель, отвечайте суду по всей совести, чем они занимались?» Замочная скважина сделалась источником немалого дохода. Поскольку шкала прелюбодеяний составлена была весьма подробно и плата взималась в прямой пропорциональной зависимости от меры падения, то допросы

чинились со всем тщанием. Однажды судья даже приказал:

– Свидетель, ложитесь и покажите нам как можно точнее, что именно вы видели!

Роксана – из этой среды. Но для нее не только от нужды уйти, но и большой выгоды добиться – все это, как она выражается, «дело второе». Тогда что же «первое»?

Как трудно ответить, кто она такая, так и понять, что ей нужно, нелегко. Главное – бесцельная погоня вроде бы за какой-то целью. Один за другим меняются у нее «друзья», и ни один из них – ни богатый ювелир, ни купец, ни сам король, в покоях которого «подружка» провела как-никак три года, – не то что не устраивает ее а не останавливает в стремлении еще… куда? Человек безымянный, без основы и в результате – без цели. Такая судьба – это как маршрут без отправного пункта: откуда же вдруг появится пункт назначения?

Разврат для Роксаны, разумеется, «дело». Она, между «делом», родила чуть ли не дюжину детей, которые все распределены но приютам, отданы по чужим людям, пристроены, и ни один ребенок не занимает ее мыслей больше или дольше того, как, например, дочь, которая уже подросла, случайно встретилась с матерью и, не дай бог, ее узнает! А… а если и узнает, что за беда? Нет, в общем, положений или ситуаций, когда Роксана могла бы испытать чувство неловкости и вообще какие-либо чувства. И при всем том – живая, покладистая, деятельная натура. Иногда и всплакнет, а уж веселиться умеет с блеском, именно с блеском. Блеск – туалеты и все убранство, из-под которого сверкают быстрые, хищные глазки, высматривающие очередную добычу.

Иногда Дефо упрекали, что не умел он описывать чувства, нежные чувства. Нет, очень даже умел, только сами чувства летучи и мелки. Ведь и Роксана тоже, если угодно, воспитанница Томаса Гоббса, полноправная его современница. Чему учил философ, что проповедовал? Материализм, принцип «наслаждений», механику мыслей и химию переживаний – вот Роксана и живет ради удовольствий, а внутренний голос совести служит ей инструментом послушным. Она когда в грехах кается, то не слишком громко, так, чтобы не все услыхало небо… Роксана могла бы принять участие и в заседаниях ученого общества, полный титул которого – Общество поощрения опытных наук. Она бы продемонстрировала Бойлю и Ньютону, показала бы им практически, как претворять их идеи в повседневность.

Персонаж на сцене и прямо в жизни, типаж, размноженный в «светскую» толпу, – таких прекрасно понимал «Чарли», и если он вернул на сцену Шекспира, не отправил на эшафот Мильтона и

поддержал Ньютона, то это лишь оборотная сторона полнейшей беспринципности, той внутренней пустоты, что так хорошо видна в ненасытности «подружки»: всякая цель, какую она себе ставит и достигает, упраздняется именно в момент достижения. Попала в высшее общество, куда так хотелось ей попасть, но за счет попрания всяких норм, и потому уже никаким «аристократизмом» удовольствоваться она не может. Что ей сословные барьеры, когда она-то знает, насколько просто они нарушаются! В Роксане суть Реставрации, как выражается та же суть в ублюдочных переделках Шекспира или в комедиях, написанных прямо в эпоху Реставрации и насыщенных сексуальной истомой, специфической жаждой жизни, той жаждой, что свойственна бывает людям, которые спешат насладиться поскорее, пока у них всего этого не отняли.

– Скажите мне, к чему все это?

– Ну и резвятся они! Как они пляшут! («Джентльмен – учитель танцев», 1672.)

А чтобы веселость, отзывчивость и гибкость самого короля были уже вполне понятны, следует довести до сведения читателей, что «душка Чарли» находился на денежном содержании у своего шурина, короля французского Людовика XIV. В поисках денежных средств, которые были ему так нужны ради развлечений, и чтобы уж не одолжаться у непокладистой нижней палаты, Карл оптом продал политику своей страны за постоянный годовой пенсион в сто тысяч фунтов стерлингов. Он получал деньги, любовниц, в которых король французский тоже знал толк, и распоряжения, как вести себя в международных делах. Между прочим, французам был отдан обратно Дюнкерк, в боях за который некогда погиб старший брат Робинзона. По той же договоренности и за те же деньги Карл II должен был в один прекрасный день объявить себя католиком, что повело бы к перестройке жизни всей страны. Подобная акция так и не была сочтена целесообразной. Веселый король продолжал справлять протестантские обряды, исправно неся службу в пользу католиков, причем даже не своих, а заморских.

Нам еще предстоит рассмотреть сложную страницу в биографии Дефо – особую миссию, которую исполнял он за кулисами большой английской политики. Подойдя к этой невеселой полосе в его жизни, не забудем, что той же «работой» не гнушался сам король, первый из семи, которых увидит на своем веку автор «Приключений Робинзона Крузо».

Именно фон, самим Дефо мемуарно восстановленный, высвечивает его собственную фигуру «гражданина современного мира», как называют его биографы, желающие подчеркнуть, что

создатель «Робинзона» стоял у истоков существующей сегодня западной повседневности.

Мы вообще каждого из великих писателей склонны называть «нашим современником», но большей частью наименование это условно, далекие эпохи могут быть разве что созвучны нашей, однако прямой преемственности с ними уже нет. Но если шекспировский театр буржуазная революция сровняла с землей и нынешние театры на него непохожи, то издательство, выпустившее «Робинзона», пусть под другим названием и в других, поистине современных масштабах, все же то самое издательство так и продолжает выпускать книги.

Свет и тень, на фигуру Дефо падающие, не позволяют сразу увидеть его, ибо и люди его эпохи перед ним в долгу не остались. Он уловил их алчность, хищничество, их глубокую развращенность. Зато уж некоторые из них, в свою очередь, о нем судили на редкость нелицеприятно: «Человек он крайне несдержанный и опрометчивый, жалкий продажный потаскун, присяжный фигляр, наемное оружие в чужих руках, скандальный писака, грязный крикливый ублюдок, сочинитель, пишущий ради куска хлеба, а питающийся бесчестьем» («Доклад относительно Даниеля Де Фо», 1707).

Итак, увидел он свет в приходе святого Джайлса у Кривых ворот в лондонском Сити. Город в городе, самая старинная, наиболее деловая часть английской столицы. Улицы тут и назывались по профессии – Артиллерийская, Канатная… На углу Серебряной и Монастырской комнату у парикмахера когда-то снимал Шекспир. А чтобы попасть в свой театр, ему нужно было перейти на другой берег Темзы, на заречную сторону. Никаких театров прямо в Сити местные жители, люди занятые и благочестивые, не потерпели бы. Иное – этот слепой старичок поэт в строгом костюме пуританина, Джон Мильтон. Жил тихо, размеренно, и домик его у Конопляного холма посещали блестящие господа, близкие самому королю, несмотря на то, что старичок этот метал когда-то громы и молнии против королевских «кавалеров». Тут его и похоронили с почетом прямо в приходской церкви. Торжественные были похороны – сын свечного торговца мог видеть эту процессию.

Обосновался Джеймс Фо с семейством, должно быть, на Передней, Фор-стрит, неподалеку от городской стены.

Но мальчишки, известно, владеют любой из улиц: «Он бросился наутек, а я за ним, без передышки и без оглядки до самой Церковной через Фонарную на Колпачно-Холмистую, оттуда по Святой Марии до городской стены, через Поповские

ворота вниз к старому Бедламу на Болотное поле…»

Это из романа Дефо «Полковник Джек», где первые пятьдесят страниц – городское детство. Книга написана вскоре после «Приключений Робинзона» и не содержит ошибок в географии, по крайней мере географии местной, лондонской.

Дефо знал Лондон уже не по книжкам, поэтому даже теперь, когда время естественно и насильственно изменило древний город и война разрушила старый Сити, все же и теперь его книги могут послужить туристическим руководством. Не только романтику дальних странствий, но и поэзию переулков, узких улочек, тупиков и закрытых дворов, которые изучил он с детских лет, воссоздал Дефо, Шекспир, понятно, пришелец, он тут только комнату снимал. «Человек из Стрэтфорда» – так назвал Шекспир в Лондонском судейском протоколе. Дефо I подобных протоколах называть будут «человеком из Сити». Шекспир явился из провинции в столицу, будто г другой край прибыл, а Дефо – коренной житель большого города, хотя он вспоминал, пусть не очень часто и охотно, своих провинциально-сельских предков.

Дефо не исполнилось еще, наверное, и двух лет, когда совершилось событие, повлиявшее на всю его дальнейшую судьбу.

Веротерпимость веротерпимостью, но был издан «Закон о церковном единообразии», который, по существу, означал объявление всех раскольников вне закона. Если, конечно, не подчинятся они обрядам и правилам официальной английской церкви. Так что Дефо еще успел родиться полноправным членом прихода святого Джайлса, но вскоре, в 1662 году, когда «закон о единообразии» прошел через парламент и был подписан королем, его отец соответственно вместе со всем семейство: оказался, как предки его, изгнанником, хотя никуда не думал уезжать.

Джеймс Фо мог по-прежнему вести свою свечную торговлю, но всякое продвижение по общественной лестнице для него и его детей было закрыто. Кроме того, «единообразие» предусматривало «непротивление королю»; стало быть, всякий поступок и в конце концов любая инициатива могли быть сочтены «неугодными» и – «Волей короля!» – следовало жестокое наказание. Поэтому, если человек, сохраняя верность своим убеждениям, оставался протестантом-раскольником, то имущество его и сама жизнь оказывались под непрерывной угрозой.

Многих после закона 1662 года в самом деле постигла тяжелая участь, тюрьма и смертный приговор. Но Джеймс Фо остался, кем он и был всегда, протестантом-диссентером. И сын его Даниель не изменил вере отцов. Это надо запомнить, ибо на протяжении переменчивой жизни нам еще придется увидеть его в

положениях трудных, подчас унизительных, даже жалких. Станут, как мы уже слышали, обвинять его в двуличии и во лжи. А он будет повторять, что никогда не изменял себе. И действительно не изменял! Только уследить за единой линией во всех его действиях не легко.

Вторым по счету и силе ударом была чума, страшная эпидемия, поразившая Лондон и унесшая пятую часть городского населения. Больше всего пострадало Сити, и было это в 1665 году, так что Дефо мог сохранить об этом событии пусть и смутные, но все же собственные воспоминания.

Тот год и тот город Дефо реконструировал много лет спустя во устрашение своих соотечественников, у которых память была коротка или вовсе никакой памяти не было, и при угрозе новой чумной эпидемии они верить не хотели, что такое бывает… Вот Дефо для наглядности и составил «Дневник чумного года».

Чтобы укрепить веру в свои слова, Дефо сделал ссылку на важный источник – семейную традицию. Это в целом все, что у них помнилось и рассказывалось, но прежде всего то, что рассказывал его дядя, Генри Фо, шорных дел мастер, двумя литерами которого – Г. Ф. подписан «Дневник».

Биографы допускают даже, что подобный дневник мог в самом деле существовать. Конечно, это только допущение, но важна возможность такого допущения в принципе, как показатель уровня среды, в которой формировался Дефо.

Г. Ф. – человек торгово-ремесленный, хозяин мастерской, предприниматель, просвещенный до известной степени. Пусть читали такие люди преимущественно одну-две книги, то есть священное писание и «Путь паломника», но все же читали, и притом с малых лет, и так, с малых лет, усваивали книжный способ мышления и речи. Такой человек, как Генри Фо, вполне может и зорко наблюдать, и точно сообщить, что же он видел.

Не дьявол, а сам господь насылает эту кару, как было и в одна тысяча шестьсот шестьдесят пятом году, – так разъясняет все дело разумный шорник, рассказывая о беседах своих с братом, таким же, как он сам, человеком из Сити, впрочем, не ремесленником, а торговцем. Брат тогда только вернулся из Лиссабона, где понаслушался от других купцов, в особенности азиатских, что за штука чума, так что уж при первых же слухах собрал он семью, выехал из Лондона, само собой, в Нортгемптон, по семейному маршруту Дефо. А Генри Фо раздумывал, бросить ли все на произвол судьбы и бежать или же остаться и присмотреть за добром? «Уж очень много было всего у меня, – размышлял вслух шорник, – седел, товара и всякой утвари».

«Подумай, – убеждал его между тем брат, – если уж господь бог позаботится о жизни твоей, то неужели не побережет он твое добро?».

Однако, несмотря на высокие гарантии, Генри Фо остался в городе и видел, как все это было. Многие, рассказывает он, до того прониклись мыслью о небесной каре и близости страшного суда, что предпочли тут же | покаяться. Так и объявляли прямо на улице среди честного народа: «Виноват, было дело, украл!» – «Прости меня, господи, перелюбодействовала!» – «Что уж говорить, обманывал!» и т. п.

А что же предпринял вместе со всем семейством Джеймс Фо? Раньше считалось, что, подобно многим, он подверг себя со всеми чадами и домочадцами добровольному домашнему заточению. Теперь исследователи склонны думать, что он из Лондона уехал, как тот брат-торговец, что советовал шорнику больше уповать на бога. Да ведь и домашнее затворничество было далеко не лучшим способом спасения. Генри Фо разъясняет: один заболевал (чаще всего слуги, которым приходилось появляться на улице) – остальные оказывались обречены.

К дверям зачумленного дома, чтобы обитатели не разбежались и не разнесли заразы, приставляли охранника. Так некоторые, чтобы спастись, подкопы делали.

Кто-нибудь стенал над ухом у сторожа как можно громче а другие тем временем рыли подземный ход. Сторож стоит себе и слушает: «Воют, стало быть, тута…» Вдруг затихнет все. Сторож думает: «Либо все кончились, либо от страха без чувств валяются».

А вот приближается главный «персонаж» той страшной поры – возница с телегой мертвых.

– Покойников берем! Покойников бере-ем! – и звонит в колокол, привязанный к повозке.

– Эй, – говорит сторож «узникам», – выноси своих!

Тишина в ответ.

– Выноси, кому говорю, ждать вас не будут! Никого. В дом заглянул, а кроме тех, что уже нашли себе вечный покой, никого больше нет. Сбежали.

Возница телеги мертвых особенно сильно врезался в память Генри Фо. Жуткая должность. Ужасный труд. Улицы были узки, рассказывает шорник, так что тележка не везде проехать могла, и приходилось тащить покойников, иногда очень долго тащить. Но возница не мрачен, однако и не беззаботен – человек дела, страшного дела, и смерть его не берет.

Это – Дефо, его взгляд на вещи, передоверенный шорнику или, точнее, перенятый у таких, как Генри Фо – шорник, и

развитый до целостной жизненной позиции. Взгляд трудового человека, и, каков бы ни был труд, им не гнушаются, им гордятся, им занимаются с толком и умением. Шорник или возчик на телеге мертвых – каждый из них по-своему мастер.

Шекспир своего могильщика рассматривал несколько свысока хотя бы потому, что принц Гамлет стоит на краю смертной ямы, а могильщик на дне ее. В «Дневнике» Дефо читатель встречается с кладбищенским возницей лицом к лицу. И Дефо подробно и по-деловому, как если бы требовалось и читателя научить тому же занятию, описывает возницу и его обязанности. Сказано, что набирали этих людей большей частью из бедняков, что числились они могильщиками, однако работа была у них несколько иная, одним словом, подход профессиональный. Описывается и сама работа: как нужно было прежде вытащить мертвые тела из домов, как погрузить на тележку и как тащить, в особенности если нужно долго тащить.

Путь телеги мертвых воспроизведен со всей тщательностью. Это, видно, долго служило им всем предметом воспоминаний и рассказов с точными указаниями, где и что было. Мертвых сваливали в ямы, которые приходилось рыть по всем приходам. Сначала, говорит Генри Фо, трупов по пятьдесят умещали в яме, потом все больше и больше, от двухсот до четырех сотен тел на яму. А потом уж и не знали, что делать, потому что сверху надо же все-таки слой земли побольше сыпать, а глубже рыть – вода. Однако со временем чума взяла свое и стала свирепствовать так, что пришлось, сообщает шорник, выкопать просто пропасть, поскольку назвать эту гигантскую скважину «ямой» было бы слишком слабо.

«Немного, я думаю, – ведет свой рассказ Генри Фо, – наберется старожилов, уцелевших в нашем приходе, которые могут подтвердить, что так было, и которые могут указать, где находилась яма».

Проверено: не пустые слова, яма тянулась, как Генри Фо указывает, у западной городской стены вдоль церковной изгороди от Песьей канавы, потом на восток, в сторону Белой часовни, а кончалась у пивной Трех монахинь.

А дальше в Пирожной таверне, попалось на глаза Генри Фо зрелище, знакомое и нам с вами, только из другого источника.

Ни ушам, ни глазам своим сначала не поверил достопочтенный шорник, когда услышал и увидел он то, что увидел он и услышал: развеселая компания проводила время как ни в чем не бывало. «Таков был обычай этих людей и прежде, – рассказывает дядя Даниеля Дефо, – I но теперь их безумства приняли такой возмутительный характер, что сперва смущали, а

затем стали ужасать! даже самих хозяев заведения». Короче, пир во время чумы.

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Не умел описывать чувства! Учтите: описал он первым в мировой литературе вот то сверхчувство, запечатленное потом Пушкиным и возникающее в ситуации предельной: необъяснимый и властный порыв, толкающий на риск даже человека рассудочного, такого, каким был дядя Дефо. Ибо понятно и даже по-своему простительно безумство развращенно-отчаянных, затеявших среди всеобщих бед пирушку, но какая сила привела делового человека на край мрачной бездны? А ведь он пошел и заглянул в страшную яму… Могильщик ему еще сказал: «Что ж, смотри, коли хочешь!» И удовлетворяющий свое рискованное любопытство шорник становится похож на тех безумцев, что поют и пьют «под чуму».

Сближение минутное, но длительным делать его и не надо, это сближение и так слишком злое, вроде того, какое произведено будет над Гулливером в стране гуигнгнмов: привяжут его к одному бревну рядом с йеху, и ох как покоробит Гулливера от такого соседства, но ведь ничего не скажешь – похожи!

«Достаточно хотя бы заглянуть в адскую бездну, чтобы остался на тебе ее зловещий отсвет» – сформулировано это будет уже, собственно, в новейшее время, на пороге нашего века, а первый вклад в разработку такой диалектики человеческого поведения внес, конечно, Дефо.

Пристальнейшим взглядом всматривался в природу человеческую Шекспир, но, как в случае с могильщиком, с известной дистанции, иногда очень значительной, определяемой расстоянием во времени: от преданий, «старых историй» – к современности. Дефо рассматривает человека через детали повседневного поведения. Положим, «Дневник» воспроизводил события шестидесятилетней давности, но от прошлого к настоящему соединяла их память одного человека, и, кроме того, все совершалось на тех же улицах…

Зло, как и грех, в природе человеческой Дефо понимал для его среды традиционно, по-евангельски (кто без греха? кто решится первым в грешника бросить камень?), но при этом

ставил вопрос и по-своему, прежде всего: «Что более праведно, благочестиво: бездействовать или же пойти на риск и покаяться?» Мы знаем, что Дефо опишет человека в борьбе за жизнь на необитаемом острове. Но ведь действительно, дело не в острове, а в одиночестве, которое (как и подчеркивал Дефо) и в толпе может кого угодно настигнуть. Вопрос в полноте ответственности, которую берет на себя человек, и только он сам, один, оставаясь в чумном городе и готовясь встретиться лицом к лицу с самой смертью.

«Без особой на то охоты, но я вынужден напомнить моим соотечественникам о событиях весьма плачевных в нашем Сити, которые совершались там во времена страшного мора или, как его у нас называли, посещения», – это уже без повествовательных посредников вспоминал сам Дефо. Как зарастали тогда лондонские улицы травой, как опустели самые людные места города, как прекратилась всякая торговля и лишь немногие лавки еще оставались открытыми. И как на тротуаре возле Почтового двора лежал кошелек с деньгами, и никто не осмеливался дотронуться до него. И лежал кошелек несколько часов, пока человек, уже перенесший чуму, не пришел туда с ведром воды и раскаленными докрасна большими щипцами. Взял кошелек щипцами: кожа сгорела, а деньги высыпались в ведро.

«С удрученным сердцем вспоминаю я и то, – говорит Дефо, – что помню хорошо, хотя был совсем еще зелен. Имею в виду большой лондонский пожар…»

«Жаль, не описал он пожар», – вздохнул Вальтер Скотт, когда издавал сочинения Дефо. Но, добавил Скотт, к счастью, есть и другие классические описания этого бедствия. Действительно, от той же эпохи сохранился еще один, поистине эпохальный дневник в двадцать девять томов, в котором есть и чума, и большой пожар, и вообще все время зафиксировано в бытовых деталях, конкретных лицах, сложных закулисных коллизиях. Автором дневника был крупный чиновник морского министерства, фактически один из создателей британского флота. Это Самюель Пипс, на которого комментаторы Дефо часто ссылаются ради проверки: те же события в другом освещении. Пипс не делал из своего дневника секрета и даже показывал современникам, как он его ведет, стенографическим способом, но расшифрован и опубликован дневник был сто лет спустя, так что Дефо этим источником не мог пользоваться.[6] Проверка по летописи, составленной Пипсом, тем более поучительна, что сопоставление получается объективным. И среди прочих результатов проверки обнаруживается разный угол зрения, определяемый не только

пристрастиями личными, но именно уровнем наблюдения – средой, и соответственно районом города. Пипс жил там же примерно, где и Роксана, где жили не труженики и торговцы, кропотливым трудом добывавшие себе копейку, а совершенно «новые люди», поднимавшиеся быстро по служебной лестнице и селившиеся неподалеку от королевского дворца, на Стрэнде, то есть набережной. И смотрит он, судя по дневнику, на таких, как Дефо, со стороны и свысока.

«Джейн, одна из наших служанок, – пометил Сэмюель Пипс 2 сентября 1666 года эту запись, – засидевшаяся в тот день позднее обычного за приготовлением вещей к празднику, вдруг подняла нас в три часа утра и сообщила, что Сити горит».

Не сразу можно было представить себе размеры нагрянувшего бедствия. Поначалу Сэмюелю Пипсу показалось, что хотя и горит, но где-то далеко, и он отправился назад в постель. И даже несколько часов спустя около семи, когда поднялся он и выглянул в то же окно, ему показалось, что огонь не приблизился и даже стал тише. Но надо было посмотреть в другую сторону: целые улицы были охвачены пламенем!

Добровольный летописец спешит из дома, он устремляется к Тауэру, и вот перед взором его открывается объятый пламенем город. В Сити стена у Поповских ворот остановила движение пожара: Сэмюель Пипс отмечает этот факт так же, как находим мы упоминание об этом в семейных преданиях Дефо.

Но разница в самом деле в наблюдательных позициях, в районах города. Сэмюель Пипс, хотя и был потрясен виденным, но это не отменило для него праздника и не помешало ему в тот же день отменно пообедать с друзьями. И в продолжение славного застолья они с тревожным любопытством поглядывали в окно. А Дефо, его семья и соседи видели пожар изнутри. Они, собственно, и горели!

В отличие от чумы, где первопричины выдвигались всего только в двух вариантах – происки дьявола или же божья кара, о такой напасти, как этот пожар, горожане не знали, что и подумать. Кто опять ссылался на бога или на дьявола, кто утверждал, что это все «проклятые католики», а кто говорил – раскольники, но достоверно знали одно: загорелось у булочника на Пудинговой улице, а там пошло полыхать.

Если чума унесла пятую часть лондонского населения, которое тогда составляло четыреста тысяч, то пожар, хотя погибло в нем только шесть человек, превратил город в руины. В это же время разгорелась еще и война – с голландцами.

Войны на веку Дефо шли фактически непрерывно. Это была

одна и та же, изредка приостанавливаемая перемириями, да и то лишь частичными, борьба за передел мира. Англичане поддержали голландцев в их стремлении освободиться от испанского господства, но сами стали с ними жестоко соперничать за владения на суше и на море. Между англичанами и голландцами было три войны подряд. В первой из них англичане потеснили голландцев и заставили их признать Навигационный акт, принятый английским парламентом в 1651 году. В этот самый год, за месяц до принятия акта, Робинзон ушел в море, и все коллизии, в какие попадает он «на водах», являются последствиями все того же парламентского постановления, запрещавшего ввоз товаров в Англию на иностранных судах.

Навигационный акт защищал интересы английских мореплавателей и купцов, но – в пределах таможенного осмотра, у берега, а в открытом море борьба в результате этого постановления только обострилась. Четыре года англичанам потребовалось, чтобы «убедить» голландцев, наиболее сильных своих морских конкурентов, не нарушать этот акт. Однако спустя десять лет началась вторая англо-голландская война. И опять перевес поначалу был на стороне англичан, в особенности в заокеанских колониях, где голландцам пришлось расстаться с Новым Амстердамом, и англичане присвоили ему название того самого города, где родился Робинзон, только, естественно, с приставкой Новый, то есть Нью-Йорк (1664).[7]

Но вскоре стихийные бедствия ослабили англичан, и прямо по следам чумы и пожара летом 1667 года голландцы дерзко блокировали вход в Темзу и уничтожили британский флот прямо в виду города. В итоге по заключении мира решено было так: от притязаний на свой бывший Новый Амстердам, а нынешний Нью-Йорк голландцы окончательно отказываются, зато в Навигационном акте будут сделаны послабления в благоприятную для них сторону.

Все это было тоже не окончательно, потому что еще через несколько лет началась и третья война, и впоследствии были конфликты, в силу которых Дефо неоднократно тревожил своих читателей вопросом: «А вдруг придут голландцы?»

Из всех голландских нападений налет 1667 года был особенно опасным и памятным, ведь тогда боялись, что голландцы в самом деле придут, возьмут да и высадятся! В Лондоне поднялась паника…

В эту трудную пору у Дефо умерла мать. Знаем мы о ней мало, но факты все же важные. По социальному положению Алиса Фо стояла выше своего мужа и была коренной англичанкой. Это ее отец, дед Дефо, имел довольно обширное хозяйство, а потому

настроен был не в пользу парламентских преобразований и в результате по ходу революции и гражданской войны понес, как видно, значительные убытки, иначе чем еще объяснить выход его дочери замуж за какого-то торговца? Одним словом, породнился Дефо по линии матери с той прослойкой, откуда родом была и мать Шекспира. Предки Мэри Арден (матери Шекспира) и Алисы Фо (девичья фамилия ее неизвестна) – пусть не совсем сельские сквайры, но вполне йомены.

В «Гамлете» сказано: «Послужил как йомен». Это принц говорит о почерке, об умении писать красиво, а почерк в тот раз по ходу дела спас Гамлету жизнь: удалось изменить собственный смертный приговор… И всегда говорил Шекспир о йоменах только так, не много, но веско, и называл он их неизменно стойкими, мужественными, верными. У К. Маркса мы находим определение йоменов – становой хребет нации.

«Йоменом я родился, йоменом и умру» – это реплика из пьесы, хотя и не шекспировской, но шекспировских времен, произвела сильнейшее впечатление на М. Горького, когда он еще в молодости прочитал эту пьесу и поразился силе самосознания простого человека, гордого своей участью. Именно с йоменами связано понятие о «старой веселой Англии».

Когда и где она существовала? На это можно ответить определенно. Почти всегда в прошлом. Идеал ускользающий, уходящий, уходящий вместе со «старым добрым временем», которое кажется «добрым» лишь на почтительном расстоянии. Уже Шекспир застал «старую веселую Англию» лишь в обломках, уже Шекспир – природный йомен по своим корням – покинул родную среду и отправился из сельской местности в большой город на заработки. А Гулливер смог увидеть тех же «поселян старого закала» только благодаря тому, что в ученой стране Лапута получил возможность управлять временем, и Гулливер вызвал их из прошлого.

Если бы такая возможность представилась и нам с вами, то, двигаясь назад от века к веку, мы, разумеется, не задержались бы в «старой доброй Англии» Диккенса, потому что тогда это наименование сделалось уже только условностью. Пришлось бы миновать и шекспировские времена. Но где-то, продвинувшись еще на сто лет вспять от Шекспира, могли бы мы остановиться в середине XV века.

Не скажешь, что в ту пору англичанам жилось особенно уютно и весело, но тогда было отменено у них крепостное право, деятельные люди из народа вместе со свободой личной получили известную свободу действия, и зажили они совсем вроде как «прежние помещики», сами себе хозяева. Вот они-то и назывались

йоменами. И хотя в это же самое время Англия вела за морем тяжелейшие войны, а внутри страны враждовали аристократы, все же скромное довольство йоменов казалось земным раем. Нет, они не сторонились битв. «В бой, стойкие йомены!» («Ричард III» Шекспира) – и меняют они плуг на меч, и служат родине так, как послужил принцу Гамлету почерк… В боях за родину отстаивали они и свой малый, домашний мир. А если доискиваться до изначального смысла понятия «йомен», то ближе всего будет – «местный»: человек на своей земле.

Относительное процветание «старой веселой Англии» продолжалось немногим более полувека. Как исчезала она, писал в начале XVI столетия Томас Мор. Людей «поедали» овцы, наступали новые времена, когда пахарей сгоняли с земли, чтобы разводить овечьи отары, – нужна была шерсть на потребу быстро растущей текстильной промышленности. Но обрабатывать волокно англичане умели только очень грубо. Приходилось отправлять сырье за границу, большей частью в Голландию и Фландрию, где ткацкое дело стояло, как мы уже знаем, на высоком уровне. А когда религиозные притеснения погнали протестантов с насиженных мест и устремились они на Британские острова, это действительно пошло англичанам на пользу: приезжие мастера научили англичан обрабатывать шерсть так, что это принесло им на века силу и славу. И если Дефо иногда напоминали, что он, собственно, не англичанин, он, в свою очередь, предлагал вспомнить о деловом долге островитян перед его континентальными предками, о том, кто помог коренным британцам стать первой промышленной державой мира…

Судьба таких людей, как Дефо или Шекспир, которые, вливаясь в ряды людей «новых», участвуют в социальном процессе, разрушающем их собственную среду, отличается еще и движением возвратным, как бы покаянным порывом назад, к «дому», – с попыткой воссоединить «новое» и «былое».

Итак, крах республики, Реставрация, «Закон о единообразии», чума, пожар, война, смерть матери. Ото всех потрясений, которые могли прямо или косвенно коснуться мальчика десяти лет, Дефо заболел, и его возили к целебным источникам на юг Англии, в графство Кент. А вскоре отец, оставшийся с детьми и большим торговым делом на руках, отдает его в учебный пансион.

ДЕФО И КРУЗО
(Годы учения)

Джеймс Фо хотел видеть сына «пастырем божьим». Это уж как у добрых людей водится: нажил состояние, то есть согрешил, а во искупление принеси жертву Авраамову – сына: пусть послужит делам духовным. Кроме того, по какой еще стезе мог пойти сын протестанта, да к тому же завзятого раскольника?

Все образование контролировала церковь официальная, поэтому приходские школы и оба университета – Кембридж и Оксфорд – для Дефо были закрыты. К счастью, неподалеку от Лондона один протестант открыл пансион. Туда Джеймс Фо сына и отдал. Ему это было еще и потому удобно, что там же, в Доркинге (графство Серрей), к югу от Лондона находилось имение, полученное им по наследству от богатой родственницы, которая, как и жена его, оставила грешный мир после натиска «батальона бед» (шекспировские слова) – чумная эпидемия, разрушительный пожар и война…

Из пансиона примерно в четырнадцать лет Дефо перешел в духовную академию, открытую еще одним протестантом в лондонском пригороде Ньюингтоне. «Академия» так называлась по желанию ее основателя, историки же говорят – семинария.

Это прямо на север от Сити, теперь в черте города, и с помощью метро и автобуса составляет тридцать-сорок минут пути. С Ньюингтоном у Дефо оказалась связана вся жизнь. В той части пригорода, что названа Луговой (Ньюингтон Грин), он учился, там же пытался он основать одно из первых и неудачных своих предприятий, а в части, называемой Горячей (Сток Ньюингтон), Дефо со временем поселился и даже построил свой дом.

Годы его учения здесь приходятся на 1674–1679 годы.

Следы от раннего пребывания в Ньюингтоне по-разному видны в его творчестве. Вот «Записки кавалера» – откуда такая достоверность? Мы знаем, Дефо пользовался книжными источниками, многое додумывал, дорабатывал силой фантазии. Но знаем также, что в основе замысла у него всегда было реальное зерно. А в Ньюингтоне доживал век один из ветеранов гражданской войны, близкий сподвижник самого Кромвеля, женатый к тому же на его дочери, полковник Чарльз Флитвуд. Это была живая летопись тех дней! Дефо постарался запечатлеть, хотя и через посредство совсем иного рассказчика, в «Записках кавалера». Рассказчик не тот, но ведь надо учесть, что Дефо это

писал и печатал в ту пору, когда «порядочные» люди имя Кромвеля вообще уже не произносили. А если и произносили, то для консерваторов он был узурпатор, для «прогрессистов» – тиран, для тех и для других – лицемерный фанатик. Уже и прах его был поруган – вынесен из национальной усыпальницы и сброшен в яму. Однако у Дефо, как он подчеркнул, хорошая память – историческая. Устами своего персонажа, тем более беспристрастного, что сам он сражался против кромвелевцев, Дефо, вспоминая вождя революционной армии, тревожил память современников, понаживших на кромвелевских победах, однако предпочитавших трусливо не вспоминать, откуда у них и богатство, и хорошее положение в обществе. Добавим еще, что Дефо, со своей стороны, отнюдь не числил Кромвеля, вождя «железнобоких», в пантеоне своих излюбленных героев, просто, повторим, – хорошая память, натренированная с юных лет в академии Ньюингтона.

«Было такое учебное заведение, – впоследствии рассказывал Дефо, – где преподавал человек, светлая голова, умевший передать своим ученикам нужные знания. Учил он ясному пониманию вещей и столь же ясному выражению своих мыслей. Так и вышли из числа его воспитанников мастера родного языка. А были среди них Тимоти Крузо, Ганют из Ярмута, Сэмюель Весли из Дартмута, Даниель Дефо и еще двое-трое, которые могли бы составить славу своего учителя, но сделались мучениками…»

Да, с Дефо это бывало нередко: писал о себе не смущаясь, поскольку не ставил под написанным своего имени. Но эти воспоминания достоверны и оценки объективны. Прежде всего «светлая голова», основатель и руководитель академии, достопочтенный Чарльз Мортон был человеком действительно незаурядным. Сам он окончил Оксфорд, но после 1662 года как раскольник пострадал, и официальная проповедническая или преподавательская карьера перед ним закрылась. Он писал, подражая в своих сочинениях Томасу Мору. Он интересовался естественными и точными науками, смело вводя их в программу своей академии. Со временем Мортону пришлось уехать в Америку: развернуться в Англии ему так и не удалось, причем против раскольничьих академий в принципе стали выступать не только деканы Оксфорда и Кембриджа, питавшие к первоначальному успеху Мортона ревность, но и его собственные ученики, в том числе Дефо.

Да, не одни лишь светлые воспоминания об академии сохранялись у Дефо. Сектантский дух в ней сказывался, а этого он не принимал. Но выпускники его поколения в самом деле

составили славную когорту и не затерялись в истории. Так Сэмюэль Весли оказался представителем целой семьи видных общественных деятелей, сам он оставался в Англии, а сын его уехал в Америку, и одним из отдаленных последствий его деятельности было создание Институтов Весли, благотворительно субсидируемой организации научных центров, той, что во время второй мировой войны позволила работать в Америке Томасу Манну и Эйнштейну. Сам Весли, вскоре принявший официальную веру, сразу же продвинулся и получил приход, но по иронии судьбы прихожане его оказались сильно подвержены раскольничьему влиянию, они плохо внимали своему пастырю и даже всячески старались его скомпрометировать. Отошедший от раскольничества Весли сохранил, однако, духовную стойкость, усиленно занимаясь литературными, в первую очередь богословскими трудами – с молодых лет он много и легко писал (у Дефо вообще было немало хорошо пишущих друзей).

О том, почему мученический венец ждал тех троих, о которых вспоминает Дефо, мы еще узнаем. Сейчас нам важно, что в Мортоновой академии учились вместе Дефо и Крузо, хотя его звали, правда, не Робинзон, а Тимоти.

Фамилию Крузо пытаются вывести еще и из других источников, географических, от названия острова Кюрасао, но это натяжка. «Неспокойный юноша», как называет себя Робинзон, многим по характеру похож на друзей Дефо, которые вместе с ним учились, а потом не раз оказывались плечом к плечу в гражданской борьбе.

Тимоти Крузо рано умер, в 1697 году, и Дефо обессмертил его в имени своего основного героя.

Что же касается разочарования в академии, то и это для Дефо характерно. Биографы проследили: взявшись за любое дело, он потом то же самое дело критиковал.

Там же, в академии, Дефо мог слушать Джона Бэньяна его имя мы теперь в историях английской литературы видим непосредственно перед Дефо. Первый по значению мученик пуританского календаря Бэньян как проповедник и писатель был создателем той «суровой прозы» (Пушкин), простой, ясной и в то же время выразительной, которая окажется образцом для создателя «Робинзона».

Джон Бэньян сделал в Англии то, что в Германии совершил Лютер: «слово божье» стало под его пером общедоступным, человеческим, обрело, по выражению Ф. Энгельса, силу «мощного плебейского оружия». Реформация ознаменовалась переводом священного писания с темной для большинства латыни на языки национальные. Но прежде чем переводить, нужно было

преобразовать сам язык, который не был готов к этому. Поэтому в Германии перевод Библии, выполненный великим Лютером в 20-х годах XVI века, послужил основой немецкого литературного языка. Такой перевод своим чередом в 30-х годах того же столетия появился и в Англии, однако не имел столь высоких достоинств и такого большого влияния. К тому же наступившая вскоре шекспировская эпоха подняла до таких высот поэзию, что проза, развившаяся своим путем, поневоле осталась в тени. Мощь поэзии воздействовала на прозу, и прозаики, не в силах органически усвоить сильное влияние, искусственно переносили в прозаический стиль поэтические приемы. Получалось вычурно: непрерывная игра словами, одна за другой риторические фигуры. Затем публицисты времен революции, которые, как говорил Маркс, пользовались «языком и страстями Ветхого Завета», добились простоты и силы. Итогом этих усилий и был «Путь паломника» Бэньяна.

Джон Бэньян, как и поэт Мильтон, в результате Реставрации очутился не в своем времени. Однако в отличие от Мильтона он не нашел милости и тут же был посажен в тюрьму. Сын лудильщика, солдат революционной армии, Бэньян был из неисправимых раскольников. Коренастый, полнокровный парень, он страсть проповедника соединял с любовью ко всем земным радостям, что и подало повод к многочисленным рассказам о его ханжестве: дескать, проповедует «святую жизнь», а сам… Однако Бэньян если и призывал к праведности, то действительно на свой лад. Поэтому с началом Реставрации и торжеством официальной церкви его тотчас упрятали за решетку, где он провел двенадцать лет. Правда, положение его было не из худших, у него были сочувствующие, так что скоро он стал только числиться «узником», а время проводил большей частью дома, с условием не покидать город Бедфорд, где находилась тюрьма, где он жил и откуда был родом. Формальное помилование пришло к Бэньяну вместе с королевским постановлением 1671 года, двусмысленным, как и все постановления Карла II. Вроде бы была объявлена «веротерпимость», но означало это притеснение протестантов ради послабления католикам. Чтобы скрыть цель своих маневров, король уж простил «узников веры», в их числе и Бэньяна. Однако через три года Бэньян, не поступившийся своими взглядами, вновь оказался в заключении, где провел на этот раз только полгода, когда и написал «Путь паломника», сочинение, сделавшее его классиком при жизни.

«Путь паломника», книга назидательная и развлекательная, была первым, помимо Библии, массовым чтением англичан. Простой слог, вдохновенная речь, а по существу, описание всем

понятных, хотя и аллегорически представленных, бед послереволюционного и реставрационного времени – «долина искушений», «ярмарка тщеславия». Книга разошлась немыслимым по тому времени тиражом в сто тысяч экземпляров за десять лет. А уж когда Бэньян обращался к слушателям с живым словом, то яблоку упасть было негде. Даром что официального духовного сана он не имел и, уж конечно, преследовался по закону о «единообразии», но зато клерикалы, соблюдавшие все правила, вещали перед пустыми скамьями.

Моя душа полна
Тоской и ужасом; мучительное бремя
Тягчит меня! Идет! уж близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обресть убежище; а где? о горе, горе!

Это Пушкин стихами переложил некоторые страницы из книги Бэньяна, сохранив самый дух и способ обращения знаменитого проповедника. Каждое слово – сказание, символ: этот «город», а кроме того, «полудикая долина» – юдоль жизни, исполненная греха, порока, искушений, которые пройти человеку тяжело, однако необходимо, смиряя себя сознанием нравственного долга. Робинзон заговорит языком, усвоенным Дефо с юных лет, когда назовет свое убежище Островом Отчаяния…

А все-таки не встал Дефо на путь, на который его направляла академия. Тимоти Крузо другое дело, он сделался одним из видных протестантских проповедников. Дефо, подобно Робинзону, который вопреки воле отца, желавшего видеть сына адвокатом, ушел в море, свернул с уготованной для него дороги. Почему? Тут единодушны биографы. Не изменяя из принципа вере отцов, он сам уже, по существу, не придерживался ее. Для последующих поколений прояснилось это не сразу.

Большинство современников из тех, в чье поле зрения попадал Дефо, видели в нем раскольника, которому следовало бы помалкивать. Соответственно первые биографы в порядке компенсации за все притеснения, испытанные Дефо, давали ему высказаться прежде всего как раскольнику, выписывали из его сочинений высказывание за высказыванием, и получалось: Дефо – раскольник. Потом обращали внимание на другие его пассажи, и выходило: Дефо сочувствовал католикам. Это – крайности, а в целом на жизненном знамени Дефо начертано было прежде всего

– Терпимость и Разумность. И решающая особенность такой позиции не только в признании за всяким вероисповеданием его прав, а в том, что религия как таковая играла в сознании Дефо роль хотя и всепроникающую, но и вместе с тем отведено ей было место условно-побочное. «По зрелом размышлении» действуют и персонажи Дефо, здравый смысл помогает им соразмерить душевный порыв с конкретными условиями, не впадая в истовую религиозность. Молитву о здравии Робинзон, руководствуясь все тем же разумным подходом к делу, подкрепляет достойной смесью рома с табачной настойкой и, поднявшись наутро бодр и свеж, позволяет приписывать свое выздоровление чудодейственной силе любого из средств, им использованных.

Всю жизнь участвовал Дефо в религиозных разногласиях, но не ради того, чтобы как-то разрешить их, а прекратить. В этих спорах, задевавших все сферы жизни, видел он помеху делу. Никаким сторонником католиков он не был, однако, потомок и воспитанник протестантов, не был он и протестантом, хотя в сознании его раскольничья академия оставила глубокий след.

Борцы за «правду Божью» во всей ее чистоте, ведущие из протестантов, пуритане, заслужили, однако, в веках репутацию лицемеров. (Бэньян не в счет, его проповеди и многие истовые пуритане плохо переваривали.) В целом пуританизм сделался синонимом ханжества. Ведь постная проповедь оборачивалась скопидомством. Воздержание вело к богатству, все к той же сурово осуждаемой роскоши. Правда, это был уже не старинный размах с замками и охотничьими травлями, но расчет денежного мешка. Алчность и хищничество искали способа выглядеть добродетелью. «Греши, если это необходимо, но не наслаждайся» – так иронически формулировали основной принцип пуританского лицемерия. «Спасение своей души и своего капитала» – цена пуританской «праведности».

Все это усмотрел в пуританстве еще Шекспир. В комедии «Двенадцатая ночь» вывел он фигуру пуританина. Вот выступает он, мрачный Мальволио: важная осанка, строгий костюм, еще более строгий взгляд. И следит он, чтобы всюду был полный порядок. «Что ж нам теперь, – говорят ему, – не видать ни горького, ни сладкого?» Не повеселиться и не полакомиться? Но, оказывается, блюститель нравственности сам не прочь отведать от радостей жизни, он – лицемер, злюка, чему и соответствует имя его, означающее «Злонравов».

Шекспир представил серьезное явление в смешном виде. На то и комедия, а кроме того, люди, подобные Мальволио, в шекспировскую эпоху только еще начинали отстаивать свои позиции. Но когда уже в нашем веке эту роль исполнил

племянник Чехова, выдающийся актер Михаил Чехов, из комедии получилась трагедия.

Вот как, по рассказу очевидца, этот Злонравов, являвший собой многовековой итог заблуждений пуританства, выглядел: «Голова сидела гордо и в то же время была так нелепо втянута в шею, что казалась комически застрявшей между острыми плечиками, торчавшими кверху. Черный колет, черные панталоны и черные чулки… Это был доведенный до гротеска, вызывающий неудержимый смех портрет чванства, глупости, ничтожества и старческой влюбчивости».

Как видите, сначала было смешно, однако потом становилось жутковато. Это было уже не лицемерие, это было, если можно так выразиться, «честное» лицемерие: «ничем не пробиваемая сверхглупость». Этот Мальволио искренне верил, что не нужно «ни горького, ни сладкого», что так называемые «радости жизни» – пустой шум, трата времени, и столь же искренне, сам себе расставляя ловушку, мечтал он о тех же радостях. Прозрение было ужасно. Никого, кроме себя самого, Мальволио своим «благочестием» не обманывал. «Обидели меня, обидели жестоко!» – вместе с рыданием звучали его последние слова, ошеломляя зрителей, пришедших на комедию, то есть посмеяться…

«Крайний пуританин резко отличался от прочих людей, – пишет английский историк Маколей, как бы подтверждая верность актерской интуиции, – походкою, платьем, нависшими волосами, угрюмой торжественностью лица, возведенными к небу очами, гнусавым произношением, но всего более особой речью, ибо при всяком случае употреблял слова из священного писания…» Историк свидетельствует: «Пить за здоровье друга, охотиться, играть в шахматы, носить локоны, крахмалить манжеты, играть на клавикордах считалось у пуритан грехом… Изящные искусства были почти все опальными. Торжественные звуки органа объявлялись суеверием. Легкая маскарадная музыка – распутством. Одна половина живописных картин предавалась анафеме как идолопоклонство, другая как непристойность…»

К театру у пуритан были особенно острые претензии. В парламентском прошении, представленном пуританами накануне «большого бунта», отдельный пункт отведен был искусству. Там говорилось: «Выпускаются тучи развращающих, пустых и бесполезных книг и брошюр, пьес и баллад…» Может быть, это были никудышные баллады и плохие пьесы? Нет, все без разбора, в том числе и шекспировские. В это время как раз вышло очередное издание полного посмертного собрания шекспировских сочинений, которое имело такой успех, что поднялось в цене выше Библии. Представьте, что могли сказать на этот счет

составители протестантского прошения… Представить себе это совсем нетрудно, если учесть, что один из самых непреклонных сторонников «большого бунта» являлся в то же самое время яростным врагом театра. В потворстве «разврату», то есть театральным зрелищам, не боялся он обвинять персонально саму королеву Елизавету, которой так нравились шекспировские комедии; не боялся ни Якова (он же Джеймс), даровавшего шекспировской труппе звание «королевской», ни Карла I, который и перед смертной казнью читал Шекспира. Неистовый пуританин, с обрезанными ушами, со шрамами от пыток – и ни пытки, ни муки, ни многие годы тюремного заключения не сломили его дух. Вышел он на свободу как раз к тому времени, когда королевская власть пошатнулась, пуританское влияние возросло, и театры стараниями таких, как он, были закрыты и уничтожены.

К религиозному инакомыслию пуритане проявляли такую же нетерпимость; сатирик-современник писал о пуританской неистовости:

Разоблачить еретика
Всегда готова их рука,
Для них и Реформация в том,
Чтоб жечь, колоть, рубить мечом,
За годом год, за веком век,
Покуда дышит человек,
Как будто вера наша
От этого все чище, краше,
У них в душе кипит всегда
Неукротимая вражда
То к этому, а то к тому,
У всех ошибок видят тьму.

Имя этого поэта Батлер, он долго был учителем в семье видного пуританина и наблюдал механику пуританской «праведности» изнутри. Дефо наизусть знал его колкие стихи и подражал им: проза Бэньяна формировала его собственный слог, в стихах его слышались отрывистые батлеровские ритмы, а в целом, по направлению мысли, он – пуританин и антипуританин одновременно.

Положим, рассуждая исторически точно, с окончанием английской революции, после 1660 года, в эпоху Дефо, пуритане как таковые перестали существовать, но в самом общем смысле пуританский дух наследовали те многочисленные раскольничьи секты, к одной из которых (какой именно, мы не знаем) принадлежал Дефо.

Скажется в нем и исконный пуританин, например, в отношении к театру. Да, он видел «Бурю», и она, пусть в переделке, все же произвела на него сильное впечатление. Но будет и такой момент, когда он сам предложит закрыть театры. Правда, в отличие от тех неистовых пуритан, по мнению которых театры надо сжечь, а лицедеев сечь кнутом, Дефо думал использовать театр по-другому, более дельному назначению, что же касается актеров, то – освободить их от занимаемой должности и выдать пенсии. Пенсии вообще, в представлении Дефо, служили панацеей от многих бед. Умалишенным – тоже пенсии, но из каких средств? Делать в их пользу отчисления от писательских гонораров! Нашелся бы, по мнению Дефо, и для содержания бывших актеров какой-нибудь источник, но только нельзя им позволять развращать нравы.

Пуританин в нем сказывался, а проповедником он не стал.

Сам Дефо на вопрос, почему вопреки воле отца он не пошел в «учителя духовные», ответил, как считают биографы, в поэме, которую посвятил впоследствии памяти одного из своих наставников. «Вот если бы такими были пуритане!» – как бы говорят эти стихи. То была прежде всего натура, отзывчивая к требованиям жизни. Не в том дело даже, рассказывает Дефо, чему этот доктор Энсли учил, а как он учил… Учил просто своим присутствием, тем, каков был. Люди постарше помнили, как выдержал он все гонения после 1662 года, как в 1665 и 1666 годах, в пору ужасных бедствий, воодушевлял прихожан. Даже и не прихожан, ибо от церкви он был отлучен и формально служить ему было негде. Воодушевлял всех, кто только слышал его, когда под открытым небом на развалинах среди пожарищ убеждал он людей не терять веры в торжество справедливости и доброй воли. Стены храма и не нужны ему были, и обряд был не важен. Сила духа – вот что это было, вот что нес он в себе.

Но ведь за все годы учения Дефо немного слышал и видел таких проповедников. В распространенном виде пуританская мораль страдала узостью, доктринерством, которые совсем его не привлекали. Много лет спустя, стараясь сделать своего Робинзона понятным в том смысле, как сам он понимал исповедь «моряка из Йорка», Дефо подчеркивает: из того, что Робинзон долго жил вдали от людей и тем самым походил на христианских пустынников, вовсе еще не следует, будто он человек особой духовности. Вспомнив о затворничестве, покаяниях, обетах – короче, обо всех формальностях, считавшихся признаками праведничества, Дефо утверждает, что можно быть человеком высокой морали и без такого, по словам Дефо, «насилия над

человеческой природой».

Собственно, это и была та позиция, которая обрекла Дефо на положение Робинзоново, на одиночество в море людском. Религиозный конформизм, которого считал возможным придерживаться даже Шекспир или друг Дефо – Весли, сам Дефо считал для себя недопустимым. За веру, свою веру, у него пострадал отец, и такие, как доктор Энсли, за ту же веру страдали, так что и он всю жизнь оставался непримиримым раскольником, но сам же с раскольничеством спорил и фактически покинул его ряды.

Есть все же сведения о том, что прямо по выходе из академии Дефо взялся за проповедничество, протестантскую агитацию, тем более в тот момент только и разговоров было что о «католической угрозе».

Опасность католического вмешательства в английскую жизнь, как мы уже знаем, действительно существовала, только где, на каком уровне? Платным агентом католиков был сам английский король. Но это известно нам, а в то время именно король сквозь пальцы посмотрел на приговор, вынесенный тридцати пяти ни в чем не повинным «католическим лазутчикам», которых схватили по ложному навету.

«Заговорщиков», покушавшихся будто бы на святость церкви и на жизнь самого короля, видели всюду, на каждом шагу, только не там, где действительно строились католические козни. Вдохновителем «охоты за врагами отечества» был некто Титус Оутс, авантюрист, сменивший одно за другим разные вероисповедания, от крайнего протестантизма до крайнего католичества – иезуитизма. Однако и на этом Титус не остановился. Свои связи с иезуитами он использовал для их же «разоблачения», мнимого, но шуму наделавшего много.

Впоследствии на страницах своей газеты «Обозрение» Дефо вспоминал эти времена, когда, по его словам, «убийства людей на улицах по ночам сделались в порядке вещей, и жизнь всякого честного человека находилась в опасности». Убитого можно было считать кем угодно; и жертвой «католического заговора», и врагом, которого постигло праведное возмездие. Дефо, во всяком случае, не хотел быть застигнутым врасплох и, как он рассказывает, ходил всегда с кистенем. Кистень назывался «протестантским», а заговор – «католическим», но кто уж там под покровом ночи пускал смертоносное оружие в ход и кто падал под ударами, это уж поистине одному богу оставалось известно.

Паника, подогреваемая Титусом, профессиональным провокатором, и его приспешниками, до такого накала была

доведена, что простодушные люди готовы были верить россказням, будто католические лазутчики едва не разобрали и не унесли по частям монумент, который воздвигли в Лондоне в память большого пожара.

– Да, но монумент на месте стоит!

– А это королевские солдаты вовремя подоспели и не дали унести.

Такие шли разговоры, которых тогда понаслушался Дефо. Судя по всему, и он, еще молодой человек, не сразу разобрался, где одни разговоры, а где в самом деле заговор. О том, насколько ему угроза представлялась реальной, говорит тот факт, что, не жалея сил, он принялся переписывать Библию: на всякий случай, а не то л о ровен час придут католики и уничтожат протестантское священное писание! «Работал как лошадь», – сообщает Дефо. Страхи, видимо, несколько рассеялись, потому что, подобно тому персонажу из рассказов о Шерлоке Холмсе, который переписывал Британскую энциклопедию и дошел только до буквы «Б», так и Дефо успел переписать первые пять книг Библии. Однако надо отметить, что опасения его были не беспочвенными. Заговор заговором, но ведь и по ходу внутренней политики переводная Библия попадала иногда под запрет, так что читали ее тайком, а продавали из-под полы. «А что же будет, если сами католики придут?» Не исключено, что выпускник семинарии, готовившийся стать настоящим проповедником, с энтузиазмом громил «врагов», хотя каких, собственно, было неясно. «Беда всей моей жизни заключалась в том, что был я подвигнут на это поприще, беда была и в том, что я его покинул» – так рассматривал Дефо диалектику своей судьбы.

Но и академия, где он учился, всей своей программой настраивала не только на богословский лад. Преподавались в ней прикладные науки. «Оптика» Ньютона была одной из книг, усвоенных Дефо со школьной скамьи. Семинария по статусу, по уровню Мортонова академия не только не уступала университетам, но и превосходила их прежде всего обновлением курса в согласии с требованиями современности. Однако университетский диплом «доктора наук» есть университетский диплом. Вот Свифт его имел, звался «доктором» и всю жизнь прошел с гордо поднятой головой. А Дефо приходилось вроде бы извиняться даже за разносторонность своего образования. Так, по обыкновению имея в виду себя самого, но рассуждая в третьем лице, он писал о некоем человеке, который —

«1. Владеет французским так же бегло, как и своим родным английским. Знает испанский, итальянский и немного славянский, ибо случалось ему немало бывать среди поляков и

московитов. Знает он немного и португальский, а все же считается, что он – необразован.

2. Обладает достаточными знаниями в области экспериментальных наук, имеет солидную научную коллекцию, и все же – необразован.

3. Он знаток географии, весь мир представляет себе как на ладони. По любой европейской стране может дать обзор обстановки, природы, рек, главных городов, торговли, мало этого, сообщить кое-что из истории и политических интересов этой страны, а все-таки он – необразован.

4. Искусен в астрономии, разбирается во всех движениях небесных тел как специалист, но все же он – необразован.

5. Знаток истории, и, пожалуй, его можно назвать универсальным историком, ибо все исторические труды, написанные на его родном языке и переводные, он читал, а те, что не переведены, доступны ему на французском или итальянском. Но нет, он – необразован.

6. А что до его собственной страны, то он просто-напросто ходячая географическая карта. Он объехал весь остров, а многие его части и по нескольку раз, он и писал о своей стране, потому, когда выезжает он за границу, его нельзя упрекнуть в том грехе большинства английских путешественников, что стремятся узнать чужие страны, хотя не знают своей собственной. И все-таки человек этот – необразован.

А между тем множество людей, считающиеся образованными, совершенно ни к чему не пригодны. Это просто педанты, жующие греческий и латынь. Наши образованные люди представляются мне чем-то вроде механиков от образования, ибо они перебирают слова и спряжения, как старьевщик свое добро на свалке. Годятся они только учителя: взяли, что могли, от школы, чтобы, не покидая школы, и умереть там».

Конечно, многие знания, перечисленные Дефо, были им почерпнуты уже на всем жизненном пути, и это он подводил итоги, но основа была заложена в заведении Нортона. И неудивительно, что, выйдя из академии вооруженным несколькими иностранными языками, философией, историей, географией, астрономией и даже стенографией, Дефо устремился к деятельности практической.

Здесь биографы Дефо предлагают вновь свериться с «Приключениями Робинзона» и найти там символическое совпадение: девятнадцати лет уходит в море Робинзон, столько же было и Дефо, когда принял он решение покинуть проповедническую кафедру и заняться, как и отец его, делами торговыми.

Нам могут заметить, что этот момент из биографии Робинзона мы уже в символическом плане использовали, сопоставив его с фактами английской истории. Одно другого не исключает. Символика у Дефо многосторонняя. Ведь он и жизнь свою так рассматривал, частичкой истории всей страны. А кроме возраста, тут и совпадение по существу: противясь отцовской воле, Дефо, как и Робинзон, продолжил все-таки отцовскую линию.

ВЫХОД В МОРЕ

Если нечто автобиографическое находят в неприязни многих шекспировских героев к вину («У меня неподходящая голова насчет питья», – говорит, например, Кассио), то в романах Дефо лично выстраданными считаются муки «морской болезни». Начиная с Робинзона, Дефо не забывал подробно и прочувствованно передать незавидное состояние человека, подверженного морской качке. При одной мысли о море у Дефо прежде всего начинало сосать под ложечкой. Но иначе нельзя: мутит, не по себе, противно, а дело есть дело. От моря не отпугнул его и ужас, испытанный им в минуту, когда очутился он в руках у корсаров.

Шел тогда Дефо двадцать четвертый год. По отцовской протекции он был записан в цех мясников, но, как и отец, мясником фактически не был. Свечами торговал Джеймс Фо, а Даниель Дефо пошел своей дорогой – и на паях с братьями Станклиф взялся за торговлю самыми разнообразными товарами; и духами, и вином, и галантереей, и табаком. Впоследствии, когда врагам нужно было унизить Дефо, они называли его «галантерейщиком», говорили, что он «торговал чулками и подтяжками».

Действительно торговал, однако новейшие биографы на основе тщательных изысканий вносят некоторые поправки, советуя принять во внимание размах его предприятия. Не разносчиком, не коробейником он был каким-нибудь (таким его чаще всего изображали недруги), а оптовым торговцем, разместившим свои склады не где-нибудь, а на Хлебном холме, неподалеку от биржи, в торгово-финансовом центре тогдашнего Лондона. Этот район – Корнхилл – давно изменился, но по старым планам установили даже примерный размер владений Дефо, весьма внушительный. Довольно скоро Дефо все потерял, но даже по его долгам можно судить, насколько поначалу ему удалось преуспеть…

«Деловой человек», «коммерсант», «торговец» – слова эти Дефо произносил с наслаждением. Если за сто лет до этого провинциал Шекспир посматривал на деловую предприимчивость горожан с опаской, то коренной столичный житель Дефо поэтизировал деловитость. Шекспира тянет на природу, поохотиться или просто побродить по зеленым полям, для Дефо природа – мастерская. Он учит людей своей среды путешествовать, торговать, – короче, вести дела.

При Шекспире освоение «целого Света» англичанам л только

начиналось, во времена Дефо шло полным ходом, составляя магистральный процесс эпохи. С точки зрения Шекспира, чем шире становились горизонты, тем меньше мир, этот, по шекспировским словам, «маленький кружок Земля». У него даже внутренняя, домашняя «география» так ограничена, будто на всю Англию есть один лес, один луг и один кабак, известный Шекспиру еще с молодости. Он их и переносил из графства в графство, из пьесы в пьесу, путая исследователей, которые сбились с ног в поисках Винкота под Виндзором, где никогда никакого Винкота не бывало, а все это под тем же Стрэтфордом, откуда происходил сам Шекспир.

Не вызывало, как видно, никакого особенного энтузиазма у Шекспира и постепенное превращение Англии в Великобританию. Все шотландцы, уэльсцы, ирландцы в его пьесах, в сущности, люди для англичан посторонние. А Дефо не только соседние графства и все Британские острова, но даже остров Мадагаскар описывал с такой заинтересованностью, как если бы ему предстояло там открыть свои лавки. Да, у Шекспира море – буря, непокой, катастрофа, а Дефо, хотя мутило его даже в лодке на реке, смотрел на морские просторы как на колыбель величия и преуспеяния.

Полем деятельности для шекспировских персонажей служат в первую очередь луга, пашня, политая потом, сад, возделываемый из поколения в поколение. Из героев Дефо – целой толпы, достаточной для заселения хорошего города, все читатели знают одного только Робинзона. Он сам себе и садовник, и плотник, но это вообще героям Дефо несвойственно. Дефо уважал людей труда, но сам был человеком дела, и герои его в большинство люди не столько трудовые, сколько деловые, хотя, понятно, чтобы дело как следует вести, требуется поработать и руками и головой.

Если шекспировским землепашцам «родные пределы» покидать приходилось, именно приходилось, ради занятия малоприятного: чтобы идти на войну, – то у Дефо какая-нибудь уличная потаскуха и та, собрав свои одеяла и подушки, отправляется за океан в надежде на «удачу», иными словами, хороший заработок: что твои адмиралы Дрейк или Дампьер, прославленные морские волки!

«В восьмидесятые годы XVII столетия, – говорит историк, – фактически и зародился современный деловой буржуазный мир». Именно во времена ранней молодости Дефо были основаны существующие и по сию пору банки, торговые компании, проложены морские пути, налажено почтовое сообщение, служившее в первую очередь ускорению и расширению все того же торгового оборота. «Тогда изменился весь ритм деловой

жизни», – говорит историк.

Львиная доля богатств, сделавших Англию «первой державой мира», приходила морем. Купленное за бесценок или как-нибудь еще добытое в дальних краях добро давало крупный барыш. Именно что добытое, но как!

«В те дни, – напоминает историк, – граница между сделкой и воровством или между коммерцией и морским разбоем была весьма неопределенной». Почтенные толстосумы из лондонского Сити считали прибыльным вкладывать деньги в чисто пиратские затеи. Но зачем людей, которые ради тебя же стараются, пиратами называть? Не пираты они, а просто приватеры, то есть частники, и притом смельчаки и вообще благородные люди, добровольно взявшие на себя роль защитников торговых судов от нападения.

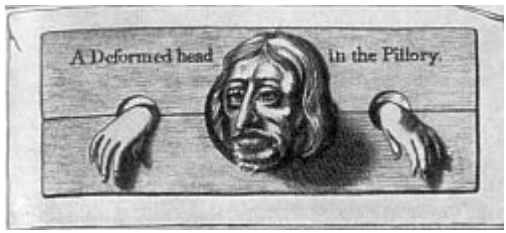
Знатоки-бытописатели рассказывают, что в преступном мире соблюдается своя субординация: грабитель не позволит, чтобы его назвали вором. Историки советуют и морских разбойников друг с другом не путать: корсар, конечно, не капер, потому что корсар – разбойник, а капер, он, конечно, тоже разбойник, но все-таки как на него посмотреть, а смотрели английские власти сквозь пальцы на тех лихих морских людей, что нападали на торговые корабли других держав. Вот и получается вместо корсара тот же разбойник, но капер. Или «морские соколы». О, «соколы» составили славу нации, они пользовались поддержкой правительства еще с шекспировских времен. Кто развеял по ветру силу и славу испанской Непобедимой Армады, кто шел на поиски Эльдорадо, как не эти смельчаки и головоре… то есть «джентльмены удачи»!

Эпидемия чумы в Лондоне.
Из книги XVIII века. 1665 г.

Торговая улица. Лондон.
Гравюра. 1720 г.

Королева Мэри и король Вильям III.

Королева Анна.



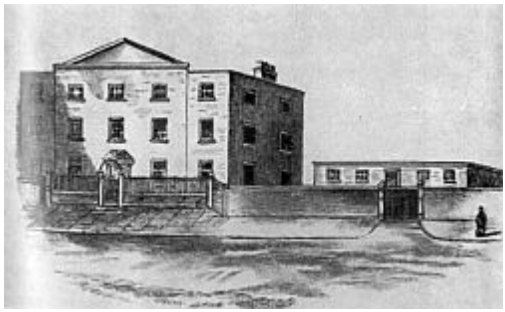
Д. Дефо. Карикатура.
Памфлет. 1703 г.

Д. Дефо у позорного столба.
С рисунка современника.

Тюрьма Ньюгейт.
Гравюра XVIII века.

Государственный секретарь Роберт Гарлей с белым посохом, о котором писал Д. Дефо.

Дом Д. Дефо в Гакне.
Фотография начала XX века.



Дом Д. Дефо в Ньюингтоне.
Рисунок Т. Крофорда. 1741 г.

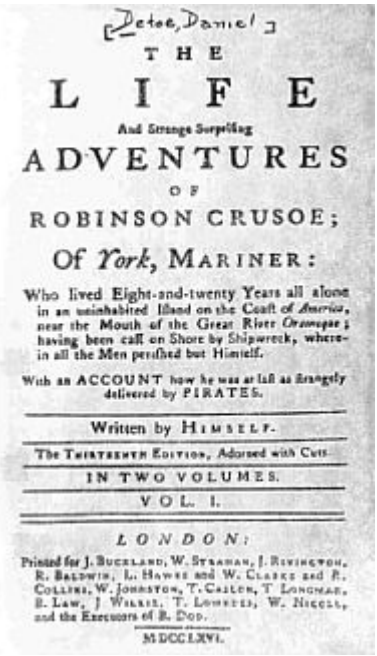
Джонатан Свифт.
Из мемуаров современника. 1752 г.

Александр Поп.

Александр Селькирк на Мас-а-Тьерра.
Из прессы того времени.

Издательский знак Лонгмена, унаследовавшего фирму Тейлора.

Робинзон Крузо. Фронтиспис первого издания. Рисунок Пайка. 1719 г.


Defoe, Daniel

THE

LIFE

And Strange Surprifing

ADVENTURES

OF

ROBINSON CRUSOE;

Of *York*, MARINER:

Who lived Eight-and-twenty Years all alone in an uninhabited Iſland on the Coaſt of *America*, near the Mouth of the Great River *Oroonoque*; having been caſt on Shore by Shipwreck, wherein all the Men periſhed but Himſelf.

With an ACCOUNT how he was at laſt as ſtrangely delivered by PIRATES.

Written by HIMSELF.

The THIRTEENTH EDITION, Adorned with Cuts.

IN TWO VOLUMES.

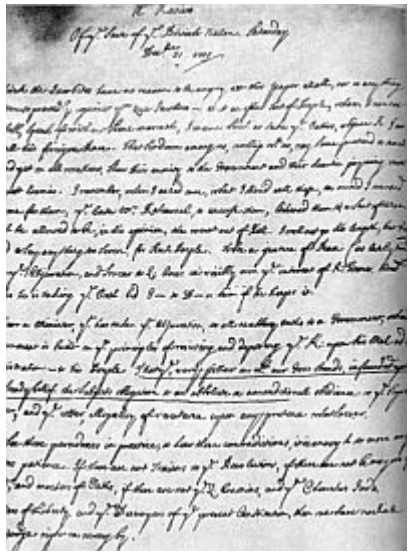
VOL. I.

LONDON:

Printed for J. Buckland, W. Strahan, J. Rivington, R. Baldwin, L. Hawes and W. Clarke and R. Collins, W. Johnston, T. Caſlon, T. Longman, B. Law, J. Wilkie, T. Lowndes, W. Nicoll, and the Executors of S. Dod.

MDCCLXVI.

Титул одного из первых изданий книги о Робинзоне Крузо.



Рукопись Д. Дефо. 1709 г.

Джек Шеппард бежит из тюрьмы.
Иллюстрация из книги Д. Дефо.

Остров Робинзона.
Иллюстрация из первого издания книги.

Старая плита на могиле Д. Дефо.

Новый памятник на могиле Д. Дефо.

Д. Дефо – витраж в здании Цеха мясников в Лондоне.

Правда, незаменимые в открытом море, они становились обузой для своих покровителей на суше. Так, сэр Уолтер Ралей, шекспировский современник, которого Дефо на каком-то, нам неизвестном, основании считал своим семейным и литературным предком, провел за решеткой столько же, сколько и на морском просторе. Впервые ушел в дальнее плаванье, имея при себе королевский патент «на захват любых варварских стран», в последний раз непосредственно из Тауэрской темницы. По возвращении Ралея тут же хотели приговорить к смертной казни, но потом поняли, что это лишнее. «Сокол» был уже осужден однажды на смертную казнь, за пятнадцать лет до этого, так что в исполнение просто был приведен старый приговор.

Сэр Уолтер, понятно, оскорбился бы, если бы его вздумали обозвать пиратом. У него лишь однажды, в трудную минуту, возникла мысль, не податься ли в разбойники, но план этот сразу отпал, поскольку команда взбунтовалась, желая поскорее идти домой, а не на поиски новых «удач». Нет, Ралей совсем не пират! Занимался он авантюрами, а не грабежом. Да и зачем нарушать закон, когда безнаказанными оставались и даже поощрялись нападения все на тех же испанцев, вражда с которыми из-за господства на море растянулась на сто лет, и то, что начинали

победоносные «соколы», современники Шекспира, то заканчивали «быки», современники Дефо. (Джон Буль, то есть Бык, имя, ставшее для англичан нарицательным, привилось в эпоху Дефо. Смысл тут двойной: бычья стойкость, упрямство, выносливость, но также и бифштексы. Бифштексы, как и джин, тоже вошли в моду при Дефо. В ту пору пристрастились англичане к можжевеловой водке и к говядине, поджаренной с кровью.)

И не пиратом, а капером, чьи обязанности в основном совпадали с приватерскими, ушел в море легендарный Кидд. Капером ушел и не менее легендарный Эвери. Ушли каперами – вернулись пиратами. По ходу дела во вкус вошли, принявшись мародерствовать в море, нападая без разбору на своих и чужих.

Да и поди разберись, кто там капер, кто корсар?

Дефо понимал: если ловить пиратов, то где? Почему обязательно в море? А на бирже толпится кто, чем не пираты? И не пираты ли своего рода делают политику? Представлялась ему такая фантастическая картина: если бы те, кто так или иначе пиратствует, вдруг взяли бы да встретились, сколько было бы неожиданных знакомств! Смотрите, предупреждал, исходя из такой логики, Дефо, если изловим всех пиратов, то как бы не прекратилась тогда торговля…

Процветающая и на вид солидная Тихоокеанская компания была фактически гигантской грабиловкой, в сравнении с которой «приключения» какого-либо Синглтона просто мелочь. «Преступники с большой дороги часто не так жестоки, как дельцы», – читаем у Дефо слова, подкрепить которые он, как современник своей эпохи, имел множество случаев. Ведь тот же Кидд пользовался поддержкой кабинета министров и на виселицу попал не потому, что занялся пиратством вместо «честного» каперства, а потому, что награбил недостаточно для того, чтобы рассчитаться со своими влиятельными пайщиками. Купцами же был погублен и капитан Эвери, который, как гласит предание, обворованный (!) и всеми покинутый, умер от горя и гнева.

Капитана Кидда, помимо всего прочего, казнили еще и для примера. Попался Кидд – казнили Кидда. Дело вышло громким настолько, что слава Козла (так переводится это имя) отозвалось в столетиях. А современники знали, знал не хуже других и Дефо, что Козел – агнец божий по сравнению с теми, кто уж поистине умел поймать в паруса ветер удачи.

– Мне было понятно, что Кидд мерзавец, однако я не думал, что он еще и такое бревно, – добавил от себя к смертному приговору судья.

Похоже, капитана отправили на тот свет не за преступления,

а за посредственность натуры. Все знали, что он чудовище, но считали – интересное чудовище. «Оказалось, – гласит судебная летопись, – что среди своих сотоварищей не отличался он ни храбростью, ни находчивостью».

«Такое бревно!» А что «приключенческого» можно было услышать от простодушного Кидда, который сначала, как положено, следил за порядком на водах, потом попался ему купец, и, от соблазна не удержавшись, он его ограбил, и поневоле пришлось стать «грозой морей», хотя после этого Козлу больше никакой «удачи» не выпадало. Всего одно-единственное судно захватил легендарный пират!

Вот поймать бы да послушать таких, как Эдвард Тич, он же Черная Борода, или Варфоломей Робертс, на счету которого было четыре сотни кораблей и больше ни одного смертного греха: не курил, в рот спиртного не брал и от каждого своего матроса требовал клятву, что за прелюбодеяние на борту, хотя бы и по согласию пострадавшей стороны, смерть!

А звезды пиратского моря Аннушка Бони и Мэри Рид, сумевшие овладеть не только древнейшей профессией, но и ремеслом сравнительно новым, пиратским!

Да только Тич, он же Черная Борода, живым в руки не дался, и Варфоломея взять не удалось, вот какого-то Кидда и сделали сначала козлом отпущения, а потом легендой.

«А доблестные римляне, которых почитаем мы за образец, они что, разве не были поначалу всего лишь ватагой разбойников?» – такова была позиция Дефо, мечтавшего не то чтобы о перевоспитании пиратов, но о легальном и более результативном использовании их дикой энергии.

«Случилось со мной такое приключение, когда наш корабль, державший курс на Роттердам, был захвачен алжирскими разбойниками, напавшими на нас чуть ли не при самом выходе из Темзы, прямо против Гарвича», – писал Дефо в специальном наставлении купечеству, вспоминая знаменательное событие своей молодости, которое биографы относят к 1683 году. Дефо повторял этот же рассказ неоднократно, в меру испытанных тогда чувств, подобно тому, как Гёте и Толстой на всю жизнь запомнили падения с лошади.

Барыши считать можно было и дома, но Дефо решил сам участвовать в предприятии, или, что называется, «приключении».

Тошнота подступила у него к горлу, едва только поднялся он на борт корабля, швартовавшегося у лондонского причала Тильбюри. Все-таки, пока шли по реке, было еще ничего. Но вот исчезли из вида и парламент и Тауэр, пригороды остались позади, речные берега раздвинулись навстречу морю. Вода

постепенно меняла свой цвет. Дал знать о себе приближающийся простор – ветер. У матросов, которые после сухопутной и «огненной» ночи с трудом притащились на корабль, просветлело в головах. Сам «мастер» (так по-морскому называется капитан) выглянул на мостик. А молодой пассажир-купец с первой же морской волной, ударившей в грудь корабля, лег у себя в каюте плашмя.

На взгляд моряков, это была даже не волна, а так, ветерок, но пассажиру казалось, будто потолок падает ему на голову. Вот почему так никогда и не ходил он за «линию», туда к западу, где сразу за мысом Лизард, который называют Концом Земли, встречает корабли океан. Океан есть океан! От речной глади к морскому простору переход, конечно, заметен, но и океанскую волну с морской не спутаешь. Другая сила. Качнет и подбросит скорлупку с людьми Атлантика, будто желая сразу же показать, что ждет их там, за большим горизонтом. Взгляни и подумай, смельчак! А если не чувствуешь в себе достаточной отваги, лучше уж, пока берег близко, возвращайся домой…

Дефо довольно было и «домашнего» моря!

И вдруг кое-что пострашнее качки омрачило их плаванье.

– Кажись, капер, – при виде какого-то встречного судна сначала спокойно сообщил марсовый, а потом, всмотревшись, закричал: – Корсар!

От такого наблюдателя, как Дефо, едва ли могла ускользнуть разница в поведении людей и во время поднявшейся паники, и после спасения. «Наступил такой момент, когда никто уже ни о чем больше, кроме своей жизни, не думает», – отметил Робинзон: их корабль получил в шторм пробоину и чуть было не пошел ко дну. Все же и в сумятице есть глаза, которые стараются все увидеть, работает сознание, стремящееся все, что можно, осмыслить, – сам Робинзон, которому Дефо, конечно, передал многие, на собственном опыте проверенные состояния.

«Корсар!» И одни были в ужасе, другие только вид делали, что боятся разбойников. Плотник был просто спокоен. Плотнику, а также врачу и под черным флагом почет. Самые кровожадные головорезы не трогали на захваченных судах тех, кто хорошо орудовал молотком, пилой или же знал толк в разных снадобьях. Проливая чужую кровь, пираты заботливо оберегали того, кто им самим в случае надобности мог кровь пустить. «Плотник и доктор, шаг в сторону, остальных за борт!» – такие приказы раздавались нередко после захвата судов пиратами.

Даже капитан оставался сравнительно спокоен, потому что и «мастер», если он действительно мастер повернуть при всяком ветре, ни корсару, ни каперу не обуза. Пиратам умелые руки

нужны.

Из команды, прямо надо сказать, иные приуныли не когда в плен попали, а когда им была дарована береговой охраной свобода. Да на что она, такая свобода, с легким карманом? Пиратский плен был для многих истинной свободой. А если поймают, с пленника спроса нет. Не по своей воле до такой жизни дошел.

Везли они, откровенно говоря, среди прочих товаров спиртное, по, конечно, не какую-нибудь дрянь, отбивающую разум. Им повезло, что на них корсар напал сначала, а потом освободил сторожевой фрегат. Попадись они в первую очередь фрегату, исполнявшему таможенную службу, оказались бы они в таком плену, что их уже никто бы не выручил. Была бы к ним, как к преступникам, приставлена охрана, ибо, хотя вино, разумеется, не то, что водка, это напиток благородный – на вкус знатока, но на взгляд представителя закона, если пошлинный тариф за товар не уплачен, все одно – контрабанда. (Дефо выступал против джина. Он проповедовал и писал памфлеты, сражаясь с этой сивушной пагубой. Правда, злые языки говорили, что полемика имела корыстную подоплеку: он-де агитирует против водки, потому что сам торгует вином.)

На радостях вышибли дно у одной из бочек и отблагодарили освободителей, которые после всего уж не стали считать, сколько их там еще в трюме. И контрабандисты, которых освободили от корсаров, выглядели пилигримами, вырванными из когтей дьявола.

Несколько лет молодой Дефо провел за границей. «Мне предлагали постоянное место торгового агента в Кадиксе, но я отказался», – писал он впоследствии. Мотивы отказа, как и вообще все обстоятельства его европейских странствий, остаются неясными. Знаем, что ездил он по Франции, Италии, Испании и Португалии, что обратно, как Робинзон, возвращался не морским путем вокруг Европы, а через континент, в том числе через горы, которые напугали его на всю жизнь не меньше, чем море. Подробностей почти не знаем. Знаем, например, что в Испании видел он бой быков, и это традиционное развлечение испанцев ему не понравилось, однако, верный репортерскому своему призванию, описал он корриду первым в английской литературе, сделав ее для своих собратьев-писателей предметом традиционным. Молодой человек в Париже, зритель на корриде, как и человек в борьбе со стихией, ситуации, многократно в литературе повторенные, восходят к Дефо.

Вернувшись из чужих краев («подвижный, полный энергии,

смуглый от морского загара» – таким представляют его биографы), Дефо женился. Факт, установленный по документам и совершившийся 1 января 1684 года. Имя жены – Мэри Тафли, дочь купца, состоятельного виноторговца, что видно и по приданому, размеры которого известны также в точности: три тысячи семьсот фунтов, по тем временам целое состояние, которое в соединении с его собственными доходами и позволило Дефо развернуться в масштабах европейских. Верными помощниками Дефо оказались брат жены, а также муж сестры. Шурин был торговцем, а зять инженером, так что дело у них пошло шибко.

В точности в ту пору, когда со значительными средствами, опытом и обширными деловыми планами на родном берегу высаживается уже немолодой Робинзон (11 июня 1687 года), в эту самую пору с энергией действовал в Лондоне молодой Дефо.

«В Англию я приехал для всех чужим, как будто никогда и не бывал там», – рассказывает о своем возвращении на родину Робинзон. Еще бы! Тридцать пять лет его не было, и это не только три с половиной десятка лет одной жизни. Сроки Робинзоновой отлучки совпадают с конкретной исторической эпохой. Если с началом республиканского правления Робинзон ушел в море, то на острове пробыл он, пока правил «веселый Чарли». И не только потому, что его так долго не было, почувствовал себя Робинзон в своих же краях иностранцем: не наступило пока его время, почва под ногами таких, как он, еще продолжала в Англии колебаться…

На смертном одре в 1685 году Карл II открыл своп карты и принял католическую веру. А на смену ему пришел его брат Джеймс II (он же Яков), вовсе ярый католик. И все здравомыслящие англичане ясно увидели угрозу своей самостоятельности как со стороны католической церкви, так и со стороны французской короны. Джеймс-Яков настолько старался всюду насадить католиков, что даже требовал присуждения одному монаху-бенедиктинцу ученой степени по физике. Тут уж профессура взбунтовалась, а от имени Кембриджа голос протеста подал Ньютон.

Против короля в том же 1685 году собрал повстанческую армию герцог Монмутский. Так называемый «герцог», потому что это фигура все-таки таинственная. Историки, во всяком случае, рассуждают так: кем бы он ни был, к нему присоединялись все, кто хотел свергнуть с престола короля-тирана, короля-католика. Первыми на сторону герцога поднялись лондонские подмастерья. Встал в ряды той же армии и молодой Дефо.

Еще в 1682 году в блестящем светском окружении видел он

рослого молодого человека, красавца в расцвете сил, лет за тридцать. Видел там, где удавалось ему, мещанину, смешаться с высокородной светской толпой, конечно, на скачках. Это и был незаконный сын короля Карла II, звавшийся Джеймс Скотт, герцог Монмут.

Впрочем, в том и вопрос – законный или незаконный? Матерью его была одна из бесчисленных фавориток Карла II. Но сама королева оказалась бездетной, и на побочного королевского отпрыска смотрели как на возможного и достойного наследника престола. В особенности восторгались им такие, как Дефо, протестанты всех оттенков: герцог был воспитан в пуританской вере.

Король Карл II вроде бы в свое время признал его, осыпав милостями: дал должное образование, очень выгодно женил, наградил титулом. Выражаясь слогом шекспировским, Монмут, казалось, был «каждым дюймом» король: образован и терпим, воин и спортсмен – куда уж лучше? Наконец-то будет у англичан настоящий английский государь! Так надеялись многие. Но, как мы знаем, Карл II был марионеткой в руках католиков, и вот он вдруг сделал двусмысленный жест. В 1679 году провокатор Оутс разжег антикатолические страсти, Карл II вроде бы проявил по отношению к протестантам лояльность и отправил на плаху ни в чем не повинных «заговорщиков», а сам тут же отрекся от сына-протестанта как преемника на том основании, что с матерью его никогда он в «законе» не жил, отрекся в пользу Джеймса-католика.

Монмут оказался в оппозиции, тут Дефо и увидел его на ипподроме под Элсбюри. Положение отверженного (почетного отверженного!) не мешало Монмуту с полным самозабвением не только смотреть на лошадей, но и участвовать в скачках в качестве жокея. Уж по одному этому Дефо готов был признать его «естественным сыном Карла II». Не видел или не хотел видеть Дефо ни тогда, ни потом, что оборотной стороной страстного спортивного увлечения было полное безразличие к политическому делу, на которое Монмута всячески стремились подвигнуть протестанты. Поражение мятежного герцога Дефо приписывал не подоспевшей вовремя помощи. Нет, это прежде всего сам Монмут не побеспокоился обеспечить свое войско оружием и людскими резервами. В его рядах против регулярной королевской армии шли люди с косами и просто дубинами. Из двух настоящих офицеров в его войске один убил другого на дуэли, а единственный поддержавший его дворянин в итоге стал предателем. Сам Монмут только выглядел «героем», оказался же он на деле человеком легкомысленным, лживым и, наконец,

трусливым. С поля битвы бежал, а очутившись в плену, под нажимом отрекся от своей веры. Хватило у него храбрости только на то, чтобы, все же не теряя достоинства, подняться на эшафот.

Сторонники его жестоко пострадали. Более трехсот человек тут же были подвергнуты смертной казни, в том числе на виселицу отправились и соученики Дефо, те трое, кого он, вспоминая Мортонову академию, назвал мучениками. Бунтовщиков сотнями продавали в рабство за океан. По доносу о малейшем сочувствии повстанцам людей лишали имущества, и эти доносы, как разоблачение разврата, тоже стали доходным делом, выгодным и для доносчиков, получавших солидные награды, и для королевских приспешников, которые могли конфисковать в свою пользу огромные имения. Если лорду-прокурору приглянулось какое-нибудь поместье, то ему оставалось только найти охочего человечка, который бы «верой и правдой» поклялся, что владелец поместья прятал у себя мятежников.

«Ни один из пойманных не был помилован», – свидетельствует современник. А. Дефо? Совсем недавно в судейских архивах было найдено указание: «Добавить в списки подлежащих общей амнистии – Дефо». Это уже в более поздний период, когда, насытившись мщением и отъемом имущества, кое-кого помиловали. А где он был раньше?

Его видели среди бутонщиков в седле и при оружии. Он и сам никогда не отрицал своей преданности Монмуту. Битву мятежного герцога с королевскими войсками у Седжмура Дефо описал, и даже дважды, однако с чужих слов. Его описания – пересказ сочинений других авторов, что встречается у Дефо не раз. Какой-то повествовательный парадокс, но это так: в кажущейся фантастике у пего обнаруживается фактическая основа, а то вдруг, как бы не доверяя собственным впечатлениям, пишет он о том, что видел, но по книжным источникам. Поэтому серьезные биографы предостерегают от соблазна напрямую вычитывать из его книг жизнь автора. Другое дело – разные косвенные отражения и замечания между прочим, которые при проверке оказываются указанием на действительные события.

Так что о характере участия Дефо в монмутском бунте остается строить догадки. Поистине слава богу, что Дефо уцелел и не разделил горестной участи сотоварищей своих, но каким образом это ему удалось и где он скрывался?

«Гипотез не строю», – сказал великий современник Дефо Ньютон. Пределов мысли ученый не ставил, но хотел отделить досужие домыслы от предположений плодотворных, ведь и ему самому пришлось многое додумывать и даже выдумывать, ибо

опытные данные того времени не могли сами по себе подсказать всеобъемлющих выводов о законах вселенной.

По рецептам «правдоподобного вымысла», какие предписал сам Дефо, нетрудно было бы нарисовать некую картину, как в лесу и под дождем скачет он навстречу повстанческому войску. Ветра свист, шум ветвей, стук копыт – любые краски и слова к нашим услугам. Однако в данном случае нам не «самообман» нужен, а понимание того, как это он так убедительно умел «обманывать» читателей? На основе какой им самим проверенной позиции?

Вот мы знаем, что побывал он в руках у пиратов, и это объясняет сотни страниц из его произведений про «джентльменов удачи». Он и про пиратов немало сведений почерпнул из других книг, но в целом все пронизано его собственным взглядом, под углом которого «морские соколы» меньше всего думают о море, заняты они главным образом подсчетом выручки. Абордажи и битвы, что так интересны читателю, находящемуся от театра морских авантюр на безопасном расстоянии, – все это пиратов-персонажей Дефо не интересует. Не предвидится «удачи»? Они уходят от схватки – это антипираты, если судить о них по канонам книжной романтики.

А где был Дефо, когда шла битва на болотистой пустоши и когда Монмут бежал? Если бы это был только Дефо-купец, попавший в кровавую переделку, нам ответ могла бы подсказать наша собственная фантазия. «Рисковый человек»? И тут же мы живописуем храбреца, не теряющего головы в жарком и безнадежном деле.

А перед нами писатель, описавший эту битву дважды, и оба раза чужими словами. Почему? Гипотетический ответ не поможет, догадки ничего не объяснят в соотношении собственного опыта Дефо и чужих слов. Ведь если перед вами писатель, то понять прежде всего важно именно соотношение жизни и творчества.

Дефо утверждал: «Помню, как множество людей откровенно выражали герцогу Монмуту свое сочувствие, когда произвел он первую высадку, но, если бы хоть половина из них столь же открыто присоединилась к нему с оружием в руках, его не разбили бы на Седжмурской пустоши». Между тем общепринято мнение: Монмут в первую очередь сам проиграл свое дело. Но раз уж Дефо бросил такие прямые обвинения, то гипотезы не годятся для того, чтобы рассудить его с единомышленниками и установить степень его собственного участия. Поэтому остается питать надежды на будущее. Ведь со временем все-таки выяснилось, каковы были причины постигшей его финансовой катастрофы и правда ли, что занимался он рискованными

торговыми операциями. А по-своему то и другое уточнило ответ на вопрос, кто написал «Робинзона Крузо».

После того как герцог Монмут потерпел крах, борьба с королем Джеймсом не прекратилась. Все больше и больше восстанавливал он против себя англичан, буквально всех, сверху донизу. Наконец Джеймс был сокрушен нападением извне при поддержке внутренних сил. В 1688 году его низложил его же собственный зять, внук казненного короля Карла I, голландский принц Вильгельм Оранский, женатый на старшей дочери Джеймса – Мэри. Джеймс бежал, Мэри и Вильгельм (он же Вильям) заняли английский трон. И на том же самом корабле, который доставил в Англию принцессу Мэри (принц Вильям высадился несколько раньше, с армией), прибыл еще один человек, обладавший властью особенной, властью ума. Это философ Джон Локк, находившийся дотоле в изгнании. В его лице такие, как Робинзон, обрели выразителя своих сокровенных дум и чаяний.

Джон Локк в точности ровесник Робинзона, родился он, как и герой Дефо, в 1632 году, и, подобно Робинзону, Локк рос вместе с английской буржуазной революцией.

По сравнению с робинзоновской средой Локк изначально стоял ровно на одну социальную ступень выше. Отец его уже был адвокатом – участь, которой желал для сына разбогатевший купец Крузо. Поэтому, возможно, Локк в отличие от Робинзона покорно последовал воле отца, не желая для себя иной дороги, кроме университета.

Локк был и последователем и оппонентом Томаса Гоббса, считавшимся присяжным идеологом короля-реставратора Карла II. Понятие о различии между ними может дать расхождение жизненных путей этих двух крупнейших философов. С первыми признаками революции Гоббс покинул Англию и вернулся назад уже лишь в то время, когда полновластным правителем страны сделался Кромвель, пусть республиканец, но страж порядка. «Человек человеку волк», – сказал Гоббс, имея в виду состояние «естественное», не управляемое «законом», не определяемое ничем, кроме индивидуального «интереса» и принципа «удовольствия». Только непреклонный правитель, по мнению Гоббса, может обуздать разгул всеобщего эгоизма. Свое основное сочинение «Левиафан», оправдывающее жесткую государственную власть, а потому принятое и Кромвелем, и королем Карлом II, он опубликовал в 1651 году. Эта книга отвечала духу времени, что лишний раз убеждает нас, насколько не случайно именно в тот самый год Робинзон, искавший свободы для своей инициативы, «ушел в море».

Правда, и самому Томасу Гоббсу жилось весьма несвободно. Портрет его висел в королевском кабинете, но печататься ему вскоре было запрещено. Мысль Гоббса – механически-беспощадный материализм, не оставляющий не только религии, но и вообще «духовности» никакой лазейки. Церковники считали Гоббса своим основным врагом. Если эпидемия чумы и большой пожар признавались «божьей карой», то Гоббс считался виновником этих несчастий, которые рассматривались как наказание за проповедуемое им безверие! Сразу же после смерти Гоббса по единодушному согласию церкви и парламента были торжественно преданы огню его сочинения.

Карл II, несмотря на различные наветы, какие ему доводилось выслушивать по адресу своего бывшего воспитателя, все же не лишал Гоббса покровительства, ибо один пункт в «гоббизме» (слово того времени) короля вполне устраивал – оправдание твердой единоличной власти. Но тот же самый пункт был неприемлем ни для протестантской церкви, ни для парламента, призванных дать простор буржуазной предприимчивости. И по этому самому пункту иначе – более терпимо – высказался Локк, символически ступивший на берег Англии вместе с правителями, которые сумели найти с парламентом общий язык.

«Славная революция» – так громко окрестили либеральные историки этот компромисс 1689 года. Ветхозаветные страсти, вдохновившие «большой бунт», оказались забыты: «буржуазное преобразование английского общества совершилось, Локк вытеснил пророка Аввакума».[8]

Почему все-таки Робинзон родился именно в локковском 1632 году? Нет, непосредственно Локк тут ни при чем. Сочинения философа Дефо читал и, хотя без кавычек, цитировал, но биография философа ему едва ли была известна.

Датой рождения своего основного персонажа выбрал Дефо год гибели своего любимого героя, шведского короля Густава Адольфа, павшего в 1632 году в битве под Люсеном.

А как же тогда Локк, принц Оранский, и «славная революция»?

Густав Адольф – эталон для Дефо. «Вот какими должны быть правители!» – прямо и косвенно говорил Дефо, вспоминая шведского короля-воина. Конечно, этого монарха он приукрашивал. Ведь Ригу, например, Густав Адольф захватил коварством, а политика, которую проводил он, вовсе не была выгодна для англичан. В частности, шведы всеми силами старались закрыть прямую морскую дорогу между Россией и Англией. Но Дефо, пожалуй, даже не приукрашивал Густава Адольфа, а все прощал ему за то, что был шведский король по

убеждениям протестант, по характеру солдат и деятель. Так со временем посмотрит Дефо и на Петра I: ничего не скажешь, молодец! Хотя и в этом случае личные пристрастия Дефо приходили в конфликт с мотивами дипломатическими. Однажды ему пришлось даже извиняться перед русским императором в печати. В своей газете он чересчур рьяно предостерегал против русской морской экспансии, наше посольство в Лондоне подало протест, и Дефо было сделано внушение от кабинета министров. Но дипломатия дипломатией, а в душе Дефо Петру очень симпатизировал. Нравился ему этот император своим презрением к условностям. Был он тоже, как видно, человеком дела.

Тем же самым, в первую очередь сочувствием к протестантам, привлекал Дефо и новый английский король. «Найдется ли в нашей стране человек, который бы, отходя ко сну, не пожелал благоденствия Вильяму!» – чуть ли не со слезами умиления восклицал Дефо. Понятно, он и принца идеализировал. Вильям-Вильгельм, с детства приученный дворцовыми интригами к скрытности, был холодно-расчетливым циником. Известно, как разделывался он с политическими противниками. Планомерно обескровливал и уничтожал, причем чаще всего чужими руками. Однако Вильям действительно ввел закон о веротерпимости, и даже раскольники, на которых извечно шло гонение, вздохнули свободнее.

В ту пору вновь увидали Дефо в седле, когда мчался он навстречу королевским войскам. Дефо тогда почувствовал себя на коне и в широком смысле.

Эти времена он впоследствии всегда вспоминал как свои «золотые дни». Если верить его словам, сделался он доверенным лицом короля. Этой высокой дружбы биографы не отвергают полностью, но предлагают судить о ней со скидкой на всю ту дистанцию, которая должна была существовать между коронованным правителем и купцом из Сити, и потом, если были они друзьями, то почему же не сделал Дефо головокружительной карьеры какого-нибудь временщика? И тут мы видим: не на подъеме, а на излете своей деловой карьеры приблизился Дефо к королю. И так будет еще не раз на протяжении его бурной жизни. Имеющий доступ в высокие сферы, однако на ничтожных ролях, – вот положение Дефо в отличие, скажем, от участи его основного современника-соперника Свифта, считавшегося одно время некоронованным властителем страны. «А ведь никому не уступал Дефо по одаренности», – говорит биограф, желая подчеркнуть парадоксальное, приниженно-возвышенное положение, в каком находился создатель «Робинзона».

«Тринадцать раз становился богат и снова беден», – сказал о себе Дефо где-то на половине жизненного пути, и это еще далеко не окончательный итог. Если на самом деле произвести в его биографии некоторые подсчеты, то окажется, что у него было по меньшей мере три жизни, ибо каждая из сторон его деятельности насыщена до такой степени, что ее в отдельности хватило бы на человека, посвятившего себя какому-нибудь одному делу; предпринимательству, литературе или политике. Дефо брался за все сразу и поэтому, вероятно, терпел неудачи. Незаурядность натуры и толкала его на опрометчивые шаги. О нем говорили: «фонтан энергии», а сам он сказал о себе, только устами Робинзона: «Голова моя наполнялась планами и проектами, совершенно несбыточными при тех средствах, коими я располагал».

В итоге своего периода бури и натиска Дефо мог бы сделаться мэром Лондона – даже если это только мечтания самого Дефо, то все же столь честолюбивые планы не возникнут без солидного практического преуспеяния. Однако, поднявшись, Дефо упал. Прямее говоря, прогорел. Одним словом, обанкротился.

О постигшей его катастрофе можем мы судить опять-таки количественно и потому вполне определенно. Если приданое жены, позволившее Дефо поставить дело на широкую ногу, исчислялось в три тысячи с лишним, то долги его, по принципу от противного, демонстрируют несравненно более широкий размах, составляя круглую сумму в семнадцать тысяч фунтов.

Знаем мы по судейским документам и такой факт, что в течение шести лет, с 1686 по 1692 год, ему один за другим предъявили различные денежные претензии по меньшей мере восемь человек. При полном сочувствии, на какое со стороны материально не заинтересованного потомства имеет право рассчитывать создатель «Робинзона Крузо», биографы по этим пунктам испытывают некоторое замешательство, потому что не могут же все иски быть злостно измышлены или же возникнуть по недоразумению. Похоже на то, что Дефо действительно посылал, случалось, в море корабли, которые не плавали, предполагал перевезти товары, которых и не было, или же присваивал средства, которые ему и не принадлежали. Если учесть, что в числе лиц, понесших из-за него убытки, хотя и не обратившихся в суд, была его собственная теща, то придется признать, что человек был он в самом деле склонный к большому риску.

«Так вы горды своей честностью? – на все обвинения сразу отвечал впоследствии через газету Дефо. – А позвольте спросить, случалось ли вам подвергать вашу совесть истинному

искушению? Приходилось ли видеть жену вашу и детей ваших, готовых умереть с голода в то время, когда в кладовой у вас хлеб, не вам принадлежащий, в руках деньги, которые не ваши, что, впрочем, одно и то же? И что же, дать им погибнуть, но не притрагиваться к чужому?»

В таких тирадах один биограф справедливо предложил искать не оправдания для Дефо, а объяснение с ним нередко случавшегося, когда попадал он в тяжелейшие обстоятельства, при которых приходилось выбирать между жизнью и честью, и легко ли в самом деле тут сделать выбор?

К тому же торговые морские операции с Европейским континентом или с Новым Светом осложнились в ту пору из-за войны с Францией, начатой Вильямом III.

А самое основное заключается в меркантильном и авантюрном духе того времени, которым Дефо воспламенялся, становясь, однако, не циничным реализатором предпринимательских идей, а жертвой этих идей.

По разнообразию предприятий видно, насколько был он человеком увлечения. Водолазный колокол и производство кирпичей, корабельный фрахт и… и… кошки!

Долгое время кошек относили все-таки за счет злого вымысла или же какой-то ошибки, может быть, даже описки, и толковали «Кошек» с большой буквы, как название дома или торговой лавки какой-нибудь, поскольку У англичан имеется традиция обозначать различные строения не номерами, а названиями. «Кивет-Кетс» – чем не вывеска магазина? Однако выяснилось, что читать это надо с буквы маленькой, в прямом смысле: мускусные кошки.

Их было ровным счетом семьдесят штук, этих пахучих зверьков, выделения желез которых тогда применяли в парфюмерии. Дефо купил их дешево, прямо в Ньюингтоне, у владельца кошачьей фермы, считавшего, как видно, дело неперспективным. Дефо смотрел вперед, ко смотрел, как с ним нередко случалось, чересчур далеко, ибо в тот момент кошки совсем упали в цене, а Дефо в ожидании крупных барышей успел задолжать и с грехом пополам и с убытком от кошачьего хозяйства избавился.

Не выручил его и водолазный колокол. На современный взгляд сооружение совершенно зверское, колокол был для эпохи Дефо последним словом спасательной техники. В принципе изобрел его один швед, которому удавалось опустить этот прибор, в самом деле напоминающий церковный колокол, на глубину больше ста метров, да еще с человеком, стоявшим под металлическим колпаком на небольшой площадке. В этой

ныряльной машине крепкие люди могли продержаться иод водой почти полчаса, и применялся этот колокол для подъема товаров с затонувших кораблей. А уж море представляло собой богатейшее кладбище торговых судов. Но Дефо вновь не повезло: проект его компаньона оказался фикцией, и он опять понес одни только убытки. Идея спасательного колокола, видно, сильно им овладела, поскольку за ее осуществление, и с равным неуспехом, принимался он дважды, все не веря, как это можно не использовать столь очевидный способ обогащения.

Но тяжелейший урон нанесли ему корабли. В феврале 1694 года в парламенте было заслушано «прошение Даниеля Фо, торговца, заявившего, что он потерпел значительные материальные убытки из-за войны с Францией». Речь шла о торговых судах, потопленных или захваченных в плен. Позднее такие потери возмещались из государственной казны, а Дефо пришлось просить парламент помирить его с кредиторами.

С должниками-банкротами тогда было так: в случае бегства – при поимке смертная казнь. Добровольное подчинение закону – тюрьма. После тюрьмы соответственно руки уже не подадут: тоже в своем роде смерть – деловая.

Дефо это касалось в первую очередь, поскольку деньги на фрахт судов он, погоревший с кошками и с колоколом, почти целиком занял. В нижней палате, где заседали люди торговые, подобные ему самому, указ получил одобрение, зато палата лордов после двух дней обсуждения проект отклонила. В основном было это сделано в пику Вильяму III, считавшему войну с Францией целью своей жизни.

А общественный энтузиазм англичан распределялся тогда но двум основным направлениям. Одни хотели видеть Англию обособленной страной, в полном смысле островом, это были обломки старой аристократии, владевшей землей. А те, в чьих руках имелись корабли и товары, искали путей ко всему остальному миру. Но пути эти вели к войнам, к большим расходам, и Дефо, энтузиаст мировой торговой политики, испытал все издержки военно-деловой экспансии в первую очередь на себе. Дефо отважно обещал кредиторам удовлетворить их требования и действительно спустя десять лет сумел из семнадцати тысяч вернуть более двух третей, но все-таки не расплатился полностью… За ним так и тянулась цепь, и любой из недругов – их у Дефо было довольно – мог при желании дернуть эту цепь очень чувствительно. Практически по законам того времени он в любую минуту мог быть объявлен преступником и посажен за решетку.

Банкротство поставило Дефо на всю жизнь в двусмысленно

зависимое положение. В принципе он лишился личного статуса, попал в вечное услужение. О том, что он и где он, подчас теряла понятие даже его собственная семья. Подпольно-секретная жизнь сделалась для него обычным состоянием. Всякий публичный успех – а успехи у него были, и даже очень громкие – оказывался омрачен и преуменьшен сомнительной известностью человека с запятнанной репутацией. Несмотря на то, что именно в эту пору ему удалось восстановить фамильное «де» (1695) и об этом даже в газете было объявлено, он все же не смог вернуть прежнего, более скромного, но зато открытого, определенного и уважаемого имени. Если как раз тогда сделался он доверенным лицом короля, то доверие держалось на полной зависимости Дефо от высокого патрона: унизительная субординация, также сохранившаяся для него на всю жизнь, на протяжении долгой государственной службы: маленький человек в большой политике.

Да, он утверждал, что неизменно оставался верен только своим собственным убеждениям. Но каково было современникам? Пусть только по видимости, все же менялся он прямо у них на глазах так быстро и часто, что принимали его или за какого-то другого человека, или же за лицемера.

Даже теперь, когда есть возможность охватить весь его путь целиком, интегральность его личности усматривается с трудом.

ПРОСТАЯ РЕЧЬ

Книгу, которая заставляет нас интересоваться биографией Дефо, он написал, когда ему было уже под шестьдесят, а до тех пор? И до тех пор писал Дефо постоянно, с молодых лет. Более того, он, кажется, продолжает писать, потому что от века к веку обнаруживаются все новые и новые его сочинения. И число их растет.

В прошлом столетии количество написанного Дефо определяли в двести названий. Потом стало их больше трехсот. В новейшей библиографии – уже свыше пятисот. «Приключения Робинзона» в этом списке значатся в порядке появления под номером 412.

Однако писателем Дефо не считался. Нет, нет! Кем, собственно, был Дефо? Если бы случилось ему отвечать на опросный лист, то графу «профессия» или «род занятий» заполнил бы он совсем не так, как мы это себе представляем.

Счетчик сборов по оконному налогу – такова должность Дефо в лучшие времена его жизни. Поднимался он даже еще выше, занимая пост казначея-распорядителя королевской лотереи. Но ведь и Ньютон был директором монетного двора. Локк – представитель торговой палаты. Один известнейший в ту пору драматург занимал крупный пост по организации дорожного сообщения и выдаче винных откупов. «Путешествия Гулливера» – единственное произведение Свифта, за которое получил он гонорар. Обычно писателю не платили, а, так сказать, «оказывали покровительство». Поэтому драматург числился по винно-дорожному ведомству, а поэт ходил в «секретарях». Большей частью все это были синекуры, род пенсиона, выдаваемого под видом уплаты за службу, которой человек интеллектуального труда и не занимался.

Служба Дефо ставит перед нами дополнительную трудность. Он ведь в самом деле устраивал лотерею, взимал оконный налог и при этом еще писал.

Некоторые известные о нем данные способны поставить в тупик. Он, например, совершает поездку по Англии, преодолев сотни километров, и тогда же готовы у него тысяча семьсот страниц текста.

Обычная выработка современного литератора составляет от двух до четырех страниц в день. Джек Лондон поставил себе за правило писать ежедневно тысячу слов – пять страниц. Подгоняемый кредиторами Вальтер Скотт писал одно время до двух печатных листов в день, сорок восемь страниц. Не

подгоняемый ничем, кроме собственной творческой одержимости, Толстой иногда писал за год, включая почтовую корреспонденцию и дневники, около шестидесяти листов, что составляет тысячу четыреста страниц. Невероятная производительность Толстого объяснялась, как он сам подчеркивал, особой организацией всей жизни «вокруг Толстого». Нелегко приходилось Вальтеру Скотту, об этом сохранились даже воспоминания современника, который видел через окно руку с пером, бежавшую по бумаге изо дня в день с утра до вечера, но именно с утра до вечера, и ничего больше, кроме пера и бумаги. У Дефо и таких условий не было.

Вечно в подполье, вечно в опасности, большей частью в пути… Но, может быть, он и в пути писал? Еще как писал! Письма, донесения, памфлеты, которых требовала конкретная обстановка по ходу наблюдаемой им политической борьбы.

Однако книги его написаны в кабинете, среди других книг. Это видно по цитатам и различным выпискам. Отсюда и возникает впечатление, будто Дефо – это в самом деле несколько человек, причем у каждого Дефо жизнь своя, несовместимая с жизнью другого Дефо. Погрузившись в книги, мы увидим типичного «кабинетного мореплавателя», плывущего в основном по чернильным волнам. Смотрим на хронологическую канву: перед нами активная практическая деятельность, вполне подходящая для того Дефо, который в одной биографии назван «торговцем, памфлетистом и шпионом». Как ни насыщенна жизнь каждого из этих Дефо, ведь не один из… а некий один-единственный Дефо написал «Робинзона Крузо». А если бы не «Робинзон Крузо», мы бы, наверное, и выяснять не стали бы, как он выглядел и кем был. Вся трудность именно в том, чтобы увидеть, как это получалось все У одного и того же человека.

Положим, в каждом писателе отыскать писателя нелегко. Несмотря на документацию, на все дневники и черновики, дверь творческой лаборатории все же захлопывается перед нами в наиболее интересный момент, когда, как сказал поэт, «пальцы тянутся к перу, перо к бумаге, минута – и…». А ведь эта минута и важна. Про многих писателей мы все-таки знаем, когда у них свершались переходы от жизни к «бумаге», от накопления материала к чудодейственному «и»… Дефо озадачивает отсутствием пауз в своей деятельности.

Прежние биографы выходили из положения, устанавливая паузы в его биографии по своему усмотрению. Получалось в самом деле так: сначала торговал, потом доставлял нужные сведения, а в конце концов взялся за сочинительство… Но было не так!

Вообще поправки, которые новейшие исследователи вносят в старые представления о Дефо, заставляют отказываться от романтических эпизодов, украшавших его прежние биографии. Как скрывался он от долгов в старой таможне времен Генриха VIII, как познакомился с прототипом Робинзона Крузо, как рукопись его книги не принял поначалу ни один издатель – нет, таможня тут ни при чем, и встречи скорее всего никакой не было, а рукопись пошла прямо в типографский станок, и даже еще не один.

Но ведь отказ от легенд не только не облегчает, еще и усложняет задачу биографа. Благодаря кропотливому труду изыскателей мы, например, теперь знаем, что Толстой на Малаховом кургане не дежурил и Красносельских скачек не видел, но от этого не потускнели ни «Севастопольские рассказы», ни соответствующие страницы «Анны Карениной», только труднее обнаружить источник, озаряющий эти произведения светом правды.

Так и Дефо: все, что он делал, занимало его всю жизнь. Постоянно торговал, до конца дней связан был с политическими сферами и писал так же, не покладая рук. Единство его личности при всей видимой многоликости и есть наиболее существенная проблема. К тому же и Дефо понимал ее важность. Мы уже знаем, какую мысль вложил он в поэму, посвященную памяти своего учителя: «Вот был человек!» Поэма так и называется – «Характер покойного доктора Энсли». И каждый из романов Дефо есть, в сущности, рассказ о некоем характере, который раскрывается вроде бы безо всякого вмешательства автора, а так, сам собой. За ним и не уследишь!

Автор вместе с читателями испытывает чувство удивления перед необычайной подвижностью натуры человеческой, хотя он сам заключил «механизм» этого характера под переплет.

«Я любопытствовал обо всем на свете» – эту исключительную любознательность, какой наделил Дефо своего «полковника Джека» с детства, именно с детства, биографы, принимая во внимание отрывочные и все же непротиворечивые данные, считают вполне авторской.

О том, каким воображал себя он «историком», свидетельствует его «Историческое собрание», относящееся к 1682 году. Известно нам только заглавие этого труда, потому что сама книга не сохранилась, как не сохранились и три других его самых первых, еще более ранних издания. Но хорошо, что дошли до нас хотя бы заглавия, к тому же благодаря своей пространности они, как современные издательские аннотации, в

сжатом виде выражают суть книг.

Правда, крупнейший библиограф Дефо дал себе труд просмотреть все пятьсот его произведений не только по заглавиям и пришел к неутешительным выводам, сколь объективным, столь же и обидным для остальных специалистов по Дефо. Выяснилось, что большинство знатоков судит о множестве сочинений Дефо только по титульным листам, по заглавиям, и очень часто это приводит к фантастическим результатам. Конечно, пятьсот сочинений и для знатока многовато, тем более что некоторые из них уникальны, уцелели в единственном экземпляре, и даже библиотека Британского музея имеет далеко не все произведения Дефо. Например, наиболее полный комплект газеты «Обозрение» находится за океаном, в Америке, так что прочесть всего Дефо можно, лишь совершив путешествие, достойное Робинзона Крузо.

Вообще необходимо всегда соблюдать осторожность, если имеем мы дело с Дефо, великим мастером литературных мистификаций. Заглавие вполне серьезное, у него в самом тексте иронически выворачивается наизнанку, стало быть, и означает совсем не то, что кажется на первый взгляд. Его газета «Обозрение», если судить только по заглавию, посвящена «делам во Франции», а в действительности «Францию» следует понимать как Англию.

«Историческое собрание или свод высказываний различных авторов» – так назывался труд Дефо, и хотя какие высказывания и каких авторов, мы не знаем, но по заглавию видно, что действовал Дефо в духе времени, когда подобные сборники стали распространенными. Благодаря таким фолиантам, составленным тружениками-антикварами, дошли до нас сведения о Шекспире. Их работа сыграла свою важную роль в переходную эпоху, когда происходила решительная переоценка всех ценностей, и если Шекспир для одних был дороже Библии, то, по мнению других, подлежал анафеме и огню. Хотя бы сохранить «связь времен» – цель таких сборников. Не будем фантазировать, какие звенья преемственной цепи хотел укрепить Дефо. Нам важно убедиться, как рано, собственно с самого начала литературного пути, обратился он к «документальности», которая как принцип и приведет его к «истории» моряка, вроде бы «написанной им самим». И другие идеи, приемы, интересы Дефо определяются изначально, исподволь.

Есть в Британском музее и такая реликвия: юношеская записная книжка Дефо со стихами, его собственными, и проповедями, которые слушал он в академии и записывал слово в слово (как видно, помогла ему стенография). Выходит, самыми

первыми его опытами были вирши, именно вирши, так называемые «Размышления» (1681), довольно прямолинейные и корявые, какими, впрочем, будут все его стихи.

Впоследствии он писал немало стихов: по количеству больше Мильтона! Хотелось Дефо утвердить себя именно в звании поэта. Толкало его к этому не только литературное честолюбие. Из всей пишущей братии в те времена одни поэты могли рассчитывать на положение особенное, в чем он имел случай убедиться хотя бы на примере Мильтона. И вот после каждого своего заметного успеха, привлекающего к нему внимание, Дефо пытался напомнить публике, что он поэт: переиздает свои старые стихи или же пишет какие-нибудь новые. Как правило, тщетно! Публика ждет, чтобы написал он нечто другое.

Правда, крупнейшим его триумфом была поэма, но дело явно не в стихах, а в злободневной остроте этого рифмованного памфлета. В поэтическом справочнике, который был издан в 1723 году, в разгар популярности «Робинзона Крузо», о «господине Даниеле Де Фо» сказано так:

«Этот автор прежде был галантерейщиком, но со временем сделался он одним из самых предприимчивых памфлетистов, которых только знал наш век. Определенные обстоятельства жизни и склонности привели его к поэзии, в результате чего выдал он в свет два поэтических произведения, многим понравившиеся, а именно:

1. „Чистопородный англичанин“ – злая сатира, разошедшаяся во множестве экземпляров. Однако слог в ней большей частью качества весьма низкого.

2. „Божественное право“ – поэма значительной длины».

Если принять во внимание, что составитель справочника, по его собственным словам, получал сведения от самих авторов, а Дефо при случае на похвалы самому себе не скупился, то сказано немного, прямо надо признать, немного. А уж критика идет, надо думать, от редактора.

И памфлеты писал он с самого начала, причем они сразу поставили его в позицию, которая оставалась за ним всю жизнь.

«Тогда я впервые разошелся с общим мнением, – рассказывал Дефо, вспоминая один из своих трех не дошедших до нас, ранних публицистических опытов. – Хотя я был годами молод и еще моложе как автор, но я восстал против и написал вопреки, на что, честно надо сказать, отклик последовал неважный».

Памфлет этот появился в 1683 году, назывался он «Против турок», и хотя прочесть мы его не можем, но суть его понятна – «против», что, разумеется, еще далеко не означает, будто Дефо в самом деле писал против турок. Против или за кого он – это даже

когда перед нами весь текст, не сразу становится понятно, а там ведь ситуация была сложная: турецкий султан, враждуя с католиками, поддерживал протестантов, в частности, венгерских, – поэтому позицию Дефо по данному вопросу стремятся восстановить венгерские историки, чтобы разобраться, какой стороны действительно придерживался Дефо…

Одним словом, в двадцать один – двадцать три года, в обычные для литературного дебюта сроки, заявил Дефо о себе, но как? Мечтал он добиться поэтической славы, а вместо этого заслужил репутацию задиристого журналиста.

Самое важное, что дают нам первые опыты Дефо, и те, которые мы знаем только по названию, и те, которые можем прочесть, – это строки и страницы, попавшие в «Приключения Робинзона». Да, за четверть века до появления знаменитой книги она уже намечается у Дефо. Конечно, путь еще долог, и документальность преобразится под его пером, прежде чем станет производить впечатление «подлинных записок», но все же с первых творческих шагов развивает он заветный замысел… Нам это очень пригодится, когда подойдем мы к «Приключениям Робинзона» вплотную и постараемся понять, как за два месяца могла появиться книга, сохранившаяся на века.

«Робинзон» появился из-под пера Дефо быстро, роман, живущий вот уже третье столетие, написан был наскоро, но замысел вызревал три десятка лет, и образцовая литературная мускулатура была наработана в непрерывной, многолетней и ожесточенной печатной борьбе. Что стоило ему, автору четырехсот одиннадцати названий, настрочить за два месяца книгу в триста страниц! Нужна только небольшая пауза, и вот перо, бумага, минута – и… Минута, подготовленная всей жизнью.

Многому научила Дефо работа в газете. В 1690 году эту газету стал издавать его друг, Джон Дантон, зять доктора Энсли, того самого, чей доблестный характер увековечил Дефо в своей первой поэме.

У доктора Энсли, викария церкви святого Джайлса, из прихода изгнанного законом 1662 года, подрастали три дочери. И было решено, что трое друзей – Весли, Дантон и Дефо – породнятся со своим вдохновителем. Весли и Дантон договор выполнили, Дефо по каким-то причинам уклонился. Но дружба, хотя не без трений и колкостей, между ними сохранилась. Причем на всю жизнь: с Дантоном связано у Дефо не только первое, но и одно из последних его печатных начинаний.

Если описывать Дантона, называя основные его свойства и не называя его имени, то возникнет впечатление: так это Дефо! Да,

пра-Дефо, старший современник и друг, сильно на Дефо повлиявший. Только вот учился Дантон не в Ньюингтоне, происходил он из старинной университетски-священнической семьи. По роду деятельности был издатель и литератор и в отличие от Дефо, делившего свое время и энергию между литературой и разнообразным предпринимательством, занимался исключительно книжным делом, которое было для него и призванием, и, в свою очередь, предприятием. Сам писал, сам и печатал, понятно, не только сочинения собственные. Дантон говорил, что им было издано восемьсот книг. Погрузив все свои книги на корабль, отправился в Америку. «Я, – говорил Дантон, – не находил себе покоя, если какая-либо идея, овладевшая мной, тут же не получала воплощения». Проекты, а также литературные мистификации – это его стихия.

Вернувшись в Англию, Дантон однажды на прогулке с другом хлопнул себя по лбу и воскликнул: «Вопросы и ответы!» Кажется, что же тут такого: в каждой газете и в каждом журнале мы это теперь найдем. Но идея «Спрашивай – отвечаем» Джону Дантону первому пришла в голову.

Так основал он газету, которая называлась «Афинский Меркурий». Почему? За разъяснениями Дантон по обыкновению того времени отсылал к Библии, где в Книге Деяний говорится, что афиняне любили послушать все новое, интересное… «Казуистическая газета» – таков был подзаголовок этого издания, в котором, по словам самого Дантона, принимали участие «ведущие умы века».

Успех был велик. Количество писем все росло. А кроме того, друзья-казуисты и сами сочиняли письма, на которые сами же и отвечали, в том числе – Дефо.

В газете освещались следующие отрасли знания:

Политика
Тактика
Экономика
Криптика
Апокалиптика
Скептика
Пневматика
Поэтика
Математика
Софистика
Прагматика
Догматика

«Ведущие умы века» забавляли сами себя, а читателям газеты

обещали (по названию сразу видно) все самое лучшее: свежие новости, гарантией чему служило имя Меркурия, курьера богов; пищу для ума, ведь Афины – колыбель мудрости; и все в форме «казуистической», иначе говоря, изысканно-интеллектуальной. Если учесть, что предназначалась газета для публики, как мы бы теперь сказали, самой массовой, что газету читали люди любознательные и простодушные одновременно, то в основном это был полнейший обман, но по-своему честный.

«Как мужья должны обращаться с женами?», «Можно ли королеву называть „мадам“?», «Восстанут ли чернокожие из мертвых в день страшного суда?» – вот вопросы, способные серьезно занять читателей «Афинского Меркурия». Отвечал Дефо остроумно и увлекательно, гораздо лучше того, чем подобные «проблемы» заслуживали.

Тут и начал он с читателями игру, легкую и содержательную, простую и серьезную, которая в конце концов классически воплотится в «Приключениях» моряка, будто бы описанных «им самим».

Как не бывал Дефо сам в Южной Америке или на Северном полюсе, так и на том свете до срока, всем положенного, ему уж наверное побывать не удалось, но обсуждал он муки ада или райские блаженства со своими читателями, как он выражался, «по-домашнему», с заправским видом знатока, на правах бывалого человека. В каждый предмет вникал, всякое дело рассматривал детально, хотя, разумеется, и «детали» и «пристальность» – все было мнимым, умело придуманным. Всерьез интересовался он только одним, тем, чего читатель как раз не замечал, что составляло закулисный секрет игры: как сделать неотразимо привлекательной приманку, на которую публика пойдет, поймается и даже крючка не почувствует?

В той же газете Дефо работал бок о бок со своими будущими основными соперниками-разоблачителями. Все вместе они пользовались одними и теми же приемами «убедительного вранья». А впоследствии, когда литературная борьба развела их, эти двое пытались уничтожить Дефо, доказав, что все он выдумывает. Попытка не удалась, она оказалась покушением с негодными средствами, только негодными по-разному. И разоблачители были людьми разных возможностей.

Один из них – некто Чарльз Гилдон, литератор, в свое время довольно известный, а из памяти последующих поколений он исчез, потерпев принципиальное поражение в борьбе с Дефо. Он стремился обнаружить у него «ложь» так, как можно «разоблачать» пирог, который мы все равно съедим, даже зная, что тесто замешено было не по правилам. Съедим, конечно, если

пирог съедобен. Ведь нам важен вкус, а не рецепт приготовления.

Другой разоблачитель, напротив, в рекомендациях не нуждается. Его мы уже называли, да он и так всем известен не хуже самого Дефо. Это Свифт. В «Меркурии» начал он сотрудничать позднее Дефо и тоже кое-чему там научился. Собственно, основному, чем пользовался сам всю жизнь, этому умению «пудрить мозги» читателю, отвлекая его внимание идущими и не идущими к делу подробностями.

Фактически и Свифт потерпел поражение от Дефо, но только с другим результатом, парадоксально-триумфальным. Разоблачить Робинзона не сумел, а сумел всего лишь создать Гулливера, столь же правдоподобно-убедительного.

Стало быть, вымышленная «правдоподобность» была неуязвима в чем-то, если не сокрушил ее ни прямолинейный натиск, ни изощренное разоблачение изнутри.

Существовал «Афинский Меркурий» недолго, и недолго Дефо в нем сотрудничал. В ту пору, в тридцать лет, он еще только выбирал себе путь. Им владели честолюбивые намерения выдвинуться в ряды влиятельных политических деятелей. Его видели рядом с самим королем, когда конь о конь сопровождал он Вильяма III на пути в Ирландию.

Там, в битве на берегах реки Бойне (летом 1690 года), решился вопрос в пользу протестантского правительства, которое всеми силами поддерживал Дефо.

Короля своего, короля-протестанта, Дефо поддерживал словом и делом. Приход Вильяма к власти он приветствовал «Размышлениями о совершившейся великой революции». Он старался всюду, где возможно, держаться рядом с королем. Впрочем, на пути к Бойне он покинул его на половине дороги и в сражении уже не принимал непосредственного участия.

От ратных дел Дефо отвлекли заботы хозяйственные и торговые, его банкротство, хотя деловая катастрофа и не раздавила Дефо. «У него были друзья, несомненно, у него были очень влиятельные друзья», – говорят наиболее осведомленные современные биографы. И это, видимо, так: ведь потом, когда таких друзей у него не было, то в какую нору приходилось ему уползать! А тут, не имея, правда, возможности снять с него бремя долгов (сам король был в долгах из-за внутренней войны), ему предлагают представительство за границей, от которого он сам отказался, делают в 1695–1696 годах сборщиком налогов и, наконец, организатором лотереи.

«Провидение, – вспоминал Дефо, приписывая по обыкновению своего времени высшим силам управление тем, что

совершалось на грешной земле, – побудило меня отказаться от наивыгоднейших предложений того сорта, которые бы требовали моего отъезда за границу, и вместо этого связало с лучшими людьми страны в разыскании I путей и средств для правительства по добыче средств в случае новой войны, если таковая возникнет, Спустя некоторое время после этого без малейшего усилия с моей стороны я, находясь вдали от Лондона, получил назначение счетчика по сбору оконного налога, в каковой должности и находился вплоть до упразднения оной».

Оконный сбор был подобен «печному налогу», который когда-то взимался в России, и являлся своего рода налогом подоходным – учреждение древнее. Лотерея же была новостью, отчасти делом рук самого Дефо, следствием его рекомендаций и советов, которые он еще и развил в «Опыте о проектах».

Наряду с различного рода антикварными сборниками составление проектов было поветрием тех времен, по мнению многих – поветрием бесплодным и опасным. Свифт, как известно, заставил своего Гулливера в ученом государстве Лапута посетить целую прожектерскую академию, где занимались извлечением солнечного света из огурцов, еды из экскрементов и тому подобными «полезными» нововведениями.

Прожектеры описаны у Свифта уничтожающе смешно, однако время посмеялось и над Свифтом. Казавшееся ему верхом абсурда в далеком будущем осуществилось! Даже дома стали строить так, как пером, полным сатирического яда, описывал лапутянское зодчество Свифт, – начиная с крыши. Но если бы у нас была возможность указать великому сатирику на его просчеты, он бы, надо полагать, в долгу не остался, сославшись именно на время. Ведь основной его упрек лапутянам сводился к тому, что вперяют они взор свой в небо, не замечая того, что творится у них прямо под ногами. Решая сложнейшие геометрические задачи, не могут они ровно возвести стены собственных домов.

Если пуритане, отрицая театр, преследовали не жалких поденщиков сцены, а самого Шекспира, то и Свифт критиковал современную ему науку не на уровне невежества и глупости. Он метил в Ньютона, и, уж конечно, разил он доброхотов-изобретателей вроде Дефо, но как рассудила их история?

Когда читаем мы «Опыт о проектах» Дефо, вышедший в 1697 году, то, пытаясь совместить точку зрения современника с нашей собственной, испытываем впечатление двойственное и даже тройственное.

Впечатление первое: ничего особенного. Предлагается проложить дороги, поощрять торговлю, не лишать образования

женщин, взять на государственное содержание больницы, выплачивать пенсии и производить социальное страхование, одним словом, все, на наш взгляд, само собой разумеющееся. В том-то и дело, что на наш, а тогда казалось весьма проблематичным, нужны ли торговцам дороги, а женщинам – грамота, и за чей счет лечить больных?

Как только мы учли поправку па время, возникает впечатление второе: до чего смело! В самом деле, Дефо рассуждает как «гражданин современного мира», уже нам современного.

Тогда третье, с точки зрения «осьмнадцатого столетия»: какие дороги, если ездить не на чем и кони и экипажи немыслимо дороги? И кому и куда ездить, когда каждое графство, каждый город и каждое село ведь еще не вышли из средневековой замкнутости, как государство в государстве, могут жить сами по себе? И овцы свои, и виски свое, и даже табак свой, какая тут может быть торговля? Чтобы табак не сеяли, а покупали импортный, привозной из Америки, приходилось к местным жителям применять меры даже более жестокие, чем к рабам, что трудились на заокеанских плантациях, где рос этот табак. А что касается женского образования, прямо надо сказать, то до него было далековато: ведьм еще по деревням жгли!

Интересно и другое, если угодно, впечатление четвертое, новейших экономистов, которые, читая проекты Дефо, видят, как он, идя впереди своего века, иногда вдруг оказывается и позади него. Как это бывает с людьми мысли смелой, но не специальной, Дефо подчас не знает уже существующего решения тех же вопросов.

Наконец, подобно значительному числу «пророков» и «учителей жизни», Дефо учил тому, что решительно ему самому не удалось. «Опыт о проектах» вышел на пятый год после его финансовой катастрофы. А если верить словам Дефо, который в предисловии подчеркнул, что это сочинение было у него готово пять лет тому назад, то, стало быть, контраст между его идеями и его же практикой получится еще более резким.

«Опыт» – исповедь, только к ней надо подобрать ключ. Система тут, судя по всему, обратная, как наблюдается это в действиях Робинзона по сравнению с опытом самого Дефо. Всему, что хорошо знал Дефо, Робинзон учится долго и тщательно, ценой проб и ошибок. И напротив все, что не получалось у Дефо, Робинзону дается с легкостью. Видимо, и «Опыт о проектах» в плане автобиографическом читать нужно, переставляя плюсы и минусы. Это в своем роде «Опыт о несчастьях», которых можно было избежать, если бы…

«Опыт о проектах» – первая книга Дефо. Не брошюра, не памфлет – полновесная книга. Первая и не забытая до сих пор, хотя пусть уже и нечитаемая. Потому незабытая, конечно, что живая, и не по идеям, очевидным для современного читателя, а благодаря очень живому отношению автора к этим идеям. Предлагает он платить пенсии морякам и ради убедительности вставляет в свою речь морские словечки и выражения, приводит целые морские разговоры, и так непосредственно сводит нас со своими подзащитными, что читатель и теперь, пожалуй, тронутый до глубины души, про себя восклицает: «Дать им пенсии! Дать!» Благо автор и примерные расценки приложил с указанием, что стоит потерянный глаз, оба глаза, нога, обе ноги, руки левая и правая (расцениваются соответственно практическому значению) или же обе вместе, и что положено моряку за пребывание в неволе у турок, и все другие напасти морской жизни расписаны по прейскуранту, так ясно: «Дать пенсии!» Но тут мы спохватываемся, вспоминаем, что вот уже сто лет, как их платят, но, правда, и подождать морякам пришлось не меньше ста лет этих пенсий, с тех пор как выступил со своим проектом Дефо.

В «Опыте о проектах» уже определился стиль Дефо. Свою книгу книг создал он в шестьдесят, но прозой, которую знаем мы по этой книге, овладел к тридцати годам. Опять с самого начала сформировалась его литературная программа, и если выражать ее в двух словах, то надо сказать: «простая речь». Это его собственная формула. Простоту такого свойства не следует путать с примитивностью. Это сложнейшими средствами достигнутый результат, который по видимости не представляет собой ничего мудреного. Читателю предлагается не простоватость сама по себе, а искусно созданное впечатление простоты.

Кроме того, что было очень важно для Дефо, это и нравственная позиция. «Простота языка, – так и говорил он, – всегда была для меня выражением нрава прямого, честного и открытого».

«Гм-гм», – пожалуй, скажет тут читатель, знающий, что этот самый правдолюбец погорел на сомнительных операциях…

Современные исследователи подходят к этим фактам с открытыми глазами, устанавливая во взгляде на все, что происходило, прежде всего подобающий масштаб.

Дефо был человеком своего мира, и его идеал – «честный делец», понятие, как мы это сейчас воспринимаем, в корне противоречивое и ровно наполовину, вторую половину, окрашенное отрицательно. Одновременно простодушен и прозорлив был Дефо в отношении к этому идеалу. Семьдесят

кошек, два корабля и водолазный аппарат, который, кажется, и в единственном экземпляре изготовлен не был, – сравнительно мелкая и обычная по тем временам афера, которой только фигура Дефо и придает крупное значение.

ПРОСТЕЙШИЙ СПОСОБ РЕШЕНИЯ САМОГО ПРОСТОГО ВОПРОСА

Если колодки укрепить на шесте сверху, так чтобы можно было просунуть в них руки и голову, то получится позорный столб.

Позорный столб – казнь символическая, однако часто она становилась фактической. Приговоренного отдавали на поругание кому попало. Помимо оскорблений, в него бросали всякий мусор, камни и нередко забивали насмерть.

Враги Дефо еще и подначивали толпу. По городу распространялись листки с призывом: «Кидай!»

К позорному столбу Дефо привел тот самый дар, благодаря которому и закреплено за ним место в мировой литературе. А именно умение беседовать с читателем просто, увлекательно и убедительно, делая правдоподобным все, чего только ни касается его перо. В особенности эта способность говорить тоном бывалого человека и вообще чужим голосом. Так решил Дефо прикинуться своим собственным противником – и перестарался.

До той поры, несмотря на все падения и отклонения, кривая его жизненного пути все-таки шла вверх. Как-никак, а был он приближен ко двору и вызывал доверие у короля, а король нравился Дефо. «Ну просто Густав Адольф», – думал Дефо о Вильяме III. Однако многих Вильям (Вильгельм!) не устраивал. Что это за английский король-чужеземец? Появился стихотворный памфлет «Иностранцы» с намеками весьма прозрачными и дерзкими.

Тогда в защиту короля прозвучал резкий, сильный и убедительный голос.

«Это вы чистые англичане? Вы, чьи титулы подделаны или куплены!» – в таком духе рассуждал автор антипамфлета, который тоже был написан в стихах, не очень поэтичных (напоминавших батлеровские), но зато запоминающихся.

Британец чистокровный – в это верю еле!
Насмешка – на словах и фикция – на деле!

Стихи эти были у всех на устах, о чем можно судить по тиражу, достигшему масштабов массовых даже в те времена сравнительно малой грамотности. Одних беспошлинных

экземпляров продано было чуть ли не восемьдесят тысяч.

«Каждый народ, – говорил автор, – имеет свои достоинства. Но имеет и недостатки. Возьмите русских, сколько урона им приносит приверженность к необузданным страстям! Немцы… Итальянцы…»

Ну а когда дошло дело до англичан, то с ними автор разделался по-свойски.

При чем тут рыцари? Их нет у англичан!
Бесстыдством, золотом здесь куплен пэров сан!

Разделался, и спросил: «Этой породой хотите вы гордиться?»

Старейшая английская знать давно полегла в междоусобных раздорах. С тех пор вакантные места неоднократно заполнялись дворянством «новым». «Новейшие» оказывались, как правило, богатейшими, а это значит, – особенно кичливыми. В наши дни один английский журналист решил провести заочный смотр британской аристократии, и что же он выяснил? Обнаружил он среди благородных семейств одного джентльмена, имеющего возможность позволить себе такую аристократическую роскошь, какой лишен оказался даже шекспировский король Лир, а именно содержать свою личную, только ему подвластную армию, но этот джентльмен далеко не самого древнего происхождения. Нашел журналист и одного работника телефонного узла, который зато оказался герцогом Моубреем. Вот уж когда можно открыть Шекспира, и прошумит это имя! Между тем титул герцога Мальборо, который, кстати, носил Черчилль, не старше эпохи Дефо – возник у него на глазах. Так что же, Мальборо, получивший герцогство вместе с землями и замками, был он заинтересован в том, чтобы ему об этом напоминали? Мальборо, а также Монтегю, или Сесиль и Секвиль подобной заинтересованности не испытывали. Зато было много таких, кто с восторгом повторял смелые строки «Чистопородного англичанина». Это была декларация новизны, голос свежих, вышедших на авансцену истории сил. Автор критиковал все, что веками считалось «достойным», «истинным», но давно уже превратилось в скорлупки без ядра. Привилегии для одпих – бремя для других.

Лишь личной доблестью мы будем величавы!

А в конце поэмы, изничтожив все, что представлялось ему пустым и отжившим, автор менял тон и уже безо всякой иронии

взывал к людям достойным и деятельным.

Эти люди и раскупали «Чистопородного англичанина» в десятках тысяч экземпляров. А виновник торжества, автор, не открывая своего имени, стал называться не иначе как Автором «Чистопородного англичанина». Был это, конечно, Дефо.

Буря, поднятая поэмой «Чистопородный англичанин», разыгралась в самом начале года, в январе, а в марте Дефо опять и словом и делом поддержал короля. На этот раз словом прозаическим, но прозвучавшим тоже очень внушительно.

О том, что и как тогда произошло, Дефо рассказал сам. События развертывались у всех на глазах, поэтому биографы считают его сведения вполне достоверными.

«Граждане графства Кент, равно как и большинство других частей королевства, выразили свое глубокое неудовольствие относительно чересчур медленных действий парламента», – писал Дефо.

А суть конфликта заключалась в том, что парламент, реакционно настроенный, вел закулисную игру, которая могла довести до французской прокатолической интервенции.

Правь, Британия, Британия, на морях,
И никогда не будем мы в цепях!

Песню эту, получившую в Англии права гимна, сочинили младшие современники Дефо уже после его смерти, но чувства, в ней выраженные, прекрасно были знакомы ему самому и его сверстникам. «Никогда, никогда британцы рабами не будут» – таков в более полном виде припев. В первую очередь опасались французов. А Кент, крайнее юго-восточное графство, как нос корабля, повернутого на волну, были антифранцузским форпостом. Кент вообще краеугольный камень Англии, и «люди Кента» – образец стойкости. Недаром у древнего британского короля Лира, по шекспировскому замыслу, самым надежным сподвижником оказывается граф Кент. Прошение в парламент и подали пять смельчаков из Кента. И были арестованы, ибо их петиция прямо обвиняла парламент в государственной измене. Чтобы никому не повадно было возводить поклепы на верховный орган, подавших прошение строго наказали.

Вроде бы все встало на свои места. Однако вскоре после этого председатель нижней палаты шел на заседание, и вдруг прямо на пороге парламента путь ему преградила отвратительная старуха. Ну и рожа! Вся в морщинах и бородавках, глаза выпученные, нос крючком, а в левом нижнем углу рта будто ей кто-то раздавил

таракана. И эта ведьма вручила председателю бумагу, которую тот принял. Попробовал бы не принять! За спиной у старухи находилось по меньшей мере полтора десятка (точно – шестнадцать) весьма почтенных и хорошо вооруженных людей.

«Напоминание легиона» – так называлась эта новая бумага, поданная в парламент после «Кентского прошения». Название документа следовало бы передать по смыслу как «Народная памятка». Дополняя «Прошение», «Памятка» не содержала больше просьб, она требовала и напоминала: «Великое установление Разума утверждает, и все народы принимают это установление, а именно, если власть возвысится над законом, она делается для всех бременем и тиранством, и тогда эту власть можно ограничить чрезвычайными мерами. Вы не смеете смотреть свысока на неудовольствие народное, и те, кто выбрали вас своими представителями, могут вернуть вас на тот уровень, с которого вы поднялись. Они могут обратить против вас свои слишком долго испытуемые добрые чувства, и таким способом, какой вам едва ли понравится». А заканчивалась «Памятка» следующими поистине памятными словами: «Англичане никогда не будут рабами не только короля, но и парламента. Имя наше легион, и нас много».

Была еще и приписка, где говорилось, что если председатель палаты того потребует, то составители «Памятки» поставят под ней свои имена.

Этого не потребовалось, и узники были освобождены. Но в случае, если бы такой приказ последовал, первым надо было бы поставить имя автора – Дефо. Он же исполнял и роль «старухи», изменив на этот раз не только голос, но и костюм. Маскарад нужен был из предосторожности, иначе можно было попасть в руки парламентской стражи прежде, чем бумага оказалась бы в руках у председателя.

Председателем был Роберт Гарлей, будущий государственный казначей и государственный секретарь, иначе говоря, министр двора и основной патрон Дефо. Так состоялась их первая встреча, с которой, возможно, Гарлею запомнилось и это лицо, и напористый слог «Памятки».

В принципе Дефо не скрывал своего участия в деле кентских просителей, хотя подчеркивал, что сам он не из Кента, это только гражданский долг побудил его присоединить свой голос к «Прошению».

Итак, в январе 1701 года он потряс всех своим «Чистопородным англичанином», в марте подал «Памятку» и вновь произвел сильное впечатление, летом, в июне,

торжественно восседал на обеде в честь освобожденных «людей Кента», в декабре родилась у него дочь, его любимица Софи. В это же время у него в Тильбюри уже строилась кирпичная фабрика, которая бы позволила ему и с долгами расплатиться, и бед не знать.

Дефо не только выкарабкивался из ямы после падения, но и вот-вот должен был вновь достичь больших высот. Однако в марте следующего года…

В марте 1702 года король Вильям совершал свою обычную утреннюю прогулку верхом.

Это, надо отметить, в свою очередь, был один из пунктов, по которому Дефо, заядлый любитель верховой езды, нашел общий язык и с королем, а впоследствии со многими другими влиятельными лицами, державшимися при этом разных политических направлений. Гарлей был лошадником, и сменивший его Годольфин оказался также лошадником, и каким еще лошадником, основателем английского чистокровного коннозаводства. Умение крепко сидеть в седле сыграло в жизни Дефо немаловажную роль.

Король поднял коня в галоп, а конь, попав на скаку копытом в кротовью нору, споткнулся.

Вильям ездил верхом не хуже, чем Чарльз, как настоящий всадник, упал не с лошади, а вместе с лошадью. «Большая разница», – как заметил Пушкин, знавший это по собственному опыту. Еще бы!

Король был роста маленького, здоровья слабенького. Падение оказалось для него роковым. Он очень скоро скончался.

И закатилась звезда Дефо.

А злопыхатели пили здоровье той лошади!

Место короля Вильяма III заняла Анна, вторая дочь Джеймса II. Правда, хотя и дочь короля-католика, она сама была протестанткой. Новая правительница поддерживала протестантство лишь в наиболее умеренной, официальной форме, что, естественно, сказалось на положении Дефо: пусть он сам призывал своих собратьев к терпимости и разумности, но у внешних противников, церковных ортодоксов, имел репутацию раскольника неумеренного.

Дефо не сдавался, хотя при новом правлении сразу почувствовал, что ветер дует не в его паруса. Первого декабря того же года тиснул он – с грохотом! – новый памфлет, скрыв и на этот раз свое авторство.

«Простейший способ разделаться с раскольниками» – так назывался злополучный памфлет. С видимой серьезностью,

впадая в негодование столь же правдоподобное, сколь и «благородное», анонимный автор доказывал, что инакомыслящих (каковым был он сам) лучше всего просто уничтожить.

Петух как-то попал в стойло к лошадям (вел окольным путем свою мысль Дефо) и видит: затопчут! «Друзья, – воззвал петух, – не будем толкаться, а то, чего доброго, мы нанесем друг другу физический ущерб». – «Так-то вы заговорили, когда увидели, что не ваш верх! – голосом противной стороны продолжал Дефо. – Где же было у вас чувство милосердия, – злорадствовал он, – пока ваша брала? Не подлость ли это? И подлостью ли будет теперь раздавить гадину?»

Обличительный тон в адрес единомышленников получился у Дефо до того неподделен, что они ему этого вполне не простили, даже когда обман раскрылся. Нечего говорить о ярости врагов. Не разглядев сразу полемической подкладки, они приветствовали поначалу этот памфлет, а в результате оказались осмеянными.

Шум, произведенный Дефо, был такой, что историки считают «Простейший способ» самым громким литературным событием века. «Громкое литературное событие» и «крупное литературное произведение», разумеется, далеко не одно и то же, но для судьбы Дефо важно: почти за два десятка лет до «Робинзона» он уже оказался в центре общего внимания, и все за счет того же «честного обмана» читающей публики.

Подняв бурю страстей, обрушившихся на него со всех сторон, Дефо в итоге очутился в положении поистине Робинзоном, в одиночестве. Обманутые противники стали его преследовать, обиженные единомышленники не защищали. Дефо пришлось скрываться. Объявили сыск. Благодаря этому из полицейского описания, опубликованного «Лондонской газетой» 10 января 1703 года, мы и представляем себе облик Дефо: среднего роста, смугл, темные волосы, нос крючком. На издевательском портрете, который нарисовали уже не власти, а прямые враги Дефо, не пожалевшие сил и чернил, он был изображен еще старательнее, вплоть до морщин и бородавок. А уж родинка в левом углу рта – этот бугорок, судя по всему, производил впечатление или, лучше сказать, окончательно выводил из себя. Он отмечен на всех портретах, означен в описаниях, и, помимо того, что был как примета удобен для сыска, он, на взгляд некоторых современников, средоточие, символ, суть Дефо. Прыщ какой-то!

«Что за противный вид у этого субъекта, надо ж иметь такую гадкую и страшную физиономию! Совесть у него, разумеется, темна не менее, чем рожа. Нечто трупное, черное, сине-зеленое, непригодное для всеобщего обозрения. Глаза мерзкие, сальные, выпученные, нос длинный, и под стать ему огромный рот, губы

толстые, челюсть баранья, весь в бородавках, морщинах, желваках и прочих отметинах, бородка тощая, шея шелудивая, одежда – тряпье» – так разрисовали Дефо ненавистники.

Конечно, было множество людей, которые смотрели на него совсем иначе, чем те, кто, цепляясь за неровную кожу его лица, видел в Дефо сплошной нарыв, нарост, гнойный напор. И все же, однако, впечатление от личности Дефо, изливается ли оно в ненависти или одобрении, не обманчиво. Крупность и подвижность черт заметны даже по злой карикатуре. Сила, дающая себя знать хотя бы через сопротивление, ей оказываемое. «Силой Дефо» обозначают писательскую энергию, подобно тому как «ампер» или «кулон» служат мерой электрического тока. Причем современники не оказались близоруки до того, чтобы не различить этой силы. Крупную фигуру признали фактически сразу, как обычно бывает, и столь же закономерно совершалась координация этой фигуры с эпохой, с окружением – далеко не сразу. «Кидай в него чем попало!»

Трудно ощутить нам остроту споров, в которых Дефо наживал себе яростных врагов и сам же платил им неугасимой ненавистью. Уделом специалистов остается чтение сотен страниц, исписанных создателем «Робинзона» ради полемики, во имя страстей, которые давно окаменелость. Рука Дефо почти всегда дает себя знать, но – темы! С нарисованными волнами можно сравнить дошедшую до нас картину тех волнений. Даже перо Дефо сохранило лишь картинно-застывший вид бури, бушевавшей некогда, низвергавшей правительства, двигавшей государствами и народами.

Но кто был главным врагом Дефо? Выдал его, как считают исследователи, тот же человек, профессиональный провокатор, который относил рукопись «Простейшего способа» в типографию. Мы вынуждены даже еще и поблагодарить предателя, потому что именно ему принадлежит словесный портрет Дефо. Своеобразная добросовестность этого человека была проверена и подтверждена полтора века спустя, когда из-за ремонта пришлось вскрыть гробницу Дефо.[9] Оказалось, действительно, рост средний, сто шестьдесят два сантиметра. Особенное впечатление произвела на всех эта «баранья», то есть массивная, выдающаяся далеко вперед нижняя челюсть.

Итак, имя раскрыто, внешность известна, виновность признана, дело в суде разбирается, только подсудимого нет: почти полгода Дефо скрывался. В подполье не сидел сложа руки. Он развернул самозащиту – анонимную в печати, а под своим именем послал он письмо тогдашнему государственному секретарю Даниелю Финчу, графу Нотингемскому.

«Милорд, – писал Нотингему Дефо, и это первое из сохранившихся его писем, – я глубоко сознаю, что нанес обиду ее величеству и правительству, что из-за меня пострадало несколько совершенно безвинных людей, и все это вынуждает меня обратиться к вашему превосходительству непосредственно, за каковую дерзость смиренно прошу вас простить меня.

Давно бы я отдал себя на милосердие ее величества, если бы не угрозы должностных лиц вашего превосходительства, которые довели до моего сведения о таком негодовании ее величества и вашего превосходительства, каковое представляется чересчур ужасным и к тому же касается еще более давних событий, к которым не причастен, хотя и заслужил плачевную известность как виновный в них.

Укрываться от суда ее величества, милорд, это в своем роде значит объявить войну, что является для меня до крайности тягостным. Прошу ваше превосходительство помочь мне сложить оружие или, по крайней мере, заключить такое перемирие, каковое дало бы мне возможность заслужить прощение ее величества.

Милорд, лишь бренное тело, не приспособленное к тяготам тюрьмы, и разум, не способный вынести условий заключения, вынуждают меня скрываться. Но, милорд, слезы многочисленной гибнущей семьи, возможность длительного изгнания из родной страны и надежда на милосердие ее величества подвигают меня на то, чтобы броситься к стопам ее величества, прося при этом вашего вмешательства.

Молю ваше превосходительство уверить ее величество, что я совершенно не питаю никаких злонамеренных замыслов и, хотя был не по заслугам оскорблен, я по-прежнему предан интересам и благу ее величества.

С нижайшим почтением прошу ее величество простить мне ошибку, в каковой готов публично покаяться, а потому прежде прошу вас явить терпение и милость и выступить перед ее величеством от моего имени. Ибо, хотя, быть может, это и небывалый случай, чтобы ее величество вступало в какие-либо переговоры с непослушным подданным, все же и ослушание бывает разное, а милосердие ее величества безгранично.

Мне сообщили, милорд, что, когда моя несчастная жена обратилась с прошением к вашему превосходительству, вам было угодно передать мне, чтобы я отдал себя в руки правосудия и ответил на те вопросы, какие мне поставят. Милорд, не снизойдете ли вы до того, чтобы подумать о возможности послать мне эти самые вопросы в письменном виде или прямо оставить их у меня в доме, а я, как только получу их, тотчас дам на них

прямые, ясные и честные ответы, как если бы я говорил под страхом смертного приговора, могущего воспоследовать от вашего превосходительства. И, как знать, милорд, возможно, мои ответы настолько, удовлетворят вас, что вы склонны станете думать, что были введены относительно меня в заблуждение.

Но, милорд, если и после всего сказанного я все же буду иметь несчастие оставаться в немилости у ее величества и ее величество пожелает все-таки подвергнуть меня всей строгости суда, то я, будучи признан виновным, могу ли все же надеяться получить как джентльмен наказание несколько более сносное, чем тюрьма, позорный столб или нечто подобное, что хуже для меня самой смерти.

Молю, милорд, обратите внимание на то, что убийцы и воры, чьим наказанием должна служить смерть, часто получают освобождение за счет службы у ее величества. И я, если ее величеству угодно будет приказать мне, готов год или даже более служить за свой собственный счет, и я запишусь в передовые отряды ее величества в Нидерландах, вступлю в любой из кавалерийских полков, к любому из командиров, какому только ее величество пожелает, и, без сомнения, милорд, я охотнее умру там на пользу ее величества, чем в тюрьме. А если таким способом я искуплю свою вину и заслужу прощение ее величества, то буду считать это для себя более почетным, чем даже прямое помилование.

Поскольку, милорд, прибегаю я к милости ее величества, то, быть может, ее величеству, не имея в виду тюрьму и телесные наказания, угодно будет наложить на меня любой обет, какой только в силах снести буду, и я с радостью готов подчиниться, отдав себя на врожденную доброту ее величества.

А если милосердие ее величества распространится так далеко, что с меня полностью снято будет обвинение, и если, да позволено мне предположить, ее величеству угодно будет принять мои услуги, то я на свой собственный счет поставлю ко двору ее величества взвод кавалерии, и сам, возглавив его, буду служить ее величеству до той поры, пока жив.

Итак, милорд, всем сказанным заверяю вас, что готов делом, пером и разумом своим доказать ее величеству благодарность помилованного подданного, готов ради ее величества на все, будучи глубоко опечален, что нанес ей такое оскорбление. Смиренно прошу ваше превосходительство об участии в моей судьбе, о каковом не придется вам пожалеть, когда узнаете вы, что даровали его исполненному радения, признательному и верному подданному.

К вашей милости, с чем и остаюсь,

Ваш нижайший, несчастнейший,
скромный проситель и слуга
Де Фо».

Красноречивым ответом на письмо было объявление солидной денежной суммы в награду за поимку «скромного просителя».

Не менее красноречивым был акт, совершенный по постановлению парламента: конфискованные у издателя экземпляры «Простейшего способа» были публично сожжены палачом.

И в это самое время выходит… сборник, целый сборник произведений Дефо, включающий среди прочего и «Простейший способ»!

В тот год, 1703-й, вышло даже два таких сборника. Расстояние между ними в несколько месяцев, а различие в том, что один называется «Собрание произведений автора „Чистопородного англичанина“», другой – «Подлинное собрание». В «Подлинном собрании» на одиннадцать произведений больше, но зато двух памфлетов, имеющихся в первом сборнике, почему-то нет. На титульном листе «Подлинного собрания» имя автора также не названо, но зато приложен портрет, под которым прямо указано – Даниель Де Фо (Дефо стали писать после его смерти).

Это первый и вообще редкий случай, когда он так открыто объявлял о своем авторстве. В «Опыте о проектах», который не вошел ни в тот, ни в другой сборник, Дефо подписался только под предисловием и одними литерами Д. Ф. В большинстве же случаев он скрывался под псевдонимом или приписывал авторство какому-то другому лицу. А на этот раз постарался закрепить в сознании читателя, что известный автор «Чистопородного англичанина» и «Простейшего способа», вошедшего в оба сборника, один и тот же человек, вот он, и зовут его так-то – запомните!

Наш Музей книги при Ленинской библиотеке в Москве располагает этой редкостью. Не крупного формата, но объемистая книга в триста страниц. Книга политического публициста. Портрет: Дефо как будто шел своей дорогой, но его окликнули, и он обернулся… Родинка на месте, челюсть выдвинута, он как бы ничего не считает нужным скрывать, но предлагает судить о себе без пристрастия. Краткое предисловие, в котором автор предупреждает читателей, что некое «Собрание», вышедшее некоторое время тому назад, – это литературная кража, совершенная к тому же в трудное для автора время. Мало того, в «Собрание» попали трактаты, к которым автор «Подлинного

собрания» непричастен. Осмелился этот дерзкий грабитель перепечатать и злополучный памфлет «Простейший способ», из-за которого автор и навлек на себя всеобщее негодование, незаслуженное, как уверял Дефо.

Что это такое? По тем временам ясно: пираты! Только не те, что хозяйничали на море, а на книжном рынке. Выходит, они издали первое «Собрание» без ведома Дефо, желая нажиться на его скандальной популярности. Однако откуда такое сходство между двумя сборниками? Ведь даже опечатки совпадают.

Не говоря уже о том, что, упрекая некоего литературного вора за приписывание ему «Простейшего способа», сам автор включил тот же трактат в «Подлинное собрание». (Только вот куда из «Подлинного собрания» подевались еще два трактата? От них автор отрекся?)

На вопросы ответил один из крупнейших знатоков Дефо. Это был Джон Роберт Мур, тот самый, что не поленился прочесть или хотя бы просмотреть все пятьсот разнообразных сочинений, принадлежащих автору «Робинзона Крузо». Произведя тщательное сличение двух сборников, Мур установил, что это одно и то же издание. Дефо, как видно, и на этот раз разыграл читающую публику, представив себя «обкраденным». Зачем? Понятно, в его положении было чересчур рискованно напоминать о себе. «Собрание», будто бы «краденое», было пробным, разведывательным, а в принципе его, как и «Подлинное собрание», можно считать одинаково авторским.

Надо сказать, это похоже на Дефо, считавшего нападение лучшей формой защиты. Даже в эти мрачные дни, когда Дефо, как Робинзон, увидевший след ноги на песке и запрятавшийся в свою пещеру, будто зверь в нору, сам был вынужден где-то таиться, он не побоялся вступить в схватку с человеком, который случайно опознал его. С оружием в руках поставил этого человека на колени и взял с него клятву, что тот не выдаст. И вышедшее в разгар травли Дефо первое собрание его сочинений, – факт знаменательный. Запрещают и казнят «Простейший способ», ах, так, тогда вот вам целый том того же автора! Да, автора «Чистопородного англичанина» и еще «Простейшего способа» в придачу. Ответный удар, двойной удар – «пиратский» и «подлинный»!

Такой вывод Мур сделал в 1939 году. Однако прошло два десятка лет, за время которых профессор из Чикаго, по его собственному выражению, общался с Дефо чаще, чем его «несчастная жена», вынужденная обивать пороги приемной государственного секретаря, и в биографии Дефо, изданной в 1958 году, Мур рассматривал «Собрание» как незаконное безо

всяких скидок. Обвинения Дефо по адресу «книжного разбойника» исследователь толковал прямо, без подтекста. Прежнее мнение сохранил он только по одному пункту, при ответе на вопрос, куда из «Подлинного собрания» пропали два памфлета, имеющиеся в «Собрании» просто.

«Господа, я знаю этого Дефо и могу сказать вам, что это порядочнейший человек и т. д.» – в таком духе примерно рассуждал анонимный автор этих двух памфлетов, то есть сам Дефо. Вообще, как мы знаем, он не раз себя хвалил, но уже не так открыто. Вот он и убрал из сборника, который назвал «Подлинным», свою откровенную апологию.

А подлинность или поддельность первого «Собрания»? Мур не оставил вовсе этого вопроса и еще через несколько лет, в 1960 году, выпустил фундаментальную библиографию произведений Дефо. Эта книга сама по себе читается как летопись его жизни. И вот опять, подойдя к истории первого «Собрания», Мур сделал ссылку на свою работу 30-х годов, предлагая учесть все его старые выводы, и основной из них: «У нас имеется много причин признать, что Дефо авторизовал „воровское“ издание 1703 года, и лишь одна причина, мешающая это сделать, – уверения в обратном самого Дефо. Но по ситуации такие уверения скорее могут служить доказательством в пользу нашей догадки, подобно тому как выслушиваем мы слова того же Дефо о том, будто „Приключения Робинзона Крузо“ написаны моряком из Йорка».

Мур сделал и ряд новых наблюдений. Он установил, что «Подлинное собрание» сделано было прямо по корректурным листам «Собрания», что успеха оно не имело, и это видно хотя бы по тому, что чистые листы, заново сброшюрованные, Дефо пытался предложить публике неоднократно и в 1705-м, и в 1710-м, и даже в 1723 году. Однако сборник сочинений автора «Чистопородного англичанина», которого расхватали в десятках тысяч экземпляров, все никак не расходился. Почему? Это характеризует эпоху и отношение современников к Дефо. Его признавали как забияку-памфлетиста, а солидные фолианты писали и читали в другом кругу, на другой ступени литературной иерархии. Попал Дефо не на тот этаж литературы. Писателем он не считался, хотя, быть может, по типу деятельности был писателем в большей степени, чем все его пишущие современники, вместе взятые!

От суда скрывался Дефо по тому парадоксальному принципу, по которому делал он в жизни многое, – у француза. Именно он, стращавший французским завоеванием и потому, казалось бы, стоявший вне каких-то французских связей и симпатий, почел

вернейшим убежищем дом французского торговца.

Однако надо учесть, что француз был гугенотом, то есть французским протестантом, поэтому он не только прятал Дефо, но и, когда попал в руки полиции, постояльца-единомышленника не выдал. Все-таки Дефо нашли и взяли, причем присланы были для этой операции два королевских должностных лица. Дефо всегда гордился, что сразу двое: одного-то случайного разоблачителя он поставил на колени!

Мысль об этом могла служить, пожалуй, единственным утешением для Дефо. Ситуация была ведь поистине ужасной. Семья действительно погибала, большая семья, семеро детей, пять девочек и двое мальчиков. Каково им без единственного кормильца? Рушилась, буквально рушилась и его последняя деловая опора, кирпично-черепичная фабрика в Тильбюри.

Когда в середине XIX столетия в Тильбюри проводили первую железную дорогу, среди рабочих то и дело появлялся некий господин. С исключительным вниманием следил он за тем, что выкапывают они из земли, сооружая железнодорожную насыпь. И вдруг – кирпичи! Небольшие, ровные, красноватые. «Откуда здесь кирпичи?» – спросил незнакомец у землекопов. Почем они могли знать? Незнакомец объяснил им, что «автором» этих кирпичей является тот же человек, который написал «Робинзона Крузо». Они сразу поняли. Кто же не знает «Робинзона Крузо»?

«Как видно, – вспоминал об этом случае незнакомец, – я задел ту струну, что связывала сердца навигаторов железных дорог с участью моряка, потерпевшего крушение. Глаза у всех заблестели, языки развязались, каждый готов был спросить и сам что мог ответить, и всякая мелочь приобрела смысл. Рабочие с носилками и лопатами, бригадир, обходчик путей – все собрались вокруг меня, рассматривая узкие, продолговатые, уже устаревшей формы кирпичи, оказавшиеся важной исторической находкой».

А незнакомцем этим был Вильям Ли, автор трехтомной биографии Дефо. Рассматривая первосортные кирпичи, профессор литературы понял, почему так долго не получалась у Робинзона глиняная посуда. Вот ответ: кирпичи говорят сами за себя. Дефо знал глиняный обжиг как специалист и очень хорошо мог описать «неумение» делать кирпичи (а все, чего сам Дефо не знал и не умел, получалось у Робинзона быстро и как бы само собой – без описательных подробностей).

Исследователь с кирпичом в руках – это как Гамлет с черепом Йорика. Бедняга Дефо! Ведь то была могила его лучших надежд. Сколько вместе с этими кирпичами было похоронено, зато остались жить строки, в которых впервые за всю историю литературы так осязаемо передано каждое движение человека,

занятого трудом: «Воображаю, как посмеялся бы надо мной (может быть, и пожалел бы меня) читатель, если бы я рассказал, как неумело я замесил глину, какие нелепые, неуклюжие, уродливые произведения выходили у меня, сколько моих изделий развалилось оттого, что глина была слишком рыхлая и не выдерживала собственной тяжести, сколько других потрескалось оттого, что я поспешил выставить их на солнце, и сколько рассыпалось на мелкие куски при первом же прикосновении к ним как до, так и после просушки. Довольно сказать, что после двухмесячных неутомимых трудов, когда я наконец нашел глину, накопал ее, принес домой и начал работать, у меня получились только две большие безобразные глиняные посудины, потому что кувшинами их нельзя было назвать».

А кирпичи – ровные, крепкие, сохранившие, несмотря на вековой «возраст», даже цвет. Что ж, ведь тот же автор стал учить других торговать после того, как сам потерпел полный финансовый крах. И неудачные попытки месить глину описал он как прекрасный знаток этого дела, в каком ему только обстоятельства помешали преуспеть. Обратная связь, проверенная на себе. В конце концов, парадоксальный путь и привел к «Робинзону Крузо», ибо при удаче занялся бы Дефо, быть может, выделкой кирпичей, а не писанием книг.

Впоследствии, не называя себя, Дефо описал обстоятельства своего ареста. Конечно, спрятаться он мог бы понадежнее. Мог вообще уехать за границу или хотя бы в Шотландию, но у «родного предела» его удерживала семья и всякие дела. Он и попался из-за того, что ему нужно было подписать в Лондоне бумаги, чтобы сохранить хотя бы часть своего состояния.

Накануне приснился ему сон, после которого события следующего дня сделались, как это у психиатров называется, «дежавю», буквально «уже виденным»: точная картина с приходом двух стражников. В ту ночь с ним был Девис, муж сестры, человек рисковый, но верный. Это он участвовал во всех операциях Дефо, вплоть до водолазного колокола, однако он же не покидал его и в тяжелейшие минуты. Дефо разбудил зятя и рассказал ему свой странный сон. Девис посоветовал ему получше выспаться. А на другой день в самом деле двое пришли и – «Волей ее величества!».

Первым допрашивал Дефо лично лорд Нотингем. Государственному секретарю нужно было только одно: раскрыть антиправительственный заговор. Как ловили «католиков» по наущениям Титуса Оутса или налагали разорительные штрафы на «сочувствующих» бунтовщику Монмуту, так и «предателей» в

оппозиции обнаружить ничего не стоило, если бы только Дефо в том «сознался»… Однако пойманный, который сам же предлагал к услугам «ее величества и его превосходительства» свое перо, силы и разум, и который, конечно, мог сочинить такой «заговор», что мир содрогнулся бы от страха и ужаса, на этот раз проявил крайнюю бедность фантазии. Ни одного разоблачения от него не услышали. После допроса Дефо ни один человек не пострадал.

Лорд Нотингем предпринял сложный ход. Он отпустил Дефо на поруки, положим, под крупный, очень крупный залог (одним из поручителей, вложивших свои деньги, был верный Девис), но все-таки отпустил, надеясь, видимо, что на свободе Дефо одумается и даст нужные показания. Показаний не последовало, и Дефо был возвращен в тюрьму.

Состоялся суд, длившийся три дня. Тогда же были опубликованы подробные протоколы этого суда, однако прочесть их уже нельзя: уникальный экземпляр, что хранился в библиотеке Британского музея, погиб во время второй мировой войны – бомба попала в музей. Поэтому, как проходил весь процесс, мы не знаем, но известен приговор: крупный штраф, позорный столб и «примерное поведение», то есть условное заключение сроком на семь лет.

Почему, в самом деле, такая жестокость?

Все делалось «именем ее величества», однако, проверяя документы, историки находят, что королеве было не до «чистопородного англичанина».

Королева Анна, как и Карл II, была персоной просто посредственной, хотя правление ее называют «блистательным». Действительно, победы за морем, известное благоденствие внутри страны, выдающиеся достижения литературы, которой королева не интересовалась вовсе. Можно думать, что произошло это все именно потому, что не интересовалась. Она, как и «душка Чарли», не вмешивалась. Не препятствовала ходу вещей, который был сильнее ее. Она произвела Ньютона в рыцари. При ней приобрел влияние Свифт. Авансцену политическую занимали и старые фигуры, чья фамильная история давала богатейший материал еще Шекспиру, и новые – прежде всего Мальборо.

И Дефо нашлось бы место получше, чем у позорного столба. Неужели автор «Чистопородного англичанина» оскорбил или обеспокоил королеву своим «Простейшим способом» настолько, что ему был вынесен приговор столь суровый, каким не карали и куда более серьезных преступников? Ведь когда провокатор Оутс попал к тому же столбу, он взмолился: пусть уж лучше его казнят!

«До тех пор, пока угодно будет королеве», – гласил приговор.

Насколько в самом деле это было королеве угодно, выяснить теперь нелегко. Ведь когда влиятельные лица разъяснили ей наконец, кто такой этот Дефо, она отдала приказ о помиловании. Так что «королеве угодно» – это скорее всего ширма, за которой скрывалась не королевская воля. Так чья же?

Может быть, кто-либо из старых или новых некоронованных властителей? Перебирая претендентов, историки опять-таки не знают, на ком остановиться. Всем им Дефо был неопасен. Как только некоторые из вершителей государственных судеб присмотрелись к «чистопородному англичанину», они поняли, что это им не противник, а помощник, нужный помощник, надо только с умом направлять его энергию.

Положим, лорд Нотингем, которого Дефо впоследствии называл (в печати) не иначе как Дон Дундук, не смог добиться от него того, что было ему нужно. Но даже по реакции Дона Дундука видно, что «Простейший способ» сам по себе скоро отошел на задний план. Своими или чужими руками готовил Дефо первое «Собрание», об этом мы можем только догадываться, но ведь «Подлинное собрание» было уж точно им подготовлено прямо в тюрьме, между допросами! Стало быть, на это государственный секретарь и внимания не обращал: не он личный враг Дефо.

Так кто же? Вот когда во второй раз, десять лет спустя, Дефо опять оказался под судом и уж действительно только помощь сильных мира сего избавила его от петли, тогда судья ему прямо сказал: «За то, что ты пишешь, тебя мало повесить. Тебя хорошо бы четвертовать!»

И в первый раз (так считают историки) главным врагом Дефо был сам суд. Не машина суда, потому что это был суд присяжных и присяжным, людям в общем случайным, в свою очередь, дела было мало до Дефо. Они утвердили приговор, в котором их сумели убедить. Злейшими врагами Дефо были высшие государственные чиновники, он обвинял их в тех грехах, за которые они судили и отправляли за решетку и на виселицу.

Следя за ходом интриг вокруг Дефо, вчитываясь в документы тех дней, вслушиваясь в голоса современников и, конечно, перерывая горы им написанного, историки обращают внимание, например, на такие слова, хотя бы эти из его «Прошения бедняка», вышедшего между «Чистопородным англичанином» и «Простейшим способом».

«За пьянство – в полицию, за прелюбодеяние – в тюрьму, за воровство – вешать», – предлагал голосом «бедняка» Дефо, однако добавлял: «Но уж всех без разбору, кто попался. А то виноватыми выходим одни мы, простые люди. Ни богатого пропойцы, ни ловкого торговца перед лицом закона или в колодках не

увидишь».

«Закон», когда оказался перед лицом его Дефо, не забыл ему таких суждений.

Вольнодумство мирового масштаба процветало при дворе и в наиболее влиятельных слоях общества. Свободомыслие, как подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, было вывезено именно из Англии: «Локк был его отцом, а у Шефтсбери и Болингброка оно уже приняло ту остроумную форму, которая получила впоследствии во Франции столь блестящее развитие».[10] По сравнению со Свифтом, перед которым трепетали министры, Дефо был в самом деле смиреннейшим подданным. Но максимум, чем недруги могли отомстить Свифту, это дать ему высшую церковную должность не в Лондоне, а только в Дублине, то есть отправить в почетную ссылку. А в чем провинился Дефо? Он сам писал: «Я увидел, что кучка людей посягает на чужую собственность, разлагает законность, втирается в правительство, мутит народ, короче говоря, порабощает и опутывает своими сетями нацию, и я крикнул: „Горим!“» Короче, во всем, что уже успел он к тому времени написать, во всем была одна мысль: «Будем людьми и дела, и совести!»

Да, духами торговал и кошек разводил, корабли арендовал и кирпичи производил, но твердил одно: «Да не уснет наш рассудок!»

Подобно тому как Робинзон в минуту размышлений берет лист бумаги, делит его пополам, пишет на одной половине «Зло», на другой «Добро» и, не лукавствуя перед самим собой, решает своего рода уравнение судьбы, так подходил к любой проблеме и Дефо.

Дефо понимал: человек не бумага, пополам не разделишь, но все-таки есть «баланс», вывод недвусмысленный.

«В паутине закона, – писал Дефо, – запутываются маленькие мошки, а большие легко прорывают его. Лорд-мэр высек бедняков-нищих, несколько проституток были посланы в исправительные дома, трактирщики оштрафованы за то, что торговали спиртным в субботу, – и все это против нас, простого народа, как будто порок гнездится только в нас… А если на тебе чистая одежда, а на пальце золотое кольцо, ты можешь самого господа поносить перед судьей, можешь преспокойно идти по улице пьяным, никто и внимания не обратит. А вот если бедняк напьется или выругается, его незамедлительно в колодки. И кто судит? Такие же преступники, как и те, кого судят».

Причем Дефо разоблачал не вообще, а вполне персонально указывал, что верховный судья Клайтон берет чудовищные взятки (этого Клайтона он потом сделал советчиком Роксаны), что лорд-

мэр присваивает средства, отпущенные на содержание сирот. Установлено, что за эти сиротские деньги Дефо сражался в одиночку. Той же острой темы тогда не коснулся больше никто.

За образ мыслей и не пощадили Дефо.

29, 30 и 31 июля 1703 года по нескольку часов в день стоял Дефо, зажатый колодками, на людных площадях Лондона.

Даже у карикатуриста, желавшего изобразить, до чего жалок и смешон был выставленный на позор Дефо, рука дрогнула и передала выражение серьезности и спокойствия на лице наказуемого.

Дефо, как видно, хотел отдавать себе отчет во всем, как и Робинзон, который воздвиг на своем острове столб с перекрестной доской, игравший у него роль календаря. «Я вдруг сообразил, – поясняет Робинзон свои действия, – что могу потерять счет времени… Чтобы избежать этого, я водрузил деревянный столб на том месте берега, куда выбросило меня волной…» На столбе делал он зарубки. А когда пришло избавление от долголетнего островного плена, забрал «календарь» с собой в числе немногих, но многозначительных для него реликвий.

Руки у Дефо были растянуты в стороны и зажаты. Голова тоже находилась как бы в деревянном воротнике, или, точнее будет сказать, ярме. Но вместо того чтобы как-то набычиться, спрятать или же вскинуть голову, Дефо посматривает вокруг. Как ни ограничены неподатливым «воротником» пределы обзора, Дефо старается использовать для наблюдений и эту позицию. А в него полетели… цветы!

Понять человека, пережившего такое, пожалуй, труднее, чем вообразить Робинзоново одиночество. Писатель, которому доведется пройти подобное испытание, хотя и в других условиях, скажет, что в те мгновения открылась ему вся суть бытия человеческого.[11] Что же получилось?

Лучшая форма защиты – нападение, и Дефо не стал отступать. Не только пасквильные листки с карикатурами на него распространялись в тот день. Новые стихи автора «Чистопородного англичанина» мог прочесть каждый. Стихи Дефо написал прямо в заключении, а поскольку он даже сборник мог там подготовить, то уж листок с поэмой, которая так и называлась «Гимн позорному столбу», выпустить ничего не стоило. А друзья позаботились о том, чтобы листок дошел до читателей. Стихи все такие же, не очень поэтичные, но хлесткие:

«Под суд!» Других?

А если вас судить самих?

Потому и стал день позора днем его триумфа.

По борьбе, какая развернулась вокруг Дефо – за него и против него, – видно достигнутое им уже тогда влияние.

Против

Заключили в тюрьму.

Поставили у позорного столба.

Разбрасывали карикатуры на него.

За

Прямо там он подготовил к печати книгу своих сочинений.

К ногам его летели цветы.

Сочиненный им «Гимн позорному столбу» раскупали нарасхват.

Кроме того, пусть до сих пор неизвестно в точности, кто это был, но встречи с Дефо, еще находившимся под стражей, искало несколько влиятельнейших персон.

Прозвучал в защиту Дефо и голос Вильяма Пенна, чьим фамильным именем назван в Америке штат Пенсильвания.

«Прошу, – писал Пени, – в отношении вышеупомянутого Дефо, приговоренного к заключению и позорному столбу, если не отменить, то хотя бы смягчить наказание».

Наказания не отменили, но все же приняли во внимание, что просил Пени. Ведь это фактически один из праотцев Соединенных Штатов, пользовавшийся влиянием по обеим сторонам Атлантики. Сын кромвелевского адмирала, заставлял он прислушиваться к себе королей. Он сам в пору наибольшего засилья католиков в Англии оказался в темнице, но на свободу вышел в ореоле непререкаемого авторитета как защитник веротерпимости и человеческого достоинства.

Практически дело решил Гарлей. В отличие от Дона Дундука, то есть лорда Нотингема, который считал, что он сам очень хорошо говорит и прекрасно пишет, а потому в услугах Дефо не нуждается, Гарлей, будущий государственный секретарь, не только двух слов не умел связать, но и сознавал, что не умеет. Поэтому он, как человек не блестящий, но здравомыслящий, решил получить себе в помощники популярного и боевого публициста, искушенного политического борца, делового человека с немалым и разносторонним опытом.

Однако Гарлей устроил, что мог, не сразу. Наблюдая за

событиями вокруг Дефо и направляя издалека их ход, он до поры прямо не вмешивался.

Все шло своим чередом. Первый день… Второй… Третий…

На исходе третьего дня Геркулес (на церковных часах) поднял палицу и пробил установленный законом час. Люди шерифа отперли колодки. Невысокая, сухощавая фигурка высвободилась из деревянных оков.

Затекли руки… Шея онемела… Слава богу, голова цела!

Из толпы послышались приветственные возгласы.

– Тоже еще Цицерон выискался, – тут же прошипел наемный щелкопер, строчивший про него кляузы.

А «Цицерон» по-прежнему в сопровождении стражи отправился обратно в тюрьму у Новых Ворот – Ньюгейт.

Гарлей все еще выжидал.

ИГРА СУДЬБЫ

Тюрьма развернулась перед Дефо своего рода лабораторией, где жесткие условия выжимали изо всякой натуры ее суть. И последний вопль осужденного оказывался иногда просто зверским. Дефо первым из литераторов присмотрелся близко и пристально к нулевому, так сказать, уровню человеческого состояния – к отверженным.

Кого увидел Дефо вокруг себя? Отверженных по несчастью, закоренелых преступников и тех, кто, подобно самому Дефо, очутился за решеткой, влекомый авантюрным духом времени. «И все оттого, что меня одолевало жгучее желание обогатиться скорее, чем допускали обстоятельства», – скажет впоследствии Робинзон, называющий, между прочим, и свой остров «тюрьмой».

Наблюдал Дефо два полюса, образующихся как бы по инерции общественного развития: привилегированная верхушка, которая уже не живет, а существует в доставшихся ей даром условиях, и «дно», по-своему паразитически пробавляющееся за счет деятельной части общества. Тех и других чуждался Дефо, демократ и труженик по натуре. Но если на первых, верхних, он, что называется, махнул рукой, притом махнул с презрением и гневом, то состояние тех, кто внизу, он старался объяснить и исследовать.

Дефо усмотрел страшную близость болотно-зыбкой среды всевозможных перекати-поле к миру, считающемуся нормальным и устойчивым. Он сам, сидя за решеткой, ожидал визита к себе в камеру каких-то «знатных персон». А некий вожак чудовищной банды головорезов, заключенный в Ньюгейте, диктовал условия и грозил разоблачениями мэру Лондона. Кажется, он обещал к тому же «исправиться». Безусловно, он бы «исправился», если бы вместо казни его помиловали да еще заплатили хорошенько за услуги, о которых он грозился напомнить. Его все же решили отправить на тот свет, а так мог бы явиться на этом свете новый предприниматель или преуспевающий торговец. И вот натура, развращенная до основания, приосанившись, начала бы действовать в новом одеянии, но как? И почему с этим бандитом был все-таки связан не кто иной, а сам лорд-мэр?

Подробно Дефо постарается на все эти вопросы ответить позднее: в своих романах из жизни воров, потаскух – одним словом, «дна» моря людского; как всегда, в эти книги войдет опыт многих лет и прежде всего самый непосредственный, его собственный тюремный опыт.

На образцовой книжной полке, куда книги попадают по суду самой истории, из книг Дефо, посвященных так называемым «отбросам общества», классического статуса достойны «Моль Флендерс» и «Полковник Джек», написанные, как и все его основные вещи, на исходе дней. Но ведь одним из первых его произведений была сатирическая поэма «Улучшение нравов», а последним – «Инструкция по эффективной борьбе с уличным воровством и ночными налетами». Вот уж была подлинно тема жизни для него, однажды и навсегда запутавшегося в долгах и бывшего под судом.

«Ах, потому он про это и писал, что был под судом!» – так иногда говорили, особенно в прошлом веке, когда буржуазное ханжество совсем забыло, что оно ханжество. Нет, если бы на это имел возможность ответить сам Дефо, то мы знаем, как ставил он такие вопросы: вроде бы шиворот-навыворот, а на самом деле глядя в суть вопроса. Именно потому, что он писал об этом, он и попал под суд. «За что?» – или прямо: «А судьи кто?» – имел все основания спросить Дефо, и он спрашивал, непрестанно спрашивал…

Название первого и лучшего «криминального» романа Дефо, по традиции, установившейся с прошлого века, переводится у нас как «Радости и горести Моль Флендерс». Точнее было бы – «Удачи и неудачи…». Точнее не только словесно, а по смыслу книги и всей атмосферы, что стоит за книгой и полна идеями ловкаческой «удачи». Ведь то же слово «удача», то есть фортуна, означает по-английски и «судьба», и «богатство». Это не случайное совпадение слов, это в самом деле так все сплелось во всеобщем «плутовстве», которое первым открыл и определил, положим, не Дефо (Мандевиль, как мы увидим, по мысли был смелее!), однако Дефо рассказал о реальных «историях», создал живые лица, практически – библиотеку. Библиотеку не только по количеству им о преступности и пороке написанного, а в смысле некой цельности, серийности, связанности в единый цикл, который можно было бы и назвать «криминальным».

Прежде чем описать приключения моряка, заброшенного на необитаемый остров в устье Ориноко, Дефо подавал в правительство проект освоения южноамериканских морей, островов и самого континента. После Робинзоновых «Приключений» выпустил он подробный атлас для мореходов, причем о выходе его объявил в последней части «Робинзона», как бы подчеркивая связь, обозначая переход от вымысла к реальности, от развлечения к практике. Так нарастала и цепь его «криминальных» произведений – проекты по использованию преступников на общественных работах, отчеты о судебных

процессах, краткие биографии наиболее «знаменитых преступников», романы и вновь (вернее, по-прежнему) краткие очерки все о том же: о воришках, ворах, ворюгах.

«Каталог» или «картотека» – тоже подходит для характеристики сделанного Дефо. Если бы в самом деле расписать по карточкам всевозможные описанные им судьбы и случаи, то получилась бы просто криминалистическая энциклопедия того времени. Вообще получилась бы удивительная по своей полноте и насыщенности книга, если бы сделали справочник по творчеству Дефо в целом, подобный словарям шекспировским или диккенсовским. В «Словарь Дефо» вошла бы вся жизнь того времени, и раздел «Преступность» оказался бы особенно подробным.

Там были бы и мальчишки-карманники, и грабители с большой дороги, там был бы «знаменитый» Джек Шеппард, прославившийся своей способностью проходить чуть ли не сквозь тюремные стены, и Джонатан Уайльд, который, как бы заодно с законом, «разыгрывал» и преступления и суды. Эта туманная переходная область, в пределах которой закон как-то странно сплетается с преступностью, была бы особенно богатой: за ней Дефо наблюдал непосредственно и пристально.

А почему бы в тот же раздел не занести эпизод из «Призыва к чести и совести», когда Дефо припомнил свою встречу на скачках с герцогом Мальборо? В отличие от принца Монмута, которому именно на скачках дали понять, что пользуется он популярностью, герцог Мальборо вынужден был оставить ипподром: его плохо приняли. Дефо не комментирует, а только сообщает, что читателям того времени все было и так понятно: государственный бюджет трещал под бременем и затрат и наград, причиной и поводом которых был герцог (герцог с 1703 года), вообще плохо различавший границу между казной государственной и своей собственной. Там же были бы и те случаи, когда под судом оказался главный судья или – в другой раз – государственный секретарь.

Именно тюремный опыт самого Дефо, все, чего понаслушался он, сидя за решеткой, все те неожиданные откровения и сближения добра и зла, порока и добродетели, пересечение совершенно разных социальных уровней побудили его занять анонимную, неуловимо достоверную позицию «репортера», который сам слышал или видел, «редактора», которому вот попали в руки записки некой падшей женщины, хотел он было кое-что поправить, а потом подумал, нет, пусть будет все как есть.

Жизнеописания всевозможных проходимцев следовали во времена Дефо потоком. Об этом надо помнить, если мы хотим в

самом деле понять смысл его будущих «криминальных» повествований. Часто говорят о том, что Дефо хотел вызвать сострадание к падшим как жертвам обстоятельств. Это неточно. Не Дефо, а те канувшие в безвестность книжки старались разжалобить или хотя бы развлечь читателя видом порока, заставить сочувствовать преступнику. Тогда же появилась и надолго обрела популярность музыкальная пьеса Джона Гея «Опера нищих»:

И я была девушкой юной,
Но только не помню когда…

Дефо находил, что вместо разбора и осуждения это прославление порока, смакование нездоровых страстей. Сам он, когда писал о таких мрачных вещах, не признавал другой формы, кроме документа, отчета, репортажа, пусть мнимого, но все же выдержанного в духе строгого освещения фактов. Если искать слово, чтобы выразить обстоятельность, спокойствие, трезвость, с какой излагаются эти «истории», то лучше всего сказать – исследование. Это даже самоизучение – под присмотром великого мастера, умеющего проявить свое могущество без видимого вмешательства.

В этом плане Дефо глубоко понял Горький. Он говорил: «Моль Флендерс изображена, как человек пьяный, злой, грубый, ни во что не верующий, лживый, хитрый, и в то же время вы ясно видите в ней все чувства гражданки свободной страны, и когда вы слушаете ее разговоры с друзьями о себе самой, о мужчинах, об аристократии, вы видите, что перед вами личность, знающая себе цену…»

«Лишь личной доблестью мы будем величавы» – с этим кличем Дефо вошел в литературу, и никто из английских писателей до него не проникался так жизнью масс, судьбами людей, поднявшихся из низов или пытавшихся подняться.

«Человек, который великолепно понимает степень личной своей вины и вину общества», – определил Горький Моль Флендерс. «Автор ни на минуту не забывает, – продолжал он, – что перед нами жертва уродливого социального строя, он осуждает ее за то, что Моль недостаточно упорно сопротивлялась, но еще более резко осуждает он общество за победу над этой женщиной». Нелишне напомнить, что примером из Дефо Горький пояснял разницу между истинным анализом человеческого падения и сентиментальным слюнтяйством, в которое нередко впадает литература, рисуя «прелестные, но падшие создания».

У Дефо не просто сострадание. У него разбор причин и

следствий.

Родилась она на пороге тюрьмы, выросла у чужих людей, скиталась с цыганами, потом попала в приют, потом в услужение в состоятельную семью, где, собственно, и совершилось ее падение со старшим из сыновей в семье, а за младшего ей удалось выйти замуж. Однако супруг ее вскорости умер, и Моль пришлось вновь пристраиваться. Ей опять-таки это вскоре удалось, и она с новым мужем отправилась за океан в Америку, к родственникам.

Но тут судьба приготовила для Моль Флендерс крайне неожиданный поворот: ее американская свекровь, как выяснилось, была… ее собственной матерью, высланной в колонии сразу же после того, как, осужденная за кражу, она разрешилась от бремени малюткой Моль. Таким образом, муженек оказался ее братом, от которого она успела прижить двоих детей и носила третьего. «Предоставляю судить читателю, каково было мое положение» – так говорит героиня собственной исповеди.

Эта цепь приключений современному читателю может показаться чересчур длинной и запутанной. Что ж, Дефо действительно не всегда справляется как повествователь с ходом сюжета, но против фактической достоверности он нисколько не грешит: все это в духе того времени верно, такое изобилие горестей вперемежку с радостями, впрочем, сомнительного свойства.

Моль Флендерс в количественном отношении соблюдает значительную точность. Она записывает для себя и докладывает читателю, сколько белья и мебели повезла она с собой через океан, каковы были ее расходы и доходы. Все это у нее учтено, что называется, с карандашом в руках, в том числе нравственные подъемы и падения.

Пользуясь изысканиями современных историков, мы к ее индивидуальным подсчетам добавим некоторые цифры, касающиеся «радостей» и «горестей» общественных. Например, она скупо описывает свое плавание через Атлантику, так мы добавим: смертность среди трансатлантических переселенцев достигала пятидесяти—семидесяти пяти процентов. Выходит, это просто чудо, поистине радость, что Моль оказалась среди тех, кого все-таки миновала сия чаша. Немало неожиданностей, опять-таки поддающихся подсчету, приносит ей и Новый Свет: сколько клейменых лбов, рук, только… только тут все как-то поистине наоборот, будто в другом свете; в Старом Свете были преступниками, приехали сюда – стали судьи… «Страна

раскаявшихся преступников», – думает Моль. И ей самой, однако, в который уже раз, приходится начинать новую жизнь…

Моль возвращается в Англию, ищет покровителя, находит, теряет, опять находит, или, вернее, нападает на след «добычи», имея в резерве несколько сот фунтов на банковском счете и еще одного поклонника, служащего там же, в банке. Приятельница же предлагает ей перспективу куда более заманчивую…

Самое интересное во всех подобных превратностях – это как они переживаются и каким тоном о них рассказывается. Тон у Моль Флендерс, смело можно сказать, неподражаемый. Героиня Дефо, пожалуй, и не впадает ни в какой особенный тон: не кается, хотя и признает свои грехи, и не жалуется, хотя иногда выражает выстраданную горечь. Она не столько сочувствия ищет, сколько хочет, чтобы ей помогли понять саму себя. Своеобразной совестливостью, способностью не только своего добиться, но и «честь знать», то есть место свое, Моль Флендерс отличается от ненасытной хищницы Роксаны – артистки порока, занимавшейся тем же ремеслом, но с другим размахом. И Дефо относится к ней по-иному. Он сюжет строит таким образом, что «честная шлюха» достигает того, к чему стремилась, – положения в обществе, скромного, зато устойчивого.

Насколько герои Дефо в самом деле добиваются своего, вернее, чего-то совсем другого по сравнению с тем, что они собой представляют или что о них думают, – об этом судили довольно просто, прямо как указано у Дефо хотя бы в заголовке «Моль Флендерс»: «родилась в тюрьме… была двенадцать лет содержанкой… столько же – воровкой, восемь лет ссыльной, но… под конец разбогатела, стала жить честно и умерла в раскаянии». Очень часто эту книгу Дефо читали именно так, пропуская подробности счастливого преобразования, но без этих подробностей получается уже не Дефо.

А Джек, тот, что был прозван «полковником»? Созревает момент, когда вором он начинает чувствовать себя по убеждению. Правда, он полагает, будто, обратившись на путь праведный, можно рассматривать свое прошлое «с безопасного расстояния». Но так думает Джек, двадцать шесть лет воровавший, пять раз женатый на четырех шлюхах (на одной из них – дважды), разбогатевший на работорговле в Америке и рассчитывающий умереть генералом. Не Дефо! Ведь не зря же в подробностях поведал Дефо о том, как получилось, что человек, который с определенных пор ведет жизнь «пристойную», говорит себе: «Я – вор!» А если он такого и не скажет, так это само скажется в нем.

Из какого же человеческого материала получился

расчетливый авантюрист полковник Джек? Откуда жестокость, доходящая до изуверства, да еще приправленная благочестивыми рассуждениями?

Мы видим трех мальчишек, трех подкидышей, выращенных одной приемной матерью, начинающих от одной черты, в одних и тех же условиях, но с разными задатками. Старший из них просто закоренелый преступник, может быть, даже и умственно неполноценный. Младший слаб и легкомыслен. Эти случаи односложны. Дефо сосредоточивает внимание на среднем – на Джеке.

Повествования о детстве часто автобиографичны. Но про детство Джека этого сказать нельзя. Они с Дефо, может быть, и бегали по одним и тем же улицам, а потом сидели в одной тюрьме, но все же пролегала дорога Дефо совершенно в стороне от сомнительного общества, в какое судьба закинула так называемого «полковника».

Дефо видел сокрушительную власть условий и глубину их воздействия, проникающую в самую натуру человека. Он и прямые меры предлагал, чтобы искоренить по возможности порок. Еще в первой его книге – «Опыте о проектах» – были у него запланированы и приюты для сирот, и всевозможные пенсии для несчастных.

Понятно, не один Дефо в ту пору был озабочен этими проблемами. Но он предлагал ввести для преступников исправительные работы вместо бесчеловечного безделья тюрьмы. Он считал, что заработную плату надо повышать, а не понижать, и люди от этого станут работать не хуже, а только лучше. «За гроши и работают на гроши» – так думал Дефо, споря с одним из самых смелых обличителей своего времени – с Мандевилем, автором знаменитой «Басни о пчелах» (1702–1714).

Мандевиль и Дефо – в плане отношения к человеку и обществу сопоставление такой же сложности, как Шекспир и Дефо, Свифт и Дефо, Руссо и Дефо… В одни и те же годы два мощнейших ума обдумывали одни и те же вопросы и даже давали похожие ответы, но всего лишь похожие…

По силе неприятных вещей, какие Мандевиль наговорил своим соотечественникам, исполненным энтузиазма после «славной революции», сравнить его можно только с Гоббсом, которому, как мы знаем, заткнули рот, а при первой же возможности сожгли его книги. «Басня о пчелах» считалась столь же кощунственно-циничной, как и Гоббсово чудовище «Левиафан». Не об исправлении пороков говорил Мандевиль, а об их неизбежности и даже необходимости. Иными словами, что

считалось отдельными пороками, он рассматривал как природу буржуазного общества, не отклонение от нормы, а саму норму.

«То, что мы называем в мире злом, как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас социальными существами… и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было прийти в упадок, если не разрушиться совсем».

Так парадоксально рассуждал Мандевиль. Но первое издание его «Басни», над которой работал он именно в то время, когда Дефо находился под судом и в тюрьме, прошло незамеченным. Второе Мандевиль снабдил комментариями и уж разъяснил свою мысль до такой степени, что все пришли в ярость. Но тоже не очень разобрались: читать ли все это с иронией или всерьез?

«Слишком низкая заработная плата доводит рабочего, смотря по темпераменту, до малодушия и отчаяния, – писал Мандевиль, – слишком большая – делает наглым и ленивым… Из всего сказанного следует, что для свободной нации, у которой рабство не допускается, самое верное богатство заключается в массе трудолюбивых бедняков».

«Это отнюдь не было апологией современного общества»,[12] – подчеркнул Маркс. Но, с другой стороны, это и не ироническая игра, подобная «Простейшему способу» Дефо, иначе сам Дефо не стал бы с Мандевилем спорить.

Дефо спорил с Мандевилем, как спорил он и со Свифтом, не потому даже, что не принимал социальный диагноз из-за его жестокости. Он считал нужным не только рассуждать, но и действовать.

А Гарлей все медлил. Вернее, не спеша искал путей: как освободить Дефо, сделав его для себя полезным?

«Это способный человек, – писал он о Дефо в то время одному из влиятельных лиц. – Если заплатить за него штраф таким образом, чтобы он один знал, что это – воля и милость королевы, он может потом послужить. Это, пожалуй, лучше всего свяжет и будет держать его под гнетом обязательств».

А самому Дефо Гарлей через вторые руки передал в тюрьму вопрос: что он может для него сделать?

По характеру своего воспитания Дефо, сын пуританина и семинарист, ответил текстом евангельским, из притчи о слепце: «Господи, верни мне зрение!»

ОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ (I)

Теперь, пока Дефо ожидает королевского выкупа, пришло время поставить рядом с ним еще одного человека. Родился в 1676 году, в поле нашего внимания попадает уже в начале нового, восемнадцатого, столетия: он бежал из дома, а в мае 1703 года в английских газетах можно было прочесть, что два корабля – «Святой Георг» и «Пять портов» – отправились в дерзкую и далекую прогулку. На «Пяти портах» шел штурманом интересующий нас молодой человек.

Корабли пошли как-то странно: газеты писали – на запад, а они повернули к югу, в Тихий океан, но ведь вел флотилию адмирал Дампьер, а увертливый курс держал он всю жизнь.

Облеченный адмиральским званием Вильям Дампьер – продолжатель дела «морских соколов», однако со всеми особенностями своего времени. Экспедиции «соколов» овеяны были ореолом подвига во имя славы нации, между тем жизнеописания адмирала начинаются прямо со слова «пират». Правда, там же будет сказано – «и гидрограф». Действительно, кто открыл и описал новые – уголки земного шара, составил надежную карту течений и ветров, как не все тот же Дампьер!

Матушка молодого штурмана хотела видеть сына «ученым» (так писали о нем в старых книгах), а он стал морским разбойником, но по тем временам тут не было большого противоречия и одно другого, как видно, не исключало.

С молодым человеком надо нам познакомиться покороче, потому что перед нами, конечно, тот самый моряк, что считался реальным Робинзоном. Похожи ли они в самом деле? Отец этого моряка, сапожник, прочил сына, седьмого по счету, себе в преемники, а сын ушел в море. Вроде бы похоже, но ведь у Дефо сказано о том, кто его герой, с величайшей точностью. Начинает Робинзон свою исповедь с учета преимуществ, уготованных ему судьбой, – благополучие, образование, приготовленое поприще. И столь же последовательно среда и воспитание Робинзона проявляются на протяжении всей книги. Странно было бы, если бы Дефо, который, разбиваясь в кровь, карабкался по социальной лестнице, проявил безразличие к происхождению и положению человека в обществе. Ему жизни стоило утвердить себя, и писал он о людях, целеустремленно добивающихся места под солнцем, причем каждый от своей «точки отсчета».

Этот начальный пункт пути определяет в известной мере и его цель. При всем сходстве и даже совпадении мотивов наиболее общих («ушел в море» и т. п.), о таких людях, как штурман с

«Пяти портов», Дефо написал, в сущности, не «Приключения Робинзона», а совсем другую «морскую» книгу – «Приключения и пиратство славного капитана Синглтона», она появилась следом за «Робинзоном», как другой вариант вроде бы той же судьбы.

Книга называется «Приключения и пиратство», но установить, где «приключения», а где разбой, нельзя вдруг. «Приключения» – это когда Синглтон, украденный с малолетства у матери, переходит из рук в руки и в конце концов попадает на португальский корабль, промышляющий чем попадется у берегов Африки.

Обвиненный в заговоре против капитана, Синглтон был высажен с кучкой матросов на Мадагаскар. Отсюда он через Центральную Африку, остававшуюся белым пятном до второй половины XIX века, пробирается к Золотому берегу, а потом, домой, в Англию.

Как преступники сухопутные, так и морские будут представлены у Дефо вопреки уже тогда установившейся моде. «Пиратская» литература шла потоком, но Дефо изобразил пирата не смельчаком-головорезом, как по законам этой литературы было принято, а прежде всего человеком дела, своего дела, и потому до крайности осторожным и расчетливым. Схватки, нападения, абордажи – все это, разумеется, способно привлечь читателей, однако у Дефо существенной роли играть не будет. Его «джентльмены удачи» озабочены скорее соображениями о том, как бы уйти от схватки, если только это возможно и, главное, если кровь проливать невыгодно.

«Нам не составляло труда захватывать английские, французские или испанские суда, если они попадались по пути», – рассказывает Синглтон.

Как пират Синглтон не различал ни своих, ни чужих. А если его и интересовало, под каким флагом идет судно, то лишь по соображениям дела.

«Мы старались не связываться с английскими судами», – говорит Синглтон о своих соотечественниках. «Во-первых, они сильнее сопротивлялись, а во-вторых, у них меньше попадалось добычи».

Можно подумать, что, ссылаясь на силу сопротивления, Синглтон хотел польстить соотечественникам. Как сказать… «Если уж схватывались мы с англичанами, то принимали меры пожестче, чинили над ними расправу без пощады, дабы не добрались до дома и не разнесли бы про нас дурной славы». Но тут пират спохватывается, понимая, что наговорил лишнего, и поскорее переходит к подсчетам выручки.

Взяли немало! Одних денег набралось тысяч под двести, что по тем временам, когда фунт весил фунт, было обеспечением по гроб жизни всем и каждому из команды. Захватили они бригантину виргинской постройки, хорошую, совсем новую, а старый свой шлюп продали. Еще пару-тройку шлюпов взяли, тех, что шли из Нью-Йорка на Барбадос с мукой, горохом и говядиной. Все это очень пригодилось. Кроме того, на Кубу заглянули и набрали там вволю буканины. Эти кубинцы умели на палках из бука мясо вялить, да так, что пальчики оближешь. Главное, без соли совсем, а то ведь месяцев за восемь без берега солонина до того осто… гм-гм… Славилось море Карибское буканиной, а слово «буканер», то есть копченый, стало самым общим наименованием морских разбойников всех мастей. И ведь в самом деле, что разбирать, пират или капер, корсар или приватер – кто буканину ест, кто солониной довольствуется, а уж добычи все искали посытней.

Боб Синглтон и его товарищи были, конечно, людьми осторожными. Но и схватки, само собой, тоже случались, если уж ничего другого делать не оставалось. Один раз сцепились с португальцем, хватили по нему изо всех пушек с одного борта, вырвали ему бок, да и в пролом всей командой кинулись с тесаками и с пистолетами, а уж те пощады просят!

Другой раз смотрят, что такое? Корабль как пьяный кружится по морю. Кто же это такие галсы закладывает? Сели они этому кораблю на клюз, пристроились за ним следом, значит, глядят в трубу: черным-черно! Одни негры. А где команда? Что спрашивать! Видно, покидали команду за борт, только сами управления кораблем не знают совершенно: вот оно, каково без «мастера» пиратствовать…

Подошли к борту, пришвартовались, взошли на палубу. А негры столпились вокруг, руками машут, и ни один ни слова по-человечески сказать не умеет. Лопочут по-своему, и все тут.

– Как бы не съели они нас, – обеспокоился Синглтон.

– Не дрейфь, не слопают! – это ему так друг Вильям сказал, друг, в смысле из секты «Общество друзей» или, как еще их называли, квакеров, то есть «трепещущих» – прямо по писанию, где сказано, что и хлеб свой вкушать надо с трепетом…

Трепет трепетом, а малый этот был оборотистый, увертливый, и во всех пиратских «удачах» вроде бы не участвовал, а все-таки был тут как тут. Этим трепетным «друзьям», по их правилам, оружием даже ради собственной защиты пользоваться было не дозволено, и друг Вильям не пользовался, только это он так дело повернул и других надоумил – с португальцами – чтобы всех, значит, в расход, а доктора оставить. Он же сам одному

негру потом ногу отрезал. Гангрена начиналась, так он жизнь ему спас. Человек стоящий, прямо надо сказать.

Кто-то предложил, что, может, и черномазых перебить всех или же вместе с кораблем потопить.

– Что ты, – друг Вильям вовремя остановил, – столько товару на дно пускать! Продадим их. Тут, почитай, голов шестьсот наберется.

Ну, пока суд да дело, стали черномазых языку учить, чтобы узнать, откуда они и что с командой сделали. Этот, с отрезанной ногой, посмышленей прочих оказался. Недели через две понимать стал. Говорит: «Не знай, что делай с парусам». Это ясно как божий день, что «не знай», а команда где, «знай» или «не знай»?

Раненый рассказал, как мог, что французы (судя по всему, корабль был французский) везли их куда-то («Понятно куда», – ухмыльнулся друг Вильям), а обращение с ними было самое преужасное («Изверги!» – друг Вильям так и сказал). Один француз (если в самом деле это было французское судно) каждую ночь спускайся в трюм, где содержались все невольники, а там негра со всей семьей везли, так он жену, дочерей – всех подряд насиловал у отца на глазах. Придет, ключом кандалы им отопрет и… На вторую ночь отец семейства впал в великий гнев, и француз рассердился, пригрозив всех перестрелять, а на третью ночь опять пришел. Тут отец из кандалов как-то высвободился, припрятал огромную дубину (должно, гандшпуг) и размозжил французу голову. Достал у него из кармана ключ от кандалов и всех негров освободил.

Тут невольники вооружились кто чем мог – дубинками, тесаками, кортиками (пистолеты и порох, как и паруса, им были без надобности) – и на команду. Жестоко те отстреливались. Кровищи пролили от души, по свежим пятнам видно, что на палубе остались. Но всех разве постреляешь? Негров тридцать прикончили, лодку захватили и бежать: оставили несчастных в открытом океане без руля.

– Вот ироды рода человеческого! – друг Вильям еще раз сказал.

Ну, когда корабль Синглтона в Сан-Педро пришел, у друга Вильяма там друг-плантатор нашелся. По сходной цене всех черномазых и сбыл, да так удачно, что и своего добра не пожалел, плантатору этому девицу лет шестнадцати ото всего сердца подарил.

Этот друг Вильям – фигура не менее историческая, чем сам Боб Синглтон. Квакеры – из крайних протестантских сект. По их собственному мнению, они понимали и проповедовали правду божию во всей истинности и чистоте. Популярность квакерства

среди торгового и делового люда была велика. Говорят, и Дефо уважал квакеров. Действительно, он писал о них иногда сочувственно – в статьях. Но романы отражают взгляды его полнее – в живом движении. Рядом с Роксаной у Дефо тоже квакерша – вдохновительница и пособница во всех смелых предприятиях обворожительной «подружки». А друга Вильяма Боб Синглтон иначе как «честным малым» не называет. Однако Дефо дает возможность нам увидеть, какова эта «честность»: оправдание выгоды.

Исповедь капитана Синглтона обрывается опасениями о том, как бы теперь, когда обзавелся он добром и оставил свое прежнее ремесло, не вспомнили, кто он на самом деле такой. Но не забывал об этом Дефо, для того и писал он «пиратскую исповедь», чтобы напомнить читателям: темное прошлое, если поискать да покопаться, может быть обнаружено и под купеческим кафтаном или же проповедью постной добродетели.

Вот какого рода «приключениям» собирался посвятить себя молодой штурман с «Пяти портов». Однако экспедиции, возглавляемой адмиралом Дампьером, столь солидной «удачи» как-то все не выпадало. На кораблях непрерывно затевались ссоры, самого адмирала видели то и дело пьяным, с подчиненными он не ладил. Вроде бы захватили одно судно, а оно оказалось битком набито… папскими буллами. Важнейший, видите ли, груз доставляло за океан! Сорвали злобу, побросав пятьсот кожаных тюков за борт, а что толку?

Среди них оказался некто, давший огласку позорным подробностям плавания. Когда Дампьер подошел к родным берегам, его уже ожидал разоблачительный отчет, опубликованный в качестве дополнительного четвертого тома к его же собственным «Путешествиям». Положим, краски могли быть сгущены, и в трусости адмирала упрекать не следовало, но факт – дисциплина была ужасной, с кораблей бежали, несколько человек высадили насильно, а молодой штурман «Пяти портов» решил сойти с корабля по собственной воле у берегов Чили, в архипелаге Хуан-Фернандес.

Его не удерживали, его как бы обменяли: на островах жили двое матросов из команды капитана Пикеринга, так их взяли, а его высадили и, оставив ему ружье, порох, табак, постель, одежду, Библию и прочие предметы первой необходимости, покинули на Мас-а-Тьерра (Остров-у-берега).

В последнюю минуту молодой моряк, не ожидавший, что дело зайдет так далеко, стал проситься назад. Однако корабль поднял паруса.

А Дефо? Где был Дефо, когда разворачивались все эти события?

При неспешной, но все-таки упорной поддержке Гарлея получил он наконец в самом начале ноября 1703 года помилование и дотацию. Штраф за него был заплачен в самом деле из королевских средств. Некоторая денежная поддержка из тех же средств оказана была семье. Но за это тут же пришлось расплачиваться.

«С той поры и до конца своих дней, – говорит биограф, – Дефо был нанят как служащий, в обязанности которого входило продвижение в печать взглядов правительства, вне зависимости от того, каковы будут и состав кабинета и политическая линия».

Но первая, и для нас существенная, крупная работа Дефо в этой должности вызвана была событиями не политическими.

Едва он вышел из Ньюгейта, как 23 ноября у берегов Англии разыгралась чудовищная буря: шторм на море, ураган на суше – потрясение столь же плачевно-памятное, как чума или пожар. Оно так и осталось в истории – Ураган, и под таким названием Дефо выпустил книгу, первую свою книгу в документальном роде, будто бы «документальном».

По тому же случаю составил он проповедь, написал и стихи:

Как знак господень с неба дан
Нам этот страшный ураган.

Дефо было совершенно ясно, что это не просто дождь, ветер и волны, а сигнал всевышнего, обращенный в первую очередь ко всем враждующим религиозно-политическими группировкам с требованием образумиться. Дефо так и слышалось в вое ветра (так он и рифмовал):

И пусть звучит средь ваших дум:
«Возьмись за ум! Возьмись за ум!»

А чтобы его истолкованию смысла этого стихийного бедствия поверили, он и создал «Ураган»: «Собрание наиболее примечательных случаев и несчастий, происшедших во время последней чудовищной бури, охватившей как море, так и землю». Книга вышла в середине 1704 года.

О пропорции правды и вымысла в этой книге, а главное, о непосредственном наблюдении Дефо за бурными событиями были и могут быть мнения различные. В прошлом веке профессор

Минто утверждал, что все – подделка под «достоверность». Наш современник профессор Мур полагает, что Дефо сам считал трубы разрушенных домов.

Что можно сказать определенно? А это важно для понимания рабочих методов Дефо. Ведь в то время, когда прототип Робинзона только еще уходит в плавание, у Дефо уже создана картина крушения: разбитые корабли, сила ветра – одним словом, весь Робинзонов реквизит. Откуда же он почерпнут? Из какого подручного материала сделан?

Исключительно на силу выдумки Дефо прежде полагались еще и потому, что, казалось, он просто не мог ничего видеть: находился в тюрьме. Сроки действительно близкие, однако теперь они уточнены по дням, так что месяц на свободе у него был. Но это еще не решает вопроса. Ведь принцип Дефо: «Выдумывать достовернее правды». Далеко не всегда ему необходимы были факты. Так, например, был он известен как «интервьюер» преступников. Приговоренные к высшей каре вроде бы исповедовались перед ним, он описывал их жизнь и, более того, держался рядом с ними до последнего часа во время казни, чтобы потом поведать публике, что сказал этот несчастный перед смертью. Но опять уточнили сроки, и выяснилось, что преступнику приносили совершенно готовую исповедь, прежде чем тот успевал открыть рот. Исповедь, составленную Дефо. Разве нужно было ему слушать косноязычное бормотание воришек и убийц! Так и остались в истории эти слова не проронившие люди за счет того, что их «интервьюировал» великий выдумщик.

Невольная тюремная практика – полгода Ньюгейта – дала Дефо такой заряд знаний, что в дальнейшем ему требовалось только имя, чтобы подобрать к нему старый материал из «гигантской картотеки памяти», как выразился один его биограф. А в «картотеке» уже значились, мы знаем, генералы кромвелевской армии, видные государственные мужи, пуританские проповедники, торговые люди со всего света – короче, то был богато населенный мир, в который входили и новые лица, обживались в нем, а со временем опять выходили на свет, уже как герои книг со всеми связями, что установились там, в «гигантской картотеке».

Мы так и не узнаем, когда он выдумывает, а когда говорит правду, потому что взаимообработка факт – фантазия совершается непрерывно: все время выдумывает, и все время – правда. Даже в тех случаях, когда приведены факты, – это уже, собственно, не факты. Совершенно точно может он указать, сколько дней пути от берегов Амура до Тобольска (во втором томе «Приключений Робинзона»), а произведет это на нас ровно

такое же впечатление, как если бы цифру он не из посольского дневника выписал, а просто взял из головы: в масштабе примерного правдоподобия и даже неправдоподобия: как будто его читатели имели понятие о том, где это – Амур и Сибирь!

Составляя свой «ураганный» отчет, Дефо, наверное, кое-что все-таки видел, кое-что выспросил, немало и выписал из других отчетов, это уже проверено дословно, и его, кстати, уже тогда упрекали в плагиате.

Спустя пять дней после того, как буря улеглась, в «Лондонской газете», той самой, что еще недавно поместила его «словесный портрет» и объявление о поимке, Дефо уже опубликовал обращение к публике с просьбой присылать ему сведения о совершившемся несчастье. Сама идея такой связи с читателями была совершенно новаторской, но наладилась ли переписка? Ничего не сохранилось, если не считать материалов, вошедших в книгу. Правда, Дефо и сам мог сочинить такие письма, как сочинял «исповеди» преступников. Переписка должна была стоить больших денег – за корреспонденцию платил получатель. Профессор Мур в данном случае почему-то склонен полностью доверять Дефо, считая, что он в самом деле письма получал – и платил. А может быть, это был первый из его ходов, какие он не раз будет совершать впоследствии: станет писать о «родственниках» своих книжных героев как о реальных людях. Например, обнаружится вдруг «племянница Моль Флендерс». Это он сам объявил Моль Флендерс «знаменитой» и сам же поддерживал ее славу, заботясь прежде всего о репутации собственной книги.

Дефо верил в силу общественного мнения и понимал, что его необходимо организовывать. Он рассуждал как социолог. Предложит он правительству и «службу осведомления» для того, чтобы оно не только было в курсе ходячих мнений, но чтобы и создавало мнения. Так и для себя он издалека, постепенно организовывал интерес читателей.

А письма могли приходить, могли и не приходить – он заблаговременно выдвигал идею переписки, а затем добивался впечатления ее полной реализованности.

Книга об урагане была создана как отчет: сведения с мест, списки погибших, перечень потерь и даже обрывки молитвенных стихов, которые в горечи шептали потерпевшие, будто бы шептали.

Слог, тот, что, по идее Дефо, должен отличаться «естественной свободой простого письма», у него уже давно был выработан, и проверен на читателе (даже слишком!) основной арсенал средств правдоподобной выдумки, а теперь – в «Урагане»

– Дефо дал, пользуясь всем своим литературным багажом, картину урагана. Внедрить бы в ту же книгу сюжет, ввести героя, и тогда мы бы с вами и сейчас читали эту книгу!

Но пора было Дефо приступать к выполнению своих прямых обязанностей. Он приступил. Вновь можно было видеть его в седле, в пути. Сложнее увидеть его было за письменным столом, хотя он и за столом проводил времени немало: в 1704 году начала выходить его газета…

Дефо расплачивался за свое освобождение, за оказанную ему помощь. Вместе с тем старался он выполнить и те обязанности, что определялись должностью, которую он сам назвал так – «скромный слуга Эпохи».

МИСТЕР РЕВЮ (I)

На современную газету «Обозрение» непохоже прежде всего внешне. Это скорее бюллетень или маленький журнал: формат небольшой книжки, от четырех до восьми страниц убористого шрифта. Непохоже на газету и по содержанию – почти нет новостей. Но в то же время очень похоже: зародыш современной прессы. На страницах «Обозрения» сложился тип передовой статьи, репортажа, газетного очерка и, конечно, полемики. «Если бы Дефо не стал „отцом романа“, он прославился бы как родоначальник журналистики» – так полагают литературные летописцы.

За новостями Дефо и не гнался: и угнаться было трудно, и публика не успевала бы их переваривать. За два года до Дефо, в 1702 году, одна смелая лондонская дама попробовала субсидировать ежедневный «Вестник», именно с новостями, и он не продержался двух недель. Другое дело Дефо. Он жил как бы в ритме с читателями. Он информировал их косвенно, он им подсказывал, на что обратить внимание, он обсуждал все, что давно уже носилось в воздухе, что вроде бы и так известно, но стоит о том же еще поразмыслить. Он на месяц позже пишет о Полтаве, но тут же говорит, что он все это предвидел, давно писал, что шведы сами же научат русских воевать. И он еще не раз вспомнит о том же сражении, заметив так, между прочим: «Ничего не происходит, ни тебе Полтавы…»

Однако прежде всего занимался Дефо тем, на что его и подрядили: пропагандой.

Пропагандистский взрыв совершился в Англии в эпоху буржуазной революции. Газет и журналов тогда было мало, но распространялись те «тучи брошюр», о которых с возмущением писали пуритане в своем парламентском прошении. Пуритане и сами были яростными проповедниками не только с кафедры, но и в печати, только они стремились сохранить цензуру, существовавшую в Англии с шекспировских времен. В защиту «свободы печати» прозвучал голос Мильтона, но безрезультатно. Причем по иронии судьбы сам Мильтон был республиканским правительством назначен цензуровать печатную продукцию.

Реставрация, а поначалу и «Славная революция» тоже не отказались от цензорских установлений, пока наконец Джон Локк не подготовил солидно обоснованное опровержение закона о цензуре. Тогда предварительный просмотр был отменен. Закон стал карать автора уже не до, а после публикации, примером чему служит судьба самого Дефо.

В лондонском Сити возникла целая писательская слобода, прямо по соседству с теми местами, где умер Мильтон и родился Дефо. Теперь эта улица так и называется Мильтоновской, а тогда именовалась она Помойной – Граб-стрит. Еще раньше называлась она Лучниковской, и жили там мастера-лучники, но потом, быть может, с упадком лучного ремесла, эта улица получила новое и весьма неблагозвучное название, которое, однако, привилось и стало кличкой пишущей братии.

С Граб-стрит, название которой на русский вполне можно передать и по одному только созвучию как «грабь» и «груб», распространялись самые беззастенчивые приемы полемики, а проще сказать, публично-печатной ругани, культивировалось там и откровенное литературное воровство. Уж тот поденщик пера, что наскоро перекраивал «Робинзона Крузо» так, чтобы получилось покороче и подешевле, был чистопородным порождением Граб-стрит.

Дефо также пытались «прописать» на Граб-стрит, благо он и на свет появился по соседству. Он же в ужасе сторонился этого адреса. Дефо происходил, конечно, с другой улицы.

Однако почему слава «отца романа» мешает ему числиться и «отцом журналистики»? Просто этим титулом англичане предпочитают награждать таких его современников, солидных, респектабельных литераторов, как Аддисон и Стиль, хотя Дефо выступил раньше их и тип изданий, найденный Дефо, был этими метрами публицистики использован.

«Обозрение» существовало с 1704 по 1713 год. Считалось еженедельным, но только первые четыре номера выходили раз в неделю, скоро их стало два, потом даже три в неделю, и только налоги на прессу, повысившиеся в 1712 году, заставили Дефо вновь сократиться до двух номеров.

Дефо не просто издавал или редактировал газету. Он писал ее. У него не было сотрудников, кроме курьеров, помогавших ему доставлять материал в типографию, когда сам он находился в другом городе. Если же Дефо отлучался надолго, в Шотландию, он вместе с собой переводил на новое место и «Обозрение» – газета становилась эдинбургской.

«Обозрение» выходило отдельными выпусками, но с единой нумерацией страниц, так что за год составлялся том. Дойдя до восьмого тома, Дефо начал нумерацию заново, но тут уже наступил и конец «Обозрения». В итоге – девять томов, тысяча триста выпусков, а в современном мемориальном издании – двадцать две книги.

Издавалась газета на государственные средства, во всяком

случае, получала денежную дотацию от правительства, в котором видную роль играл Роберт Гарлей.

Патрон и подопечный формально принадлежали к разным политическим лагерям. Как и теперь, английская политика определялась тогда двумя партиями, одна из которых называлась виги, другая – тори. Почтенный возраст придал этим наименованиям известную звучность, и даже большинство англичан уже не чувствуют всей занозистости этих слов, тем более что одно шотландское, другое ирландское. А когда эти словечки только возникли в 1679 году, то были они ругательствами, грубыми политическими ярлыками. «Сквалыги!» – обзывали в парламенте тех, кто не признавал наследником престола католика Джеймса. Это и есть виги.[13] Не желая остаться у своих парламентских противников в долгу, «сквалыги» называли их «ворюги». Стало быть, тори. Потом «ворюги» и «сквалыги» пришли к определенному компромиссу, но тори стояли за принцип иерархического соподчинения как в церковной, так и в социальной системе, в сущности, принцип еще феодальный. Поэтому это слово сохранилось до сих пор и употребляется в смысле «реакционер» и «консерватор». Виги представляли интересы крупных землевладельцев и крупных купцов и соответственно ратовали за свободу купли-продажи, размах инициативы. Какова на деле была их политика, нам помогут уяснить некоторые выписки из «Капитала» К. Маркса:

«Славная революция» вместе с Вильгельмом III Оранским поставила у власти наживал из землевладельцев и капиталистов. Они освятили новую эру, доведя до колоссальных размеров то расхищение государственных имуществ, которое до сих пор практиковалось лишь в умеренной степени. Государственные земли отдавались в дар, продавались за бесценок или же присоединялись к частным поместьям путем прямой узурпации. Все это совершалось без малейшего соблюдения форм законности… Разграбление церковных имуществ, мошенническое отчуждение государственных земель, расхищение общинной собственности, осуществляемое по-узурпаторски и с беспощадным терроризмом, превращение феодальной собственности и собственности кланов в современную частную собственность, – таковы разнообразные идиллические методы первоначального накопления.[14]

Так что «ворюги» были порядочными «сквалыгами», а «сквалыги» – заядлыми «ворюгами». При Вильгельме-Вильяме особую силу возымели виги. Анна склонялась на сторону тори. Но против всех правил соподчинения и централизации, одним словом, «порядка», который вроде бы отстаивали тори, она

одарила генерала Джона Черчилля не только герцогским титулом Мальборо, но и таким замком, под бременем затрат на строительство которого затрещал государственный бюджет.

Мальборо, Годольфин и Гарлей – это были «люди Анны», то есть тори. Дефо по своим симпатиям, торговым и религиозным, склонялся к вигам. Поэтому, когда он вновь оказался возле влиятельных сфер, задача говорить с чужого голоса сделалась для него обязанностью. Теперь он был всего лишь в услужении у патрона, могущественного да еще принадлежавшего, хотя бы отчасти, к тем самым, кого так хлестко изобличал он в «Чистопородном англичанине».

Все-таки, подводя через несколько лет некоторые итоги, Дефо утверждал: «Никогда не поступался я свободой говорить согласно со своими убеждениями. Такая свобода всегда была мне предоставлена! И никогда никакое лицо не принуждало меня писать что бы то ни было против моего собственного мнения».

Так и было на самом деле в значительной степени, только мнения Дефо оказывались часто замаскированными. Изобретательность, выдумка, невозмутимо объективный тон, подбор фактов, говорящих за себя, помогали Дефо сохранить оттенки своего взгляда под печатью политики, которой он взялся служить.

Его действительно не вынуждали поступать иначе. Роберт Гарлей был из реальных политиков, он стремился к равновесию в стране и ценил помощника, способного играть роль поистине сложную.

Первоначально «Обозрение» касалось «дел французских», вроде бы «французских», затем оно стало «Обозрением дел английских» и, наконец, британских, иначе говоря, размахнулось на всю страну. И все-таки Гарлей не вмешивался, позволяя этому «мистеру Ревю» (так стали называть издателя газеты среди публики, не зная его настоящего имени) говорить, о чем и как он хочет.

Девять лет непрерывного разговора с читателями – в принципе Дефо продолжал ту «игру», которая была им начата еще в «Афинском Меркурии», но, конечно, на другом уровне. Вопросов о том, какой грех тяжелее, лгать или есть скоромное в постный день, «Обозрение» уже не обсуждало. Оно говорило о политике, о перспективах торговли. Оно в самом деле давало нужные советы своим читателям.

«Моя задача, – обращался к публике Дефо, – иная, чем у прочих ваших авторов. Они заигрывают с вами, предлагая вам читать, заманивают вас, добиваются вашей улыбки, предполагая,

что в таком случае вы и дальше станете читать и покупать их газеты. А я хочу вас заставить читать исключительно ради вашего же собственного практического интереса, ради той пользы, какую вы моя^ете извлечь из обсуждаемых мной предметов».

Как всегда у Дефо, словам можно верить с осторожностью. Ведь и он «заигрывал» с читателями, но по-другому, чем делали это Аддисон и Стиль. «Обозрение» оказалось долговечнее, чем их «Болтун» и «Зритель». Однако по тиражам издания Аддисона и Стиля превосходили газету Дефо, не говоря уже о том, что в каждой хрестоматии, на которых англичане воспитывались поколениями, есть выдержки из «Болтуна» и «Зрителя», а «Обозрение» очень часто и не упоминается. В чем дело?

«Обозрение» не читали в том кругу, где создаются литературные репутации. Простая и энергичная речь Дефо обращена была к тем, которые предпочитали быть слушателями. «Одна газета на всю пивную» – так очертил историк обстановку, в которой зачитывалось «Обозрение». Другое дело кофейни, служившие местом бесед просвещенных, куда в должном количестве поступали «Болтун» и «Зритель», и номер «Обозрения» мог служить там разве что поводом для иронического злословия. Да и самому Дефо туда доступа не было. Учитывая такое разграничение литературных вкусов, мы поймем, почему непримиримым противником Дефо оказался современник, чье имя теперь часто произносится рядом с его именем. Естественно вспомнить Дефо и Робинзона, а потом Свифта и капитана Гулливера, однако Свифт о создателе «Робинзона Крузо» сказал… он сказал… Нет, это трудно повторить. Это надо слышать!

– А как настоящее имя автора, доктор?

– З-забыл я, как его зовут. Ну, тот тип, что стоял у позорного столба.

– А, «чистопородный англичанин»?

– Именно! Чистопородный проходимец. Безграмотный писака!

– Вот уж не сказал бы, – отозвался еще один человек, сидевший в углу кофейни со «Зрителем». – По всему, что он пишет, чувствуется, малый одаренный.

– Одаренный?

И туда, в угол, брошен был взгляд, способный, кажется, не только осветить полумрак кофейни, но прожечь| самого человека и даже стену за его спиной.

Взгляд этого ученого доктора испускал пламя. Лоб уходил в вышину. И вид его говорил всем и каждому: «Остановись, прохожий! Остановись и одумайся! Достоин ли ты попирать

грешную землю наравне со мной?»

Нет, ни один смертный в здравом уме не отважился бы прямо отвечать на такой вопрос. Хотелось от этих глаз куда-нибудь спрятаться. И надо бы забыть эту фигуру, вычеркнуть ее совсем из памяти, как непомерное требование к природе человеческой.

– Что хочет он сказать этой… этой фальшивкой? – продолжал Юпитер-громовержец in persona,[15] готовый испепелить на семь верст в округе малейший признак противоречия себе.

Но сидевший с газетой в углу в итоге давнего пребывания на Олимпе, вероятно, привык к столь близкому соседству огня и грома. Он спокойно сказал из-за газеты:

– А вот мы сейчас узнаем. И позвал:

– Эй, Боб!

– Еще чашечку, мастер? – явился хозяин кофейни.

– Нет, Боб, скажи лучше, читал ты последний номер «Обозрения»?

– Пока не пришлось, мастер, – отвечал Боб. – Да и в грамоте не силен. А сосед-портной мне рассказывал. У них в пивной читали.

– И что же он говорит, твой портной?

Боб нагнулся к клиенту и почти прошептал:

– Сказать по секрету, говорит: «В море уйду!»

– Быть не может!

– Разрази меня гром! Будто помешался портной. Я ему: «Какое море! А все хозяйство твое? Мастерская…» Нет, говорит, за морем большое богатство взять можно. Другим человеком, говорит, вернусь!

– Vox populi – vox dei! – произнес Юпитер. – Глас народа – глас божий. Эксперимент вполне удался. Вы сами слышали. «Другим человеком вернусь!» Лучше не скажешь. Теперь вы поняли, с какой стороны этот чернильный червь древо общества точит?

– Но, доктор, вы сами то дерево трясете так, что на нем почти не осталось плодов.

– Ах, один из плодов достиг цели. Некий жалкий ученый доктринер получил яблоком по лбу, прозрел и теперь говорит, что ему открылись все законы мироздания.

– Не совсем так… Профессор Ньютон говорит, что он понял лишь, насколько мало мы еще знаем об окружающей нас Вселенной. По отношению к Мировому океану он сравнил себя с мальчиком, играющим камешками на берегу.

– Все, – продолжал, однако, громовержец, – и каждый пытаются выставить себя в наивыгоднейшем свете. Даже ценой крайнего смирения. Ах, мальчик на морском берегу. Нет,

найдутся люди, которые выжгут на лбу его клеймо: «Преступник против природы человеческой».

– Почему же преступник? Он изменил наши понятия о законах физики и математики, но, кажется, не нарушал законов юриспруденции.

– Я вам говорю, что преступник! – и Юпитер уже не на шутку сдвинул брови. – Такой же преступник, как и этот жалкий чистопородный лгунишка, пачкающий бумагу пером. И оба они много хуже тех простодушных грабителей, которых вешают и четвертуют в Ньюгейте. Они хуже, потому что претендуют! Одному кажется, что он ученый, а он всего лишь похож на ученого! Но почему, в самом деле, не сойти ему за ученого? У кого хватит ума поймать его за руку? А другой, чем не писатель?! О, это истинный символ века… Манулеариус[16] захотел в искатели приключений, ибо, как видно, разуверился в действенности своего ремесла. Портной понял, что пора менять кожу, а не только платье. Хотя, впрочем, абсолютное большинство по-прежнему еще верит в одежду как в божество. Переодевание – это своего рода религия или, по меньшей мере, философия. Что, в конце концов, такое человек, если не микронаряд? Его убеждения – плащ, которым он время от времени накрывается в непогоду. Что такое честность, как не пара башмаков, которые быстро изнашиваются, когда в них чересчур много ходят по грязи. Себялюбие – это сюртук. Тщеславие – очередная сорочка…

И не успел собеседник переспросить, почему, собственно, себялюбие следует считать сюртуком, а тщеславие сорочкой, как было сказано:

– А совесть? Что такое совесть, как не подштанники, которыми прикрывают срамоту, но которые всегда могут быть сняты по мере надобности совершить нечистое отправление!

После этого Юпитер метнул уж такую молнию, что пламя ее отразилось на лицах присутствующих, и опять даже физиономия Боба вспыхнула отраженным светом этого испепеляющего огня.

Почти без паузы Юпитер добавил:

– Ухожу. Меня ждет к себе министр.

И в кофейне опять воцарился полумрак, тишина, нарушаемая только шуршанием страниц.

А джентльмен, занимавшийся до того момента «Зрителем», отложил журнал в сторону и достал из кармана «Обозрение».

Начал читать эту небольшую серую брошюрку, и одновременно чувство восхищения и зависти охватило его. Профессиональной зависти.

Миниатюрный, подвижный и вместе с тем какой-то убогий, джентльмен этот был Александр Поп. Знаменитый поэт, редактор

шекспировских пьес, критик, он совмещал в своей деятельности все варианты литературного труда, и все в образцовом виде, на высшем уровне. Одним словом, классик по образованию, интересам и вкусам и, в смысле более широком, по значению в литературе. Как проницательный ценитель, который первым понял народный характер шекспировского гения, он столь же ясно чувствовал силу Дефо.

Александр Поп прекрасно понимал, из-за чего так гневался доктор Свифт (это был, конечно, он). В знаменитом памфлете «Битва книг» Свифт исхлестал бичом своей сатиры невежественных писак, пытающихся рассуждать свободно и с изяществом. Он высмеял их потуги, он посвятил ряд громоносно-блистательных страниц пристрастию к отступлениям, которые лишь скрывают неспособность говорить по существу. Свифт метил во многих, в том числе в Дефо. Ведь весь свой стиль Дефо строил на маневре, на отступлении, видимом отступлении от прямой темы. Казалось бы, доктор Свифт проучил их всех отныне и вовеки. А «господин Обозрение» взял и напечатал «Отступление к отступлению». Ученый сатирик как бы попал в собственную ловушку.

Конечно, ему, этому Дефо, недостает учености, такой, как у Свифта. Однако он гораздо образованнее, чем можно подумать на первый взгляд, не говоря уже о хватке и природном уме. Иногда в отличие от доктора Свифта он просто не показывает своей учености. Но с ним надо ухо держать востро.

И какая изобретательность! Чем тоньше ход, тем проще, вроде бы проще… Но в самом деле пустяк: вопросы и ответы. Читатель спрашивает – автор или редактор отвечает. А свобода обращения с любыми предметами обретается невероятная. Положим, саму идею «Спрашивай – отвечаем» вынашивал еще Дантон, этот одаренный шалопай, который теперь повсюду говорит, что «Обозрение» всего лишь увеличенная копия его «Афинского оракула». Но у Дефо уже стиль, целая система. Умеет говорить с читателем, не отнимешь.

И понятно, почему трактирщик Боб читает «Обозрение», веря каждому слову. Сейчас много пишут, много печатают, немало и тех, кто хорошо пишет, даже очень хорошо. Но у него, у «господина Обозрение», каждое слово как бы становится выпуклым. Вещичка, поставленная на бумажный лист. Бежит перо, а мы слышим, видим, о чем он пишет. Удивительная убедительность!

Искушенный читатель бросил взгляд на страницу и поймал себя уже, так сказать, в пути, погруженным в чтение.

«Свет имеет превратное понятие о честности. Он исходит из

суждений неудачников. Человек прекрасно торгует, четко ведет дела, одним словом, порядочный человек, а о нем говорят: потому и богат, что честен. Это господь наградил его! Глубокая ошибка. Зачем же благословение господне ставить в зависимость от наших достоинств? Можно богатым стать по воле божьей, но почему человек честен и деловит? Ясно, потому что богат. Ему легко, к нему товары поступают, деньги текут, доходы растут, ему и деваться некуда, кроме как честным быть. Нет у него возможности плутовать. Для такого человека мошенничество – преступление, и никакие „слава богу“ тут ни при чем».

Читатель, даже такой высокий интеллектуал, почувствовал, что у него как бы руки зачесались – деньги считать, и считать именно так, быстро и ладно, четко и без обмана. «Однако позвольте, – воскликнул про себя читатель искушенный и осведомленный, – чего же это он нас учит, когда сам весь в долгах, и не вылезти бы ему из долговой ямы, если бы…» Но «господин Обозрение», кажется, только и ждал этих возражений. Вот он уже отвечает:

«Ну что, в самом деле, за нелепые представления расплодились в наш век! Мошенник тот, что попадает в долги. Позвольте мне вас уверить, что именно долги делают человека мошенником! Вот у нас один портной имел привычку болтать: „И этот подлец, и тот проходимец…“ – „А почему?“ – я его спрашиваю. „Как же, – говорит, – долгов не отдают“. Сказал бы „не отдадут“, тогда с ним нельзя было бы не согласиться. Но он еще и добавил: „Тот подлец, кто банкрут!“ И что же? Полгода не прошло, как вижу, про него уже и в газете пишут: обанкротился! После этого стал он поскромнее. Так знайте, человек в беде – это еще не преступник».

Александр Поп почувствовал и себя пойманным. «Ловко!» – подумал.

Однако все это он думал про себя, а что написал?

Как законодатель литературных вкусов Александр Поп всех своих собратьев распределил по местам в «Болваниаде». И вот:

Отрезаны уши, да стыд не пришит,
Дефо под ударами черни стоит.

Но разве так было? Разве эти самые «удары» не обернулись триумфальным фейерверком из цветов? А ведь Александр Поп это знал.

Дефо тем временем был у Гарлея.

– Ну, смотрел жеребца? – спрашивал его государственный

секретарь, слегка раскрасневшийся от хорошей беседы и хорошего вина (рюмка была в руке).

– Смотрел.

– И что же?

– На ногах чересчур высок. Дистанцию не потянет. Да и просят уж больно дорого. Вот мимо Ньюмаркета поеду, там еще посмотрю, может быть, найдется подходящий товар.

– Ньюмаркет… – отозвался министр, и сразу тень набежала на его лицо. – Особо там не задерживайся. Спеши на север. Шотландские попы бунтуют и чернь подстрекают. Унять их надо!

– Так какие же будут ваши меры?

– Пока меры будут твои. Наплети им с три короба. Припугни хорошенько! Наври им, да так…

– Ваша светлость, врать не мое дело…

– Ладно, ладно, называй как хочешь. Главное, чтоб результат был. Как ты тогда про ураган доложил. Вот это я понимаю! Факты, цифры, документы – глухой услышит, слепой увидит, дурак поймет. Я ведь давно тебя и приметил, с кентской истории. «Подать его сюда, – говорю, – где он?» – «А он, – отвечают, – в тюрьме». – «Что же он такое там делает, – спрашиваю, – сведения о преступниках, что ли, собирает?» – «Какое там, – говорят, – по нем самом петля плачет!»

– Ваша светлость…

– Не буду, не буду… Ты меня знаешь. Я твою голову ценю повыше того, что за нее тогда в сыске давали. Вот я и велю тебе, прижги их как следует! Что-нибудь такое, в духе доклада. Нам, мол, достоверно известно, по имеющимся сведениям… Или, может, стихами тряхнешь?

– Ваша светлость…

– Да, да, это уже твое дело. Но так, чтобы до каждого кучера дошло. Не мне тебя учить… А расходы за государственный счет. Отпечатать-то кто побыстрей возьмется?

– Я подыщу.

– Хорошо, на твое усмотрение. Потом счет представишь. А сроку тебе даю до четверга.

– Туда ехать два месяца!

– А ты сначала напиши, что там происходит, а потом и поедешь. Они ведь нас с тобой ждать не станут! Так что пиши давай. В хлысте, ох, в каком сильном хлысте ехать надо!

И с этим скаковым термином к министру опять вернулось повышенное расположение духа.

– Портвейна хочешь? – спросил он своего помрачневшего собеседника.

– Премного благодарен, не употребляю.

– Ах ты праведник! – засмеялся министр. – Какой же ты после этого «чистопородный англичанин», если от портвейна отказываешься?

– Шальной разгул на Запад и Восток позорит нас среди других народов.

– Это еще кто сказал?

– Шекспир, ваша светлость.

– А я в театре три дня назад «Гамлета» смотрел и что-то такого не слыхал.

– Так ведь теперь не по тексту играют. Каждый сам себя за Шекспира принимает и по-своему его переписывает.

– А ты что же, праведник, от портвейна бережешься, а в театр все-таки заглядываешь?

– Я тоже человек грешный, ваша светлость.

– Ладно, человек грешный, ступай и пиши! – сказал министр и взглянул на часы. – А я сейчас, знаешь, буду говорить с умнейшим человеком на свете. Давай проваливай!

А потом вдруг сам же задержал вопросом:

– Слушай, отчего такой кислый этот портвейн?

Дефо обернулся и ответил:

– Из Порто доставляют нам только «вейн», сухое вино, а мы должны чистый спирт добавлять. Но ведь откупщики мошенничают, наживаются на градусах-то! Я вот докладывал вашей светлости, что герцог…

– Ладно, ступай, много ты знаешь!

И едва только закрылась за Дефо боковая дверца, представлявшая собой будто бы створку книжного шкафа, как тут же два секретаря сразу распахнули парадный вход в министерский кабинет, и первый вельможа государства, припрятав бутылку, обратился с выражением лица почти подобострастным навстречу сиянию Ума, явившегося на пороге:

– Пожалуйста, доктор Свифт!

В 30-х годах нашего века один из тех знатоков Дефо, изыскания которых считаются фундаментальными, поскольку опорой им служат первоисточники, писал:

«Существует в архивах неопубликованная и недатированная рукопись Дефо, где изложена широкая схема по организации в Англии секретной службы, благодаря которой королевские министры со всех концов страны могли бы получать надежную информацию о том, как в данный момент различные города и графства относятся к правительству. У государственного секретаря должны быть списки всех дворянских и аристократических семей каждого графства; он должен иметь

сведения относительно образа мыслей и нравственности служителей церкви и мировых судей в каждом приходе; у него должен быть список наиболее видных граждан каждого города и его окрестностей с тем, чтобы знать, за какую из партий готовы эти люди подать свой голос на выборах; он должен иметь таблицу, показывающую силу влияния каждой из партий в различных районах; наконец, государственный секретарь должен иметь постоянную осведомительную службу в Шотландии. Единственным способом получения такого рода сведений, по мысли Дефо, является сеть доверенных лиц, охватывающая все части Великобритании». (Из биографии Дефо, принадлежавшей Джеймсу Сатерленду и опубликованной в Лондоне в 1937 году.)

Вот эта рукопись перед нами, она включена в собрание писем Дефо, вышедшее впервые в 1955 году, и представляет собой пространный меморандум. Он был подан Дефо на имя Роберта Гарлея не позднее (как полагают публикаторы) лета 1704 года. Это в самом деле письмо, весьма обширное, возможно, без начала (в нем нет обращения), и все начинается с сути дела, а суть сводится к централизации управления страной.

Чтобы понять Дефо, не забудем, насколько Англия тогда при всех достижениях еще не укрепила своего мирового авторитета. В сущности, ее рассматривали как провинцию, поистине остров, угол на отлете. Испанские короли, один за другим угасавшие, и те еще мнили себя «владыками мировой империи». И даже шведский король Карл XII представлялся в масштабах европейских силой куда более решающей, чем короли английские, да и английские ли то были короли? «А что, если королева умрет?», «А вдруг из-за моря явится претендент на престол?», «А ну как придут голландцы?» – самый характер вопросов, какими «господин Обозрение» пытался разбудить в своих читателях сознание общенациональное, государственное, выдает провинциальный, так сказать, обывательский уровень этого сознания.

Сделаем выписку из английского историко-географического справочника начала нашего века, тех времен, когда солнце, кажется, еще не начинало закатываться над Британской империей и на Британских островах вспоминали о ранних своих успехах с чувством полного достоинства, в котором удивительно сочетались цинизм и самокритика: «Англичане, последний из европейских народов, вступивший в погоню за колониальным первенством, многое выигрывали за счет того, что континентальные страны слишком погрязали в раздорах между собой. Быстрый рост Британской империи совершился в значительной степени благодаря трем войнам подряд – одна

против Голландии, две против Франции – и тем итогам, которые после этих войн за колониальные владения были подведены в Утрехтском мире 1713 года» («Путеводитель по Британскому содружеству наций», 1926).

Происходили эти перемены прямо на глазах у Дефо и даже при его участии. Дефо буквально был одержим идеей централизации, ибо, как человек деятельный и наблюдательный, он чувствовал: страна еще слабо «сшита» и даже изнутри она растаскивается на куски.

Со своей схемой Дефо обращался к Гарлею в момент, когда на политической повестке дня встал вопрос о соединении парламентов английского и шотландского. О Шотландии тогда мало знали, с ней слабо были связаны, а по мнению Дефо, управлять людьми надо силой уважения, и, чтобы вызвать это уважение, надо их знать, а чтобы знать… И далее он в подробностях излагает тот проект, который так долго хранился в архивах. Более того, он сам осуществлял свою идею на практике. «Итоги моей поездки по стране с некоторыми замечаниями относительно общественной обстановки» – так это и названо в письме от 6 ноября 1705 года.

Дефо не писал доносов. В обширной переписке Дефо, которую прямо надо назвать агентурной, нет ни одного подметного письма, вообще ни одного персонального выпада. Люди называются, определяются их пристрастия, но люди выступают как носители настроений распространенных. Думает Дефо о том, как в благоприятную для государственной политики сторону изменить их настроения.

Со всей дотошностью современные биографы разобрали эти страницы Дефо и нашли, кажется, лишь один случай, когда обратил он внимание государственного секретаря персонально на некое лицо. Подобно тому как лишь однажды Дефо выступил против театра, так он сделал обличающие выписки из серии статей Стиля и послал их Гарлею. Но при каких обстоятельствах это было? В тот год Дефо был дважды под арестом и под судом: по наущению политических врагов. А между тем в джентльменском журнале «Англичанин» шло открытое подстрекательство, просто подстрекательство: в частности, Стиль призывал к разрушению Дюнкерка.

Но мы забежали вперед. Вернемся же к началу службы Дефо. Осенью 1706 года выехал он в Шотландию.

Дефо отправился в дорогу верхом.

Шекспир, внук землепашца, пришел в столицу пешком. Один шотландский поэт, у которого в гостях побывал драматург Бен

Джонсон, оставил запись: «Из Лондона прибыл ко мне изумительный Бен, пешком»: лошади, как и книги, были дороги.

Дефо – в седле! Правда, на этот раз все оплатил Гарлей, причем даже не из государственного, а из своего кармана. (Какое уж он там делал разграничение между этими двумя источниками – другой вопрос.) Дефо благодарил и отчитывался: «Получил, сэр, от вас чек на двадцать пять фунтов и из расчета этой суммы, а также насколько позволяло время, оснастился всем необходимым для поездки. Пишу, сэр, об этом не ради жалоб, а потому лишь, чтобы правильно поняли меня, ибо одолжаться заставляет меня не что иное, как несчастие, вам известное, оставившее меня и без коня, и без седла, без уздечки и без пистолетов, короче, без всего необходимого».

Дефо имеет в виду банкротство, окончательно сразившее его летом того же 1706 года. Он все искал пути уладить как-нибудь дела с кредиторами. А верный Девис пытался заинтересовать Гарлея водолазным аппаратом. Однако ничего не помогло. Был принят новый закон о банкротстве, и Дефо и Девис вместе пошли ко дну.

«Так что вынужден был я, – продолжает Дефо, – купить все заново, а лошадей, сэр, нужно было приобрести даже пару и со всем снаряжением, ибо тогда лишь смогу я себя чувствовать в безопасности от грабителей на большой дороге».

Писал Дефо и о семье: «Семеро детей, сэр, и что уж тут говорить… Благодаря вашему заступничеству и милостям ее величества была дарована мне свобода, но, сами понимаете, ото всего я ныне освобожден и как есть гол. Так что оставляю на руках ваших как бы вдову с семью чадами»…

В конце письма Дефо указал: «От вас буду ждать вестей на имя Александра Голдсмита». Александр Голдсмит, Андре Моретон, Клод Гийо – это все были его явочные имена.

Если подъемов и падений в своей судьбе Дефо насчитывал тринадцать, то поездок по стране – семнадцать: с 1706 по 1714 год находился Дефо в постоянных разъездах и еще потом время от времени ездил вновь и вновь. Он повторял одни и те же маршруты, а некоторых маршрутов, возможно, и не было, потому что ведь, как выразился один редактор, Дефо способен был написать путевые записки и не покидая Лондона…

А за вычетом деталей в принципе понятно, что было, а чего не было: «Путешествие по стране» было проверено автором на себе. Основная идея выношена была на дорогах – идея страны.

ПУТЬ ПО СТРАНЕ

Дефо держал путь на Ньюмаркет, центр скаковой жизни.

В отношении к спорту Дефо был спортсмен и немножˆко, конечно, пуританин. У пуритан к спорту, как и к театру, претензии были серьезные: отвлекает от дела! А если посмотреть, что за спорт поощрялся в Британском королевстве при попустительстве официальной церкви, то можно добавить: разлагает народ!

Поэтому вместе с пуританами Дефо осуждал традиционную и самую кровавую забаву англичан – петушиные бои. Бокс признавал он в качестве самообороны, но как спорт… Представьте, насколько, в свою очередь, кровавым был бокс тех времен, без перчаток, – и поймете Дефо, осуждавшего такой бокс.

Скачки – другое дело, ибо и римляне… О римлянах часто любил вспоминать Дефо, а о скачках писал он в «Опыте о проектах», в «Плане английской коммерции», в «Обозрении», в письмах к Гарлею. Он извинялся перед министром, что пишет «не по делу», но все же сообщал, кто выиграл. И в «Путешествии по стране», составленном из путевых писем, как бы «писем», тоже есть скачки.

Да, Дефо создал в литературе настоящее море, открыл город, но он же освоил еще и спорт, прежде всего конный. Описание скачек у Дефо – это такой же литературный эталон, «точка отсчета», как крик попугая над ухом Робинзона, образцово созданная ситуация, от которой затем уже, словно от призового столба, стартовали и другие писатели, вплоть до Голсуорси, не забывшего в своей Форсайтовой «Саге» скачек.

В эпоху Дефо один за другим возникали «рейскорсы» и «турфы» – скаковые дорожки. Аскот и Эпсом, которые до сих пор на слух знатоков-лошадников звучат словно Мекка для паломников, – современники Дефо. Но прежде всего, разумеется, Ньюмаркет. Как есть метр-эталон в Париже, так дорожка на ньюмаркетской пустоши, все та же дорожка и на ту же дистанцию, прямая ровно в милю, служит мерилом скакового класса.

По путевым запискам Дефо чувствуется, как сразу электризовала его атмосфера турфа и как он в то же время взглядом привычным окинул дорожку, обозначенную канатами (с тех пор сохранилось в ипподромном жаргоне – «прижал к канату»), осмотрел шумную и яркую толпу, как поспешил он погрузиться в этот мир забот, напряженных и необычных.

Скакали все больше матчами – парами. («Матч» – тоже ведь сохранилось, и не только в скаковом словаре, как говорим мы:

«съехал с круга» и «остался за флагом», не думая платить подати конникам, имеющим, однако, все «авторские» права на эти выражения.)

Уловки жокеев – дело особое. Вот Фрамптон, великий Фрамптон, первый номер среди тогдашних звезд скакового спорта, выигрывает и проигрывает с равной выдержкой. Или мистер Фагг, ездок-любитель, прибегает ко всевозможным, по-своему мастерским хитростям: чем хуже конь его выглядит до скачки, тем лучше в скачке!

Скаковая дорожка собрала возле себя чуть ли не всю страну. Не по количеству. Представительство от всех графств почти полное. Дефо ценил скачки и за это, за спортсменское единение и уравнивание всех, что называется, «в шансах». Но также он видит, что большинству на скачках дела нет до лошадей. Более того, он понимает, почему это так и что за люди считают необходимым показаться в Ньюмаркете, именно лишь показаться, продемонстрировать свое присутствие в качестве «спортсменов», любителей лошадей, которых они с трудом различают по масти, не говоря уже о прочих, более специфических признаках. «Ах, Ньюмаркет!» – говорит какая-нибудь Роксана (ведь жокеем скачет сам король, а в публике – принцы, принцы и герцоги…).

Утомленный зрелищем человеческого тщеславия, Дефо выбирается из толпы, из публики и отправляется на конюшню. Вот где спортсменство беззаветное, даже в лошадях! Чистокровные кони живут, оказывается, теми же страстями. Вот они – спортсмены, вот они не щадят живота своего. Два скакуна даже богу душу отдали после слишком резвых прикидок, Дефо видел и это, пока ходил мимо стойл, наблюдая таинственно-многозначительные процедуры: втирают мазь, соскребают пену, надевают попоны…

Кентербери. Дефо вообще хорошо знал этот древний город, знаменитый своим собором, прославленный в «Кентерберийских рассказах» Чосера. Кроме того, в Кентербери Дефо застал странные события, или, вернее, слухи о странных вещах. Правда, он не стал этого заносить в свое «Путешествие». Он написал небольшой очерк, фактически новеллу, лучшее из небольших своих сочинений. Это набросок к «правдивой истории» большого объема.

Это рассказ о привидении, о том, как к некой даме, обитавшей в Кентербери, вдруг приехала ее старая приятельница, с которой она давно не виделась. Госпожа Баргрейв (так звали кентерберийскую даму) безумно рада была увидеть гостью. Поговорили по душам, повздыхали, даже еще и почитали вместе. Потом госпожа Вил (таково было имя гостьи) спросила госпожу

Баргрейв, как поживает ее дочь. Ах, чудесно, но только ее сейчас нет дома. Как жаль, сказала госпожа Вил. Но она неподалеку, сказала миссис Баргрейв, и если госпожа Вил немного подождет, можно послать за ней. Госпожа Вил охотно согласилась подождать. Госпожа Баргрейв отправилась к соседям, но каково было ее удивление, когда, вернувшись, она застала гостью уже на улице. «Куда же вы торопитесь?» – спросила госпожа Баргрейв. «Ах, – отвечала госпожа Вил, – мне пора, но надеюсь, что мы с вами до понедельника еще увидимся у моих родственников, в доме капитана Ватсона». Что же, простились, и госпожа Вил пошла своей дорогой, а госпожа Баргрейв смотрела ей вслед, пока та не скрылась за углом. И было это без четверти час пополудни.

В воскресенье вечером госпожа Баргрейв что-то неважно себя почувствовала, у нее начался насморк и запершило в горле. Она решила отправить служанку к Ватсонам узнать, у них ли сейчас госпожа Вил. Нет, никакой такой Вил у Ватсонов не было, они ее вовсе не ждали. Не может быть! Однако не добьешься толка от этой дуры служанки, которая и фамилии как следует запомнить не может. Так что, несмотря на простуду и на то, что с Ватсонами она не была знакома, госпожа Баргрейв накинула «гуд» (плащ с капюшоном, как у Робин Гуда или у Красной Шапочки) и пошла к капитану. А капитан ей сказал, что госпожу Вил они не только не ждали, но и ждать не могли: ее уже и на свете нет.

Как нет? С каких же это пор? Стали по всем детективным правилам сверять часы и дни, выяснилось, что к своей старой подруге госпожа Вил явилась, безусловно, уже после того, как оставила сей грешный мир. А не говорят ли они о разных людях? Да нет, приметы проверили, и запомнила госпожа Баргрейв все очень ясно, вплоть до шелкового платья, в какое гостья была одета. Она еще и на ощупь его потрогала. Но если платье то самое и все вообще похоже на нее, на уже умершую, то кто же это приходил?!

До сих пор вопрос остается без прямого ответа. До сих пор выясняют, что это – выдумка Дефо или в самом деле кому-то что-то померещилось. По обыкновению переходили из крайности в крайность, от полного безверия к излишнему доверию. Материалы, во всяком случае, обнаружились любопытные. Множество слухов и пересудов, уцелевших от тех далеких дней, в том числе о привидениях, которые, оказывается, нередко посещали Кентербери, и все прямо так, среди бела дня, да еще по базарным дням.

Одним словом, как «Робинзон» наметится в истории Селькирка, так и «Достоверный доклад о явлении призрака госпожи Вил» вырос у Дефо из некоего зерна, попавшего ему под

руки. Упало зерно, как и в случае с «Робинзоном», на подготовленную почву. Наряду с купцами и пиратами привидения составляли предмет постоянного внимания Дефо.

«Если существует между нами духовное общение, обмен мыслями, называйте как угодно, – писал потом в специальной „Истории привидений“ Дефо, – это общение душ, одетых плотью, и душ как таковых, бесплотных, то почему, скажите мне, не могут души сами вселиться в ту или иную плоть, сами навлечь на себя ту или иную внешнюю оболочку?»

Не будем кичиться перед Дефо современной осведомленностью. Попросим ответить, переадресовав им вопрос Дефо, новейших психофизиологов, которые не уходят от подобных вопросов, но скорее, напротив, все с большей охотой возвращаются к ним, хотя формулируют и решают вопросы совсем иначе. Человеческая психика рассматривается современной наукой именно на тех самых таинственно-сложных переходах, которые интересовали Дефо. И здесь, чтобы оценить его интерес, нужно учесть не только дистанцию между нами, но и расстояния внутри той эпохи, когда еще ведьм жгли и вместе с тем Гоббс уже говорил о физиологии переживаний.

Дефо был современником и Гоббса, и тех, кто верил в существование ведьм и привидений. Он сам верил, точнее, ему хотелось верить или, еще точнее, проверить подоплеку этих россказней. Чтобы оценить способ его проверки, или, как теперь говорят, верификации (от «верус» – истинный, отсюда и наша «вера»), лучше всего для наглядности бросить взгляд еще дальше, назад, к Шекспиру; и когда от гамлетовских призраков и макбетовских ведьм подходим мы к «Докладу о привидении», тогда и становится видно, что за путь уже пройден от веры в чудесность чудесного к попытке объяснить чудеса самым обыденным образом.

«Нечистый испугался бы сам себя, – говорит Дефо в соответствующей „Истории дьявола“, – если бы довелось ему встретить черта в том обличье, какой придают ему бабушкины сказки».

Не только со сказками, но и с самим Мильтоном Дефо не согласен был по вопросу о сатане, полагая, что великий поэт хотя и в замечательных стихах, но слишком прямолинейно представил «князя тьмы». Сатана для Дефо страшен именно потому, что так просто, по-человечески, его себе не представишь. Зато существование призраков и привидений интересно было ему проверить чуть ли не на ощупь.

По часам, по свидетельским показаниям, по бытовым приметам – по всем тем правилам, которые послужат со временем

и Эдгару По и Конан Дойлю (вплоть до имен, ибо у Дефо в «Докладе» уже имеется и доктор Шерлок, и, как видите, капитан Ватсон), – стремится Дефо верифицировать случившееся. И доказывает он не столько даже, что призрак пришел, побеседовал с человеком я ушел, а что произошло такое, чему и объяснения не подберешь, и не верить нельзя.

«…И вот мы видим памятник старику Шекспиру, прославленному поэту, чьи пьесы обеспечили ему почетное место среди наших писателей, и так, возможно, оно и будет до скончания веков», – рассказывает Дефо в Стрэтфорде-на-Эйвоне, родном городе великого своего соотечественника. Дефо у гробницы Шекспира – какая картина! Насколько она реальна – это вопрос, но что Дефо жил с оглядкой на Шекспира – факт. Однажды он прямо сравнил себя с Шекспиром, так сказать, за вычетом дарования, по типу личности: сам он человек, быть может, и не образцово ученый, зато с природным умом и вот занял немалое место в литературе.

Дефо скорее всего откуда-то выписал описание Стрэтфорда, старинной приходской церкви и гробницы Шекспира. Почему, например, говорит он обобщенно-безлично «мы», хотя до тех пор в качестве рассказчика-путешественника называл себя прямо «я»?

Так или иначе, окинув беглым взглядом город Шекспира, Дефо спешит дальше по берегу Эйвона: «Река дает большие практические преимущества, связывая все части графства, а также играя удобную роль в торговле с Бристолем…»

«Находясь в Йорке, мы посетили печально знаменитое поле битвы при Марстон-Муре», – сообщает Дефо, посетив поле первой революционной победы, и на этот раз «мы» имеет уже не только условный смысл.

«Меня здесь сопровождал, – рассказывает Дефо, – старый солдат, который хотя в сражении и не участвовал, но со слов бывшего в этом деле родственника своего отца доложил мне во всех подробностях о том, как располагались позиции войск, какова была протяженность их линий по фронту, как пехоту с флангов прикрывала кавалерия, где были поставлены пушки».

Возможно, старый солдат действительно сопровождал Дефо, так сказать, «сопровождал», то есть не на марстон-мурском поле, а в другом месте и в другое время, еще в Ньюингтоне, где довелось ему познакомиться с ветераном кромвелевской армии. Приурочив свои впечатления от тех рассказов к своей поездке, Дефо говорит: «Он описывал мне все до того живо, что казалось, две армии сталкивается у меня перед глазами».

Сам Дефо стремится одновременно и воскресить в памяти читателей это столкновение, и смягчить его. «Не нам с ним было, – говорит он о себе и о старом солдате, – разбирать страсти, кипевшие тогда с обеих сторон, или оплакивать неудачи того дня. Все это было вне нашей компетенции. Время уравняло победителей с побежденными…»

Но при этом, подчеркнув также, что и «семья королевекая вернулась на трон», Дефо все-таки напоминает, как в первой из победных революционных битв Фэрфакс и Кромвель смяли королевский левый фланг, а принц Руперт допустил непростительную оплошность, оторвавшись от собственной пехоты.

Во всех оценках Дефо осторожен и даже уклончив, но в одном отношении не уходит он от поставленной задачи. Как пространственно, так и по времени старается охватить всю страну, ничего не вычеркивая из ее истории. Он не хочет пропустить ни одного графства и даже ни одного заметного города.

И не забывает он, когда и что было.

МИСТЕР РЕВЮ (II)

«Если бы только стало известно, что он шпионит, его бы разорвали на куски» – так вспоминал современнике пребывании Дефо в Шотландии. Конечно, это взгляд не только персонального недруга Дефо. Так мог судить противник англо-шотландского единения.

А в обязанности Дефо входило следующее. Он сам § это сформулировал в письме к Гарлею:

«Вот как я понимаю мне порученное:

1) Быть в курсе всего, что предпринимается различными группировками против нашей унии, и стараться помешать их попыткам.

2) Беседуя со здешними жителями, а также с помощью других доступных способов склонять сознание людей в пользу единения.

3) Опровергать в печати всякое выступление, порочащее идею союза, самих англичан, английский двор во всем, что касается того же союза.

4) Устранять всевозможные подозрения и беспокойства у людей относительно каких-то тайных происков против шотландской церкви».

Сложность миссии, возложенной на Александра Голдсмита, он же Андре Моретон, он же Клод Гийо, он же Даниель Дефо, заключалась в том, что в таких конфликтах обычно трудно определяется не только линия возможного единения, но даже линия вражды. Изначально конфликт неразрешимо запутан, внутри каждой из сторон сталкиваются разные силы, которые по одному пункту группируются вместе, по другому – резко расходятся. Так складывались отношения у англичан с уэльсцами, ирландцами и шотландцами.

Ирландия враждовала с англичанами еще сложнее или, вернее, жестче. Ведь Зеленый Остров был просто колонизирован, оккупирован англичанами как завоевателями. С XII века Ирландию захватили английские короли и делили между собой английские феодалы, а когда с началом республики ирландцы сделали попытку обрести независимость, Кромвель военной силой раздавил бунтарей. «Английская республика… разбилась об Ирландию».[17] Потребовались авторитет и ум Свифта, чтобы как-то сбалансировать отношения с Ирландией. А делом Дефо была Шотландия, которая очень ревниво оберегала свою государственную и религиозную самостоятельность.

В шекспировские времена шотландский король Джеймс, по шотландскому счету Джеймс VI, стал королем Великобритании

Джеймсом I и первым же делом приступил к преследованию шотландцев-пуритан. Не ладил с ними и его преемник Карл I. Шотландцы сохраняли значительную самостоятельность управления гражданского, не говоря уже о церковном. Церковь и здесь вклинивалась, внося дополнительные осложнения во все конфликты, и символичен тот факт, что введение англиканского молитвенника в Шотландии послужило поводом к началу гражданской войны. В Шотландии нашла опору буржуазная революция – в пуританстве, которое там подчас было сильнее и монолитнее, чем в самой Англии. Там же, в Шотландии, находила опору и католическая контрреволюция, и вообще все антицентрализующие силы за счет постоянной игры на чувстве «независимости».

Сын Джеймса II, Джеймс Стюарт-претендент, надеялся, как и его отец, на шотландцев. Ведь в самом деле, так уже было: шотландцы помогли англичанам свергнуть с престола Карла I, и шотландцы же признали Карла II королем в то время, когда ему к Англии и подступа не было. Застарелая клановая вражда кипела внутри самой Шотландии: шотландцы гор не ладили с шотландцами равнинными. Дефо писал о страшной междоусобной резне в Гленкое. Клубок противоречий являла собой эта страна, северная часть Британского острова, одновременно и более демократичная и более косная, более пламенная и более неподвижная, чем Англия (Стема В. Скотта!)

Что Дефо могли там разорвать, буквально разорвать – это не вымысел. Однако ж не зря, чтобы отвести его в Ньюгейт, пришлось прислать двух человек, не зря, чтобы уйти от грабителей, запасался он второй лошадью: был бы верный конь, а за ним дело не станет! И на все у него были свои приемы.

«Хотя я еще и не могу поручиться за успех, – пишет он из Шотландии своему патрону, – но, надеюсь, самый образ моих действий не заставит вас пожалеть, что вы облекли меня своим доверием, послав меня сюда. Свои первые шаги я совершил вполне удачно в том отношении, что никто меня и не подозревает в каких-либо английских связях. С пресвитерианами и раскольниками, 1 с католиками и беззаконниками общаюсь я, мне кажется, с неизмеримой осмотрительностью. Льщу себя мыслью о том, что вы не станете осуждать моего поведения. У меня есть верные люди во всяком кругу. И вообще с каждым я говорю на подобающем языке. С купцами советуюсь, не завести ли мне здесь торговлю, как строятся тут корабли и т. п. От юриста мне нужен совет по части приобретения крупной недвижимости и земельного участка, поскольку я, видите ли, намерен перевезти сюда мою семью и жить здесь (вот только на какие средства, бог

ведает!). Сегодня вхож я в сношения с одним членом парламента по части стекольной промышленности, а завтра с другим говорю о добыче соли. С бунтовщиками из Глазго я рыботорговец, с абердинцами – шерстянщик, что же касается жителей Перта или западных областей, то мой интерес для них – полотно, а по существу разговора речь все-таки сводится к унии, и будь я не я, но чего-нибудь все-таки добьюсь».

Так что, читатель, держитесь настороже с ним, с этим Дефо, он ведь в интересах некоего «союза» с вами тоже все время кем-то прикидывается!

«Уверяю вас, сэр, – продолжает Александр Голдсмит, он же Даниель Дефо, – верьте мне, никаких излишеств я не позволяю себе в этом горячем месте. Но уж там, где вынуждают меня обстоятельства, я и там, поелику возможно, не сорю выданными мне средствами, а чтобы не занимать внимания вашего все тем же, чем так часто докучаю вам, то, надо сказать, тут жена моя на прошлой неделе писала мне: она уже десять дней как без денег, однако оставляю все на волю провидения, а оно, едва увидит, в чем дело, так сразу улыбнется, а уж до той поры надо подождать».

О Шотландии Дефо не только беседовал. Он, конечно, писал, и, как уж обычно, немало. По обыкновению во всех жанрах. Воспевал унию в стихах. Печатал очерки в своем «Обозрении». Он сообщал Гарлею, что приступает к сбору материалов для «Истории объединения Англии и Шотландии». Он, кроме того, стал шотландским корреспондентом лондонского «Почтальона». А «Горного разбойника, или Поразительные поступки прославленного Роберта Макгрегора, общеизвестного под именем Роб Роя» Дефо создаст уже в числе своих художественных вещей, прямо пролагая путь Вальтеру Скотту.

Весной 1707 года усилия сторонников унии увенчались успехом: парламент двух народов стал единым. Миссия Дефо, в сущности, была закончена. Он писал Гарлею с просьбой выслать ему денег на обратный путь или же на продолжение службы. Из дома приходили между тем нерадостные вести.

Еще в самом конце 1706 года, заканчивая очередное письмо к своему патрону, Дефо извинялся за некоторую сбивчивость и добавлял: «Пока я вам писал, пришло известие о смерти моего отца». Джеймс Фо умер семидесяти шести лет. В завещании упомянул он всех детей и внуков, в том числе внучку Марту, а в следующем году, когда Дефо ждал решения своей участи, пришло еще одно известие: умерла Марта.

Министры – Гарлей и Годольфин – переписывались друг с другом, изыскивая в государственном бюджете статью, по

которой можно было бы субсидировать Дефо.

«Сегодня, – писал Годольфин Гарлею, – я занимался подбором шести таможенных чиновников для Шотландии. Одним из них назначен мистер Хенли, кроме того, в списке оставлено вакантное место для секретаря. Я пока не решился предложить на эту должность Дефо, поскольку не уверен, что его кандидатура будет принята, если только вы сами его не рекомендуете».

Гарлей такую рекомендацию дал, но самому Дефо посоветовал предложение отклонить и остаться тем, кем он и был до сих пор: специальным осведомителем.

В том, что рассказывал Гарлею Дефо о своих всевозможных связях и разговорах с шотландцами самых разных состояний и занятий, содержались не только ловкие психологические ходы, но и вполне практическая программа, которую сам же Дефо думал выполнить. Он говорил о соли, шерсти и полотне, он в самом деле подумывал о том, чтобы изыскать средства и вложить их прямо здесь, в Шотландии, в какое-либо предприятие. В полотняном производстве ему удалось-таки пристроить своего родственника.

Увлекал его и проект Баури, предприимчивого, как и он сам, Томаса Баури, тоже лондонского купца, который в свое время немало потерял из-за англо-шотландских политических осложнений. Баури был одним из совладельцев несчастного судна «Вурстер», которое шотландцы, враги унии, захватили у своих берегов, обвинили в пиратстве и даже без соблюдения всех судебных формальностей поспешили казнить капитана и еще двух членов команды. (В «Истории унии» Дефо подробно изложил этот печальный эпизод.) Корабль и весь груз были конфискованы, и Баури понес большие убытки. А Дефо вскоре после этого, когда страсти еще не улеглись, вообще чуть не погиб: толпа на улицах Эдинбурга поистине стала рвать его на куски просто потому, что услышала от него английскую речь. Он спасся чудом. Однако ни Дефо, ни Баури не унывали. Они обменивались письмами и в том числе с надеждой поглядывали на архипелаг Хуан-Фернандес как на возможный перевалочный пункт. Дефо знал об этих островах задолго до того, как стало известно, что там находится моряк с «Пяти портов».

Дефо был тем, за кого выдавал себя, хотя в большей степени все-таки выдавал, чем был, но благодаря этому являлся он уникальным исполнителем возложенной на него миссии.

Однако в Англии вдруг наметились перемены слишком значительные, чтобы Дефо мог по-прежнему оставаться в шотландских краях. У Гарлея отнят был белый министерский посох, и его вот-вот должен был сменить Годольфин. Пора

сдавать дела! Так, по крайней мере, думал Дефо.

«Я полагал, – рассказывает он, – что уход столь крупной фигуры должен неизбежно повлечь за собой и уход всех, кто служил ей».

Каково же было неподдельное удивление Дефо, когда Гарлей его успокоил, так сказать, «успокоил», дав понять, что министры приходят и уходят, а их слуга остается. Такое доверие не особенно польстило Дефо. Ведь это лишение всяких прав на сколько-нибудь личную позицию. Исполнитель – и все, даже не суть важно, чьей воли. Но выбора у Дефо не было, ибо он по-прежнему оставался в долговой кабале.

Новый государственный секретарь заново представил Дефо королеве, и снова он целовал высочайшую руку, присягая на верность. И опять отправился в Шотландию. Но прежде, как мог, устроил семью. Ведь дети давно выросли! Старшая, Ханна, на выданье (она, впрочем, так и осталась одинокой, но прожила безбедно и до глубокой старости). Сыновья Даниель и Бенджамин – совсем молодые люди, по двадцать с лишком лет. Мария, Генриетта и в особенности Софи – прелестные девочки. Жили они все в Гакне, северо-восточном пригороде Лондона. Дефо решил перевезти их по соседству, но в те самые места, которые были ему хорошо знакомы, в Сток-Ньюингтон. Там он с 1708 года арендовал дом.

В Шотландии предстояло теперь вести наблюдение за яковитами, сторонниками Якова-Джеймса Стюарта (читайте «Роб Роя» Скотта). В Англии политический барометр опять показал перемену: к власти возвращался Гарлей. На этот раз Дефо был готов к тому, что ему прикажут продолжать службу. Что и воспоследовало.

«Волею судеб я вернулся к изначальному своему покровителю, – писал впоследствии Дефо, – а он с обычной своей благожелательностью соблаговолил опять доложить обо мне королеве, и в результате расположение ее величества ко мне осталось прежним, но только я уже не получил каких-либо новых поручений».

Похоже на правду, однако неполную. В этих строках, которые взяты из исповеди самого Дефо, он хочет дать понять, будто им были довольны до такой степени, что уж и требовать больше ничего не стали.

А вот что писал он в то время Гарлею: «Я глубоко несчастен не только в своих собственных делах, которые печальны и говорят о катастрофе, неизбежной из-за того, что ослабело ваше ко мне расположение, но еще и потому, что не представляется мне теперь ни случая, ни чести изложить вашей светлости ряд

вопросов, важных для общих интересов».

На политическом горизонте появился у Дефо мощный соперник. Не чета тем газетным писакам, с которыми он триумфально разделывался, оставляя их в дураках. Мы этого противника уже видели: едва закрылась за Дефо потайная дверь, как распахнулся парадный вход в покои государственного секретаря, и…

ОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ (II)

Однако мы совсем потеряли из виду моряка, пожелавшего высадиться на остров. Где же он?

На первое сообщение о Селькирке особого внимания не обратили. Шуму наделала история самого Дампьера. Судовладельцы с тех пор уже отказали ему в доверии. Выручил адмирала капитан Вудс Роджерс, тоже отправлявшийся на морскую «прогулку» и взявший адмирала в свою флотилию лоцманом, а также командиром одного из кораблей.

На «Герцогине», которую вел сам Роджерс, первым помощником у него был Эдвард Кук. (Это другой Кук, более ранний.) На «Герцоге» капитанствовал Дампьер. Пошли всё туда же, в Тихий океан.

«В семь утра, – рассказывал потом Роджерс о дне 31 января 1709 года, – мы подошли к островам Хуан-Фернандес».

Выбрали ближайший к материку и самый крупный. Опасаясь французских или испанских кораблей, от острова встали так далеко, что спущенный на воду баркас добрался до него лишь к ночи. И вдруг в бухте блеснул огонь! Баркас пустился назад, корабли приготовили к бою пушки и мушкеты. Но утром убедились: опасности нет, и на Мас-а-Тьерра отправилась команда за пресной водой.

Вернулись они, приведя с собой человека, одетого в козлиную шкуру. «Он выглядел более диким, чем рогатые первообладатели этого одеяния», – отметил капитан. Оказалось, человек этот прожил на острове четыре года и пять месяцев. Корабль, на котором шел он помощником капитана, дал течь (и потом потонул, но этого островной отшельник не знал). С капитаном странный человек поссорился, и его высадили, оставив одного. Корабль назывался «Пять портов», фамилия капитана Страдлинг, а его имя – Александр Селькирк, родом из Ларго в графстве Файф и действительно Сапожников (шотл. Селькирк).

«Я вспомнил, – пишет Роджерс, – что капитан Дампьер говорил мне об этом человеке, считая его лучшим из команды».

И Дампьер тотчас признал своего грешного штурмана.

На острове Селькирк одичал. Поразил своих спасителей полным безразличием к встрече с ними.

Вообще корабли заходили сюда неоднократно. Он сам от них таился. С «гостями» на острове шутки поистине были плохи, хотя вовсе не первобытные дикари посещали его, а, как и флотилия

Роджерса, суда «джентльменов удачи». Однажды пришли испанцы. Селькирк как-то зазевался, не успел спрятаться хорошенько, его заметили и гонялись за ним, как за диким зверем. Стреляли в него, когда поняли, что не смогут поймать. А бегать он навострился так быстро, что ловил диких коз.

Впрочем, и козы там были не дикие, а одичавшие. Их завезли сюда все те же испанцы, первыми обжившие эти острова. Потом появились здесь матросы Пикеринга. Да, прежде Селькирка на том же острове побывали по меньшей мере три полудобровольных отшельника. Остров был пусть и не постоянно обитаемый, но все же обжитой. Но только, кроме коз, которые расплодились, предоставленные самим себе, и брюквы, буйно разросшейся, люди ничего дельного там не оставили, а лишь пользовались благодатным климатом и щедрой природой.

Новому члену экипажа капитан Роджерс был рад по той же причине, почему не пренебрег он услугами опального Дампьера, великого знатока коварных течений и ветров (гидрограф!). Роджерс никогда не плавал в Тихом океане, и команда у него подобралась, словно на смех, из людей сухопутных – портные и торговцы-лоточники. Не желая, видно, терпеть ни в чем недостатка, они погрузили на корабли такое количество съестного и вообще всякого добра, что судам было трудно маневрировать. Испытанный мореход Селькирк, естественно, получил место помощника на корабле «Герцог», где капитанствовал Дампьер. Штурман «Пяти портов» и адмирал оказались опять под одним флагом. А когда в плен было захвачено еще одно судно, Селькирк сам стал капитаном. Через два года экспедиция закончилась, доставив в Англию добычу ценой в двести тысяч фунтов. На долю Селькирка пришлось восемьсот.

Еще через год Роджерс рассказал о Селькирке в своих путевых записках, вышедших первым изданием в 1712 году. Рассказал о нем и капитан Кук. О Селькирке заговорили. Роджерс, имевший знакомства в кругах образованных, представил его известному публицисту Ричарду Стилю. В журнале «Англичанин» (поскольку «Зритель» и «Болтун» прекратили свое существование) Стиль напечатал очерк о Селькирке и создал ему славу.

«Я имел удовольствие часто беседовать с этим человеком, – говорит в начале своего очерка Стиль, – вскоре после его возвращения в Англию в 1711 году». И далее кратко, но динамично и ясно излагаются основные факты судьбы Селькирка: высадка с корабля, обиход его жизни на острове.

Со временем, которое трудно определить точно, – где-то между «Путешествиями» Роджерса и «Приключениями Робинзона»

– появилась брошюра «Игра судьбы, или Удивительное сообщение об Александре Селькирке, написанное им самим». Достаточно сравнить эту брошюру с книгой Роджерса, как станет видно, что не «написано», а переписано это все у Роджерса (каким-нибудь щелкопером вроде тех, что будут перекраивать «Робинзона Крузо» на более дешевый фасон). Впрочем, и очерк Стиля подчас повторяет или перефразирует все того же Роджерса. Нет, Ричард Стиль – первостепенный писатель, ему чужие черновики не нужны были, просто все это свидетельствует о том, что и он не столько слушал Александра Селькирка, сколько развивал некую одну, сразу сложившуюся версию. Более того, сам Селькирк, почти забывший за время своего четырехлетнего одиночества человеческую речь, со временем научился о себе рассказывать в духе уже появившихся «рассказов» о нем.

Ну а встреча Дефо с Селькирком? Самый интересный материал о ней находим в первой же из фундаментальных биографий Дефо, в трехтомнике Уолтера Уилсона.

Уилсон писал свою хронику в начале прошлого века, еще имея возможность соприкоснуться если не с современниками Дефо, то, во всяком случае, с живой изустной традицией передачи сведений о нем. Он виделся с потомками писателя. Правнук Дефо показал ему последнее письмо автора «Робинзона Крузо». А в Бристоле Уилсон отыскал своего собственного родственника, местного старожила, который поведал ему все тамошние разговоры о Дефо: как Дефо скрывался у них от долгов после первого своего финансового краха, как появлялся он на улицах города, одетый броско, заметно, в шляпе и при оружии, однако появлялся исключительно по воскресеньям: по Христовым дням полиция была бессильна, закон запрещал аресты в праздник. В остальные же дни недели «воскресный джентльмен» (так окрестили бристольцы Дефо) скрывался. Прекрасно все помнили, где и у кого он тогда жил. Сохранились те дома, и более того, нашелся человек, предок которого имел честь сдавать Дефо комнату. Частенько домовладелец и постоялец беседовали. Любил этот постоялец истории послушать. А главное, тот же самый хозяин дома – Марк Уоткинс было его имя – видел на улицах Бристоля странного человека в козлиной шкуре. Ну, догадаться нетрудно, это был Александр Селькирк.

По этому рассказу понятно, чего стоят такие легенды. А стоят все-таки они дорого. Это именно легенды, мифы в классическом смысле слова, то есть не полный произвол выдумки, а некая особая работа памяти, в результате которой создается своя «правда», однако все реальные дистанции в ней, конечно, нарушены. Не исключено, что некий Уоткинс видел и Дефо и

Селькирка, но выдает его все та же шкура: как мог Селькирк появиться на улицах Бристоля в «робинзоновом» костюме после своего плавания с Дампьером и Роджерсом? Сомнительно, чтобы Селькирк, всеми силами стремившийся стать «другим человеком», захотел одеться Робинзоном, не говоря о том, что от берега до берега, от островов Хуан-Фернандес до Британии плыли они два года: шкура и та за этот срок могла бы поизноситься. Не исключено, что Уоткинс знал и Дефо и Селькирка, но, как видно, он также читал «Робинзона Крузо» или хотя бы слышал о книге, в соответствие с которой он и старался привести свои рассказы. Сила обратного воздействия книги Дефо на свою предысторию вообще сказывается очень заметно. Даже мемориальную доску моряки поставили на «пещере Робинзона», хотя какая пещера?! Ведь Селькирк жил в хижине, не говоря уже о том, что и острова у них разные… И все-таки, сверяясь с книгой, нашли на Мас-а-Тьерра некую расселину в скале – и увековечили.

Дефо и Селькирк находились в Бристоле в разное время. Дефо вообще о Бристоле даже писал – об уличных беспорядках в этом городе. Биографы не исключают встречи автора «Робинзона Крузо» с Селькирком в Лондоне, но не имела она решающего значения для «биографии моряка из Йорка».

У Дефо весь 1713 год был очень тяжелым. Первый раз за год и третий раз в жизни его арестовали в марте. По смехотворному обвинению в «бегстве от долгов». Одиннадцать дней тюрьмы, пока наконец Гарлей его не вызволил.

«Никогда не думал, милорд, – писал своему покровителю Дефо, – что партийное ненавистничество способно пасть низко до того, чтобы наносить человеку личный ущерб, но имел я случай в том убедиться, ибо, выходя из дома в прошлый понедельник, чтобы направиться на встречу с вашим превосходительством, был схвачен по обвинению в укрывательстве от кредиторов».

Это он писал первого апреля, а уже на другой день его заставили извиняться перед русским посольством за оскорбление в печати Петра.

Долги есть долги, а политический политес есть политический политес. Но что касается долгов, то этот кредитор, от которого он будто бы хотел скрыться, жил даже не в Лондоне, а в Ярмуте, и вообще Дефо называл его «спящим львом»: хотя и может проглотить, но, слава богу, не торопится! А тут вдруг «лев» совершенно неожиданно проснулся и потребовал; вынь да положь полторы тысячи фунтов. И столь же неожиданно успокоился потом, когда вмешался Гарлей, удовлетворившись десятой частью этой суммы. Полтораста фунтов получил и опять уснул. Ясное дело, «льва» тогда разбудили.

Так и с Петром. Да, «Обозрение» позволило себе обозвать русского императора «сибирским медведем». Но Дефо ведь о Петре и по-другому писал. Называл его «неутомимым правителем». А тут вдруг обиделись! Почему же раньше не обижались, когда «господии Обозрение» прямо говорил, что считать Петра своим героем все-таки не может, ибо «неутомимый правитель» делает все «по-зверски»? Понятно, в Ярмуте разбудили «льва», а тут специально, подсунув в русское посольство «Обозрение», раздразнили «медведя».

Не успел Дефо уладить дело с долгами и дипломатами, как в ночь с десятого на одиннадцатое апреля его арестовали вновь, в четвертый, а может быть, даже в пятый раз – по обвинению в «государственной измене».

Повод – те самые памфлеты с ошеломляющими названиями: «А что, если королева умрет?» – «Вдруг придет претендент?» Насколько обвинение было просто придуманным, говорит тот факт, что судья сначала никак не мог сориентироваться, где доказательства какой-либо вины.

Но судья, сочетавший в себе отсутствие большого ума с наличием мелкой хитрости, нашел выход. У него имелись к Дефо свои претензии. Судья был тот самый, пожалевший, что Дефо можно посадить в тюрьму и даже повесить, но, увы, нельзя четвертовать. Во измещение своих собственных «убытков», то есть нехватки полной свободы поступить с подсудимым так, как ему того хотелось бы, судья издевался и унижал Дефо до такой степени, что тот в конце концов подал жалобу. Тогда за такие жалобы предварительное заключение ему заменили тюрьмой. Пришлось перед судьей извиниться. Потом этот верховный судья по имени Паркер, он же лорд Маклсфилд, так заботившийся о своем оскорбленном достоинстве, за присвоение казенных денег и нарушение законов был оштрафован на тридцать тысяч фунтов. Имя его с позором вычеркнули из списков Следственного Совета, а в конце концов, несмотря даже на королевское заступничество, приговорили к тюремному заключению.

На авансцену вывести надо бы еще одно лицо, которое также от имени закона выступало против Дефо. Чтобы черты этого лица выступили отчетливее, следует вспомнить эпизод, касающийся и нашей истории тех же времен: печально известный инцидент, когда на русского посла в Лондоне А. А. Матвеева совершено было неслыханное в дипломатической практике нападение. Кстати, по тому же самому поводу, по которому привлекли к суду Дефо: посланник будто бы хотел сбежать от долгов. Он ехал платить долги – мы подробнее вспомним об этом случае, когда подойдем к «Истории Петра», написанной Дефо.

Заинтересованность Дефо в этом эпизоде может объясняться, помимо всего, еще и тем, что среди людей, привлеченных к суду за выходку против Матвеева, оказался хорошо знакомый ему самому персонаж. Фантастическое обвинение против Матвеева состряпано было неким Бенсоном. А вот он перед нами, тот же Бенсон, чья роль застрельщика в интригах против Дефо была выявлена французским исследователем Полем Доттеном: стряпчий самолично явился к издателю и вытребовал у него рукопись Дефо, издатель сначала попробовал отпереться, но Бенсон и ему пригрозил «государственной изменой». С рукописью в руках и с торжествующим видом Бенсон в суде доказывал, что заглавия – прямой призыв к мятежу, содержание – насквозь бунтарское, а ирония лишь существует для отвода глаз. Судья Паркер, он же лорд Маклсфилд, соглашался с каждым его словом. А Бенсон? «Он, – указывает исследователь, – уже был однажды осужден, но все равно вел дело против Дефо». Осужден был Бенсон, потому что он за несколько лет до этого строил козни против Матвеева. Перед таким «правосудием» отвечал за «государственную измену» Дефо.

В чем же причина новых политических нападок на него? Его памфлеты считать предательскими можно было лишь по названиям. Как будто Дефо хотел накликать кончину королевы и приход претендента-католика! Он призывал не допустить внешнего вмешательства в английскую политику. А скомпрометировать его старались те, кто только и ждал, когда же наконец королева умрет (у нее резко ухудшалось здоровье) и можно будет на вакантный престол (прямых наследников не было) посадить Джеймса Стюарта, сына Джеймса II. Джеймс-претендент в это время находился во Франции и ждал своего часа. Своими броско-парадоксальными заглавиями Дефо взывал к бдительности соотечественников, а за эти заглавия ухватились, и тут потоком обрушились на Дефо грабстритские помои. «Джеймсов прихвостень! Продажное перо!» – обвиняли его в «предательстве» форменные предатели.

Положение ослоняшлось, как всегда, тем, что неизвестно было, насколько далеко, или, вернее, высоко, заходило предательство. Гарлей фактически вел уже в то время двойную игру, выбирая между наследником из династии протестантской и католической, которую представлял Джеймс Стюарт. Болингброк, министр двора, второй после Гарлея человек в правительстве, подписавший прощение, дарованное королевской милостью Дефо, вел прямые переговоры с претендентом. Он, так сказать, простил Дефо «измену» королеве и «оскорбление» суда, а между тем готовил замену династии. Наконец, и королева, некогда

изменившая своему отцу ради веры, теперь склонялась к тому, чтобы на этот раз изменить вере ради брата-претендента, назначив его своим наследником.

Приход Джеймса Стюарта чреват был новой гражданской войной. «Если бы пришел претендент, – со своей стороны говорил впоследствии Дефо, – то меня первым бы повесили». Предположение обоснованное, но, пока суд да дело, его преследовали за «сочувствие претенденту» именем королевы, которая думала передать корону… претенденту!

«Травят меня полным гоном», – писал в ту пору Дефо, прекрасно знавший спортивно-охотничью терминологию. «Покрытый всеобщим презрением, – продолжал Дефо, – за то, что вроде пишу за деньги, пишу ради интересов определенных лиц, пишу по указке влиятельных персон, пишу под диктовку то так, то этак, я на каждое из этих обвинений, по свидетельству собственной совести, ответить могу, что все они ложны».

Мы знаем, что и здесь положение было не простым, прежде всего запутанным. Деньги, указка – было это, но суть в том, что даже по указке и за деньги писал Дефо действительно с большей последовательностью и ответственностью, чем многие, бравшиеся тогда за перо, казалось бы, из чисто личных побуждений и чистого искусства. Дефо никогда не разжигал страстей, никогда не балансировал на грани риска: государственная устойчивость и религиозная терпимость – этим принципам, совпадали они или нет с «диктовкой влиятельных лиц», он, по совести, никогда не изменял.

В июне 1713 года под бременем налогов и политических противоречий «Обозрение» прекратило свою жизнь. «Господин Обозрение уходит», – написал в конце последнего номера Дефо. «Положив перо после девяти лет непрерывного труда», – добавляли его биографы в старину. Теперь мы знаем: простившись с читателями «Обозрения», Дефо журналистики на самом деле не оставил.

В самом начале декабря того же 1713 года в «Англичанине» появился очерк Стиля о Селькирке. А вот о чем в те дни писал Дефо. «Милорд, – обращался он к Гарлею в письме от 7 декабря, – я зарекся беспокоить вас без надобности, понимая прекрасно, что только так и должно быть. Я предоставил вам небольшую работу о раскольниках. Замысел принадлежал вам, оставалось его как можно лучше выполнить».

Сам раскольник, Дефо в этой работе выступил как бы против раскольников. Вернее, с предостережениями по их адресу. «Письмо диссентерам» – так назывался этот трактат,

опубликованный в газете «Торговец», точно день в день с «Англичанином». В этом «Письме» Дефо (анонимно) давал раскольникам совет не доверять «сквалыгам»-вигам, считавшимся друзьями раскольников, ведь он чувствовал, что все смешалось в правящем доме…

Между тем Селькирк с деньгами, которые привез он из «приключенческого» плавания, и популярностью, принесенной ему очерком Стиля, беспрерывно бездельничал почти десять лет, прежде чем поступил штурманом на «Веймут», где он, кстати, и кончил свои дни в разгар славы «Робинзона Крузо».

Возможно, и денег бы ему хватило на больший сроки прожил бы он дольше, займись он каким-нибудь делом. Но Селькирк, видно, решил: раз выпала ему «удача», может он пожить в полное удовольствие, которое понимал по-своему. Нашел он себе подружку и проводил дни в пивной. Вот когда болтался он по лондонским тавернам, где рассказывал первому встречному о себе «всю правду», большую часть которой сам узнал из газет, его, возможно, и видел среднего роста, смуглый господин с большой родинкой в углу рта, автор нашумевшего памфлета «Простейший способ», поэмы «Чистопородный англичанин» и бывший редактор газеты «Обозрение».

Ни строчки в «Обозрении» не появилось о Селькирке – редактор, зорко следивший за делами домашними и заморскими, не счел в свое время эту историю достойной внимания.

Своим путем шел Дефо к «Необычайным приключениям Робинзона Крузо, моряка из Йорка, рассказанным им самим».

В насыщенной разъездами и поденной писаниной жизни Дефо, кажется, недоставало только паузы, чтобы сесть и привести в действие арсенал уже освоенных средств, использовать накопленный материал.

Но получить добром эту паузу для Дефо оказывалось невозможным.

ТАЙНА БЕЛОГО ПОСОХА

«Видел я нутро всевозможных группировок, видел суть их посулов и всю подноготную их искренности. Что ж, как в писании сказано, все суета сует и томление духа, так я могу сказать обо всех них: все это лишь напоказ, все – внешнее, все лишь чудовищное лицемерие – у каждой из этих группировок, во всякое время, при любом правительстве: они уходят, чтобы войти, а когда вошли, делают вид, будто уходят».

Так писал Дефо в особенно тяжелую пору, пришедшуюся на 1714–1715 годы. Всем биографам слышится в этих строчках нота тоски и усталости, необычная для него.

Чтобы уточнить конкретные черты того времени, раскроем книгу Герберта Уэллса, известного писателя, нашего старшего современника, который специалистом-историком не был, но передал в популярном «Очерке всемирной истории» традиционное для англичан представление об этой полосе, начавшейся после кончины королевы Анны.

«Анна, судя по всему, – пишет Уэллс, – все с большим сочувствием обращалась к мысли о восстановлении династии Стюартов. Однако обе парламентские палаты, и лорды, и общины, уже определявшие в это время английскую жизнь, предпочитали иметь дело с менее осведомленным во внутренних делах монархом. Что ж, кое-что могло быть сказано в пользу ими избранного гановерского курфюрста, который стал королем Англии под именем Георга (Джорджа) I и правил с 1714 по 1727 год. Он был немец, английского языка не знал, и вместе с ним английский двор оказался занят немецкими дамами и немецкими придворными. Тусклое облако скуки нависло над всеми духовными интересами страны с приходом этого правителя, практическим результатом его прихода была изоляция короля от остальной Англии, чего, собственно, и добивались крупные землевладельцы и купцы, способствовавшие воцарению Георга. Англия вступила в ту фазу своего развития, когда высшая власть сосредоточилась в палате лордов, поскольку искусством подкупа и подтасовки результатов выборов палату общин сумели лишить всякой силы и влияния. Самыми беззастенчивыми методами было сокращено число избирателей. Так называемые „гнилые местечки“, старые городки с очень малым населением или же вовсе без населения, посылали в парламент по нескольку делегатов, между тем новые, быстро растущие центры оказались лишены парламентского представительства. А если принять во внимание еще и высокий имущественный ценз, то голос простого

народа и в палате общин практически был не слышен. Георгу I наследовал вполне на него похожий Георг II, правивший с 1727 по 1760 год, и только с его смертью на английском престоле опять появились короли, хотя бы рожденные в Англии и способные более или менее сносно объясняться по-английски».

Дефо поддерживал гановерскую династию. Во-первых, как протестантскую, во-вторых, такова была, хотя бы на поверхности, линия обоих министерских кабинетов Гарлея, Годольфина и снова Гарлея. Но в том-то и дело, что на поверхности. Политика с двойным дном поставила Дефо в нелепое положение. Из-за этого пришлось ему вступить в схватку со своим застарелым врагом, священником Сачверелем, ярым преследователем раскольников; в тон ему Дефо и написал (издевательски) свой «Простейший способ». Тогда, несмотря на лишения, оказавшие воздействие на всю его дальнейшую жизнь, Дефо вышел победителем. В новой обстановке они поменялись ролями. Сачверель на этот раз стал «мучеником», а Дефо – официозно-фискальной стороной. Он, правда, всячески старался вызвать противника на открытый бой. «Дайте ему повод, – советовал Дефо, пользуясь по своему обыкновению спортивно-скаковой терминологией, – не трогайте его ни шпорами, ни хлыстом, пусть несет куда вздумает». Однако Сачвереля тронули и «хлыстом» и «шпорами» и отправили за решетку. Вынужденный как-то поддержать и эту санкцию, Дефо всячески, со всей своей изобретательностью пытался найти благовидный ход и не принимать участия в этой травле. Он даже говорил нечто вроде того, что Сачверелю не удастся скрыть своего подлинного лица и за терновым мученическим венцом. Этот бой не был позорно проигран, но не был и с честью выигран.

Однако противником куда более сильным и сложным, чем фанатически грубый Сачверель, был Свифт.

Судьба столкнула, таким образом, две крупнейшие литературные величины своего времени. А начинали они, как мы помним, вместе, в «Афинском Меркурии», хотя скорее всего и там знакомство было заочным, литературным. Биографы полагают, что они, Дефо и Свифт, как Толстой и Достоевский, ни разу в жизни не встретились. Исследователям в самом деле представляется достоверной такая картина: приходит Свифт, уходит Дефо – в кабинете государственного секретаря. Опять они разминулись, с той символической разницей, что Свифта принимают открыто и торжественно, а Дефо выпускают через потайной ход.

А по литературной дороге, в масштабах истории, они прокладывали друг другу путь. Запросы периодики оттачивали их

стиль. В полемике проверяли они всевозможные приемы убедительности. Дефо начинает в «Афинском Меркурии» откровенно морочить читателей, Свифт подключается к нему, дополняя эту игру ученостью, игрой в ученость. Затем своей «Битвой книг» Свифт заставляет Дефо задуматься над новыми способами повествования. «Консолидатором, или Путешествием на Луну» Дефо подсказывает Свифту Гулливерово путешествие на Лапуту. Наконец, Робинзон и Гулливер – соперники, литературные соперники, но соперники особые. Предназначенные для взаимоуничтожения, они плечом к плечу двинулись сквозь время, штурман из Йорка и корабельный врач из Редриффа.

Но пока история установит свой порядок и книжки займут свое место на полке и в памяти читателей, те, кто создает эти книжки, должны выдержать друг с другом жестокую борьбу.

Их ведь многое и объединяло. Оба знали подноготную грызни «сквалыг» с «ворюгами», оба давали им одну и ту же цену. Для обоих герцог Мальборо, как для Байрона Веллингтон, был дутой величиной, торжествующей посредственностью. Кажется даже, что некоторые суждения Дефо могли бы принадлежать Свифту и наоборот. И все же – враги!

А разве не приходилось им обоим совершать одни и те же переходы от группировки к группировке? Приходилось, но так же, как случалось посещать кабинет министра: через парадную дверь и через потайной ход – на разных уровнях. Дефо получал вознаграждения за службу и только благодарил. Свифт тоже получал, но однажды, когда ему показалась недостаточной сумма или недостойным повод, он вернул деньги.

«Слава ума или великого знания, – говорил Свифт, – заменят голубую ленту или карету».

И действительно, он, провинциальный пастор, одно время был вдохновителем государственной политики, «министром без портфеля», как его впоследствии называли биографы.

С высот Ума, силой и сверканием которого Свифт приводил современников просто в трепет, он считал нужным сокрушить Дефо, этого «безграмотного писаку». Знал ли Свифт, что на самом деле не безграмотного? Конечно! Равно как произнес он историческую фразу: «Запамятовал я его имя», – помня, конечно, это имя прекрасно. Ведь почему своего Гулливера женил он на дочери «галантерейщика из Сити»? Намек на Дефо. Гулливер как бы зять Дефо – так это придумал Свифт, который уж наверняка не мог забыть, как зовут «тестя» его основного героя.

С презрением Свифт отмахнулся от Дефо, и в этом сказались его высокомерие, нетерпимость, его дурной характер. Но был тут и не случайный каприз великого ума. Взяв за скобки личное, мы

получим конфликт – принципиальный, исторический.

Ведь и Робинзон с Гулливером люди все же разные, хотя одно и то же время, поставив на них свою печать, сделало их похожими. Гулливер в книге не меняется, он лишь постепенно, от плаванья к плаванью, раскрывается как отважный, спокойный, пристальный наблюдатель. Иное дело Робинзон, который, как и все герои Дефо, пройдя жизненный искус, миновав «долину полудикую», делается другим, или, по крайней мере, хочет стать другим. Оба повествуют о своих злоключениях довольно невозмутимо, только у Гулливера позиция заведомо ясная, прочная с самого начала. Себе самому Гулливер ничего не доказывает, он лишь сверяет путевые впечатления со своим изначально свойственным ему взглядом на вещи. Сын состоятельного джентльмена, прошедший выучку на нескольких европейски прославленных факультетах, Гулливер отправляется путешествовать, понимая свою участь, осознавая судьбу. Совершив несколько плаваний и обзаведясь капиталом, Гулливер покупает в Лондоне дом и женится на дочери состоятельного торговца трикотажем. Что же, для Дефо Гулливер желанный зять! Дефо был счастлив, когда любимую дочь ему удалось выдать за книголюба, образованного и одаренного молодого человека: ступень в движении наверх, которое поставил себе жизненной целью Дефо. Он мечется, ищет, добивается, утверждает себя, и тем же намерением утвердить себя, доказать всему свету свою состоятельность движимы герои Дефо. А Гулливер таких-то рассматривает спокойно, вроде как лилипутов, лапутян, или еще хуже, йеху. Человек – пигмей перед ним или великан, образованный тупица или дикарь. Гулливер прежде всего зажимает нос и принимает прочие меры предосторожности, чтобы не оказаться к этому существу в чрезмерной близости. Он-то сам не таков! А вот Дефо и такой и сякой, однако изо всех состояний, подъемов и падений пробивается он к одному – к истинному достоинству (что для Гулливера просто само собой разумеется).

Метавший громы и молнии в защиту простого люда, Свифт, конечно, и подумать не мог о том, чтобы снизойти в своих писаниях до более или менее широкой публики. Он презирал Дефо даже за его популярность. Да, с высот ума Свифт и в Дефо видел «дикую» силу. «У этого типа есть замечательные проблески, однако недостает ему хотя бы малой опоры в учености», – толковали о Дефо среди ближайших друзей Свифта. Двери литературных клубов перед Дефо были закрыты. Вообще, он значился за порогом истинной литературы. А начиналось это, конечно, с униженного положения Дефо. Положим, ушей ему не отрезали, а ведь могли и отрезать. Из тех он был, на взгляд

ученой публики, кому место у позорного столба – кто без ушей (или с клеймом на лбу).

Могло кому-нибудь прийти в голову упрекнуть Свифта в том, что он украл лошадь? А Дефо упрекали. Это современники. Биографы разобрались с этой лошадью, которую Дефо будто бы увел из Ковентри. Выяснили: не увел, а взял внаем, потому что своя захромала, но хозяину показалось, что мало он заплатил. Это выяснили, однако ведь вместе с современниками биографы до самого последнего времени думали, что Дефо чуть было не стал платным шпионом шведов, то есть деньги прикарманил, а шпионить не стал. Еще совсем недавно так думали, испытывая понятное чувство неловкости. Выяснили, что и здесь ничего подобного не было. Все фикция, сочиненная самим Дефо. Разыгрывал он читателей, прикидываясь то «джентльменом из Кента», то собственным «врагом», а тут прикинулся «шпионом». Стало быть, ничего такого не было, только, беда, жизнь вел Дефо такую, что не ровен час и конокрадом можно было стать, и платным шпионом. Он не крал и на подкуп не поддавался, зато подумать, зная его образ жизни, можно было что угодно…

Он, например, гордится, что объехал всю страну, и мы ставим ему это в заслугу. А чего мыкаться? – спросим с точки зрения того времени. Дорог прочных нет, и обычая у порядочных людей такого нет, чтобы утруждать себя ездить, так кто же гонит его в путь? Вы почитайте его собственный отчет об этом «приключении» с лошадью из письма к Годольфину: «Восемь дней непрерывно шел дождь, дороги так размыло, что я не мог двигаться скорее, а лошадь, с которой я не слезал, пришлось все же оставить по пути» (20 апреля 1708 г.).

Неудивительно, что лошадь обезножела, но ведь и сам Дефо совсем не так представлял себе достойную жизнь. Его мечта: состоятельный джентльмен, свое дело в городе, свой дом за городом, прогулка верхом, досуг отдает литературе. А было что? Какая-то черниловозная кляча. Предвосхитил он новейший литераторский профессионализм? Но тогда на это смотрели иначе.

Большие политические события развернулись, однако, так, что не Гарлей помог Дефо, а сам Дефо должен был поддерживать своего патрона.

Перед кончиной королевы Анны положение Гарлея достигло предельных высот. Временное удаление от власти компенсировано было с избытком. Гарлей получил не только прежний пост, но еще и дворянское звание, к тому же двойное, тогда стал он графом и Оксфордским и Мортимерским. Но со

смертью Анны и с приходом Георга Гарлей оказался не у дел.

Болингброк, подписавший прощение Дефо и получивший графский титул одновременно с Гарлеем, тот просто эмигрировал. Гарлей никуда не уехал, уединившись в своем имении. Он ждал, что за ним еще пришлют. За ним прислали… чтобы отправить его в Тауэр, тот самый, что показывали Петру I во время его визита в Лондон. Не пропускавший ни одной диковины, Петр осмотрел и эту диковину из диковин, темницу, где содержали и казнили королей, или, как отметил у себя в «Журнале» Петр, «честных людей». Когда шла царская экскурсия, то кое-какие экспонаты были убраны, а именно топоры, каковыми были казнены Анна Болейн и Монмут. Опасались, как бы Петр, известный своей вспыльчивостью, не побросал те топоры в Темзу.

Итак, всесильный Гарлей очутился за решеткой. Пришла пора Дефо платить по старому счету. И тут он показал себя вполне состоятельным «должником». Он написал и напечатал «Тайную историю белого посоха». Это была апология Гарлея, который, как старался показать Дефо, совершенно незаслуженно потерял символ своей власти. «Тайная история» состояла из трех томов и содержала серьезнейший материал, почерпнутый в самом деле из скрытых источников. Дефо находился вблизи от этих источников и знал, о чем писал.

Тогда же Дефо решил развернуть и самозащиту. В 1715 году опубликовал так называемый «Призыв к чести и справедливости» – свою исповедь.

Да, это краткая автобиография Дефо, отражающая основные этапы его деятельности до середины шестого десятка лет. Но не думайте, что Дефо рассказывает обо всем в деталях, и не ждите, что это увлекательно, вроде «Доклада о привидении» и каких-то «Приключений».

Рассказывает он о себе не вообще, а ради одной задачи: показать, что никогда не вредил установившемуся порядку вещей: гановерской протестантской династии и правительству вигов. Прямо надо сказать, наименее интересная для нас сторона жизни и деятельности создателя «Робинзона Крузо». Но судьба его зависела именно от этих обстоятельств.

Попутно Дефо упоминает основные вехи своей жизни.

Насколько автопортрет объективен? Кое-какие неточности, допущенные сознательно, биографы выявили, но, право, они не меняют картины. Более того, автопортрет мы имеем возможность сравнить с портретом, написанным пером пристрастным настолько, насколько пристрастен может быть друг-соперник. А был это все тот же Джон Дантон.

Прежде чем Дефо опубликовал свою «Тайную историю белого посоха», «Тайную историю» выпустил Дантон только по другому предмету – обзор современной ему печати, который так и назывался «Тайная история нынешних еженедельников» (1707). Первым в этом обзоре – Дефо, что уже само по себе знаменательно.

Не по дружбе сделал так Дантон, не по дружбе. Напротив, он говорит, что отношения у них с Дефо сейчас испорчены. Неприязни не скрывая и, более того, считая, что Дефо неприязни заслуживает, Дантон все же утверждает буквально следующее: «Он обладает честью, достойной писателя, и мужеством, достойным подвижника».

«Одним словом, – продолжает Дантон, – что там ни говори, а Даниель Дефо настоящий англичанин, и именно поэтому уважение, какое питают к нему люди совести и здравого смысла, все-таки превосходит ненависть к нему всех дубиноголовых». И дальше следуют такие слова: «Они бы его сожгли, они бы заткнули ему рот, они бы заставили его замолчать, если бы не отвага его, и…» Сказанное дальше отвечает истине и свидетельствует, насколько Дантон трезво оценил ситуацию: «… поддержка партии всего из двух человек, но зато уж влиятельных». Имеются в виду Годольфин и Гарлей.

«Пишет он, может быть, и для денег, – тут же говорит Дантон, по себе знающий цену профессионализма, – но купить его все равно нельзя».

Можно быть уверенным, что таким себя хотел видеть сам Дефо.

Однако есть некий пункт, заключающий расхождения и с тем, что говорил о себе Дефо, и с тем, что сказано у Дантона. Автор «Тайной истории еженедельных обозрений» хоть и был осведомленным человеком, но все же коснуться этого пункта не мог просто потому, что совершилось все это позже. Дефо в «Призыве к чести и справедливости» о том умолчал. Не знали ничего и ранние биографы. Пожалуй, на контрасте между тем, как представлялось дело старым и современным исследователям, лучше всего выявить этот кризисный пункт в биографии Дефо.

«С тех пор, как умерла королева, я уж ничего не писал» – это заявление Дефо, и раньше ему верили на слово. Верили, что журнал «Торговец», заменивший «Обозрение», Дефо разве что редактировал, а в остальном после 1715 года он будто бы на самом деле отложил полемическое перо. Между тем к нашим дням выявлено двадцать шесть печатных органов, в которых принимал участие Дефо. Острота вопроса в том, что все это были газеты и журналы разных направлений.

Известно все это стало, разумеется, из переписки, то есть опять-таки с его собственных слов, но уже совершенно незамаскированных.

«Под видом переводчика иностранных новостей, – рассказывал Дефо заместителю нового государственного секретаря в письме от 26 апреля 1718 года, – я вошел с санкции правительства в редакцию еженедельной газеты некоего господина Миста с тем, чтобы держать ее под скрытым контролем, не давая ей возможности наносить какой-либо ущерб. Ни сам Мист, ни кто-либо из его сотрудников не догадывался, каково мое истинное направление… Благодаря такому же контролю, проводимому мной, и еженедельный „Дневник“ и „Дормерова почта“, а также „Политический Меркурий“, за вычетом отдельных промахов, считаясь печатными органами тори, на самом деле будут полностью обезврежены и лишены какой-либо возможности нанести ущерб правительству».

Учтем, у власти виги. Перечисленные газеты оппозиционны, отстаивают интересы тори, а на самом деле они, как выразился Дефо, обезврежены. Это он в органе оппозиции все так же по заданию правительства, с видом оппозиционера пишет в духе правительства. Хозяин газеты, этот Мист, считает его «своим». Вдруг Мист узнает, что даровитый и, главное, вроде бы «верный» сотрудник, помимо гонорара, получает еще одну плату – от государственного секретаря. Редактор бросается на своего корреспондента с оружием. Но Дефо не только отбился, он еще и ранил противника.

Однако же в который раз способность быть правдоподобным едва не стоила ему жизни!

Так или иначе Дефо все-таки получил удар: опозоренный, отторгнутый от политики, он поневоле замкнулся зимой 1719 года в своем доме, в пригороде Лондона.

Но, как имел обыкновение говорить в минуты житейских невзгод Чехов, «беллетристу все полезно»: несчастья оказываются нередко счастливым поводом для творчества. Обстоятельства, погубившие политическую и предпринимательскую карьеру Дефо, окончательно сделали его писателем. Творческому сознанию поистине все полезно. «Тоску и грусть, страданья, самый ад – все преобразить в красоту», – говорил Шекспир. «Действительность, материал, второй Мертвый дом», – успокаивал себя Достоевский под угрозой долговой тюрьмы. Чума, которую мальчиком помнил Дефо, выгнала из Лондона Ньютона, и, поневоле уединившись, он обдумал законы точных наук: до этого, занятый преподаванием, автор «Принципов математики» не успел сделать ничего

выдающегося.

Провал всех предприятий Дефо, тишина и пустота, образовавшаяся вокруг него, были заполнены «Робинзоном»,

ПОЛОЖЕНИЕ РОБИНЗОНА

Из книг исторических, после общих историй, самыми интересными являются биографии. Так почему же какому-нибудь умелому писателю не рассказать о человеческой судьбе, быть может, и не примерной, но все же поучительной.

Дефо в предисловии к «Истории Дункана Кембелла».

Коль скоро, по моему убеждению, очутиться на острове – это не значит уйти из жизни, то и размышления на острове вовсе не должны быть какими-то особенными, нет, нет, нисколько! Могу засвидетельствовать: чувствую себя куда более одиноким здесь, в этом скопище людском, в Лондоне, в это самое время, когда я пишу, чем чувствовал себя одиноким когда-либо за все время моего двадцативосьмилетнего уединения на необитаемом острове.

«Серьезные размышления, Робинзона Крузо»

«Среди ночи и всех наших несчастий, – рассказывает про свою первую бурю Робинзон, – один матрос, спустившись в трюм, закричал оттуда, что – течь. Другой добавил, что воды набралось уже на четыре фута. Всех кто ни есть вызвали к помпе».

Робинзона, который, подобно самому Дефо, плохо переносит морскую качку и едва живой лежит у себя в каюте, тоже требуют наверх. Он хватается за помпу и начинает качать что было сил.

Но тут по приказу капитана раздается выстрел – сигнал бедствия. Робинзон не понимает даже, что случилось, и решает, что это грохот ломающегося судна и вообще конец.

«Короче, я был так поражен, что упал замертво. Никто и не

взглянул, что со мной. На место мое у помпы встал другой человек, отпихнув меня ногою и предоставив мне лежать так, будто я был мертв. И правда, прошло немало времени, прежде чем я очнулся. Мы продолжали работать, не покладая рук…»

Вот, собственно говоря, истинно робинзоновское положение, как на то и намекал Дефо, пытавшийся всеми силами объяснить, что дело совсем не в острове. Важен уровень сознания, предельный: человек начинает от нуля, как Робинзон от палубы, на которой пихали его, словно труп, – и все-таки осознает себя. Эта шкала самосознания и самонаблюдения выдержана Дефо в каждом из эпизодов, ставших классическими: спасение вещей с корабля, след ноги, попугай, зовущий Робинзона, и пр.

След, увиденный Робинзоном, – это как тот же выстрел на корабле: сигнал крайней опасности – конец, смерть. «Ни один зверь так не хоронится в свое логово», – вспоминает Робинзон, как бежал он домой. Опять уровень низший, «звериный», нечеловеческий. Тут Робинзон как бы сам пихает себя ногой, словно труп. И пробуждается. «Я совсем не спал ту ночь. Чем дальше был я от причины моего страха, тем сильнее становились мои опасения, что, вообще говоря, противоречит природе таких состояний и в особенности обычному поведению живых существ, объятых ужасом».

У Селькирка так и не могли добиться ответа на вопрос, как же он переносил одиночество. За Селькирка на это, впрочем, ответил капитан Кук, вместе с Роджерсом снимавший его с острова: «Моряк как моряк. Прилагал все силы, чтобы остаться в живых». За четыре года одиночества Селькирк разучился говорить. Робинзон писал до тех пор, пока не кончились у него чернила.

Вымышленный, книжный Робинзон оказался правдивее и убедительнее подлинных робинзонов потому, что он не только все испытал, выдержал, но в точности, от мелочей до целого, по всей шкале, осознал, что же он выдержал. В тот момент, когда состояние, испытываемое его героем, принижает или превышает всякий человеческий уровень, Дефо заставляет своего героя не просто переносить это состояние, но и наблюдать его. Сама по себе Робинзонова ситуация, неоднократно прежде уже описанная, была придумана не Дефо. Дефо создал Робинзоново самочувствие.

Практически трудно даже определить, когда же был написан «Робинзон», что, впрочем, трудно установить в связи с Дефо почти всегда.

На короткое время возник даже о Дефо вопрос, подобный

«шекспировскому»: кто же автор? «Робинзона» приписывали Гарлею, который владел и пером и языком с трудом, искали «рукопись» самого Селькирка, который, как мы знаем, разучился говорить. Никаких сомнений скоро не осталось, и, как водится, в порядке уклона в другую крайность Дефо получил даже компенсацию с избытком. Поскольку с Шекспиром вопрос все никак не улаживался, то среди многих фантазий было высказано предположение, а не написал ли этого самого «Шекспира» все тот же Дефо. Такова репутация Дефо, который, как видно, мог прикинуться и «Шекспиром».

Но подобно тому как в борьбе с антишекспировскими версиями открыли много нового о Шекспире, так и сомнения в авторстве Дефо выявили существенный факт: «Робинзон» не был первым опытом Дефо в жанре вымышленной автобиографии. Первая так называемая «автобиография» у Дефо – это исповедь глухонемого, некоего Дункана Кембелла, лица, кстати, совершенно реального. Вот с ним Дефо был хорошо знаком, очень им интересовался, как интересовался он вообще всем особенным из области человековедения. Еще в 1717 году, за два года до «Робинзона», в печати было объявлено о скором выходе «Истории Дункана Кембелла». Объявление было, а книга так и не вышла. Дефо смог ее выпустить только следом за «Робинзоном», в фарватере нашумевших «записок моряка». Примерно то же самое случилось у Дефо и с «Мемуарами майора Александра Рампкина», который Робинзонов срок – двадцать восемь лет – скитался в Шотландии, Италии, Фландрии и Ирландии. Книга эта вышла непосредственно перед «Робинзоном» и осталась незамеченной. А вот когда она была опубликована уже после «Робинзона», то стала называться иначе, в стиле тех же «записок моряка»: «Жизнь и необычайные приключения майора и т. п.».

Итак, «Робинзон» не был первым, он был первым удавшимся крупным беллетристическим произведением Дефо. Можно допустить, что устойчивая старая версия, будто «Робинзона» поначалу отвергли все издатели, хотя сама по себе и не основательна, но все же не беспочвенна. Если «Робинзон» повлиял задним числом на судьбу своих предшественников и они стали к нему подстраиваться, то, в свою очередь, ранние неудачи Дефо могли бросить тень на последующие предания о «Робинзоне».

Какую-то рукопись Дефо в жанре «автобиографии», а может быть, и не одну, не сразу приняли издатели и тем более читатели. Была какая-то заминка, устраненная впоследствии триумфальным успехом «Робинзона».

«Робинзона» не отвергли, а, напротив, тут же стали печатать, и не один, а пять издателей, хотя одному из них, безусловно,

принадлежит первенство.

Вильям Тейлор, сын Джона Тейлора, тоже издателя, – издатель потомственный, как был потомственным купцом Дефо. Они почти ровесники и близкие соседи. Контора Тейлора под знаком «Корабля» находилась там же в Сити, в Отченашенском ряду (Патер-Ностер роу).

Тейлор был человеком серьезным. Книги издавал разнообразные, но все больше религиозные или практически полезные, так что неудивительно, если исповедь немого и записки военного авантюриста не произвели на него благоприятного впечатления. В записки моряка он поверил сразу.

И тут уж не стал медлить. Это можно проверить по записям в Регистрационном списке издателей.

Список, введенный еще во времена Шекспира, хотя и не очень надежно, но ограждал издателей от воровства, от «пиратов». Что все-таки можем мы узнать из него о «Робинзоне»? Во-первых, Тейлор записал сразу все три части «Робинзона», и это значит, что «Жизнь и необычайные приключения», «Дальнейшие приключения» и «Серьезные размышления» того же «моряка из Йорка» были у него в руках уже весной 1719 года. А вот издавал он их не сразу, выдерживая интервал в несколько месяцев, вероятно, по мере спроса. Во-вторых, спустя всего два дня после того, как рукопись «Жизни и приключений Робинзона Крузо» была зарегистрирована, книга уже вышла в свет.

По количеству опечаток и по числу печатников, которые помогали Тейлору, видно, что книга набиралась спешно. Тейлор спешил и не скупился ни на переплет, ни на бумагу, ни на шрифты, которые были лучшими, голландскими (все английское как по части мануфактуры, так и по части типографской тогда было хуже).

25 апреля 1719 года «родился» Робинзон, то есть увидел свет. Первый тираж исчисляют примерно в полторы тысячи экземпляров. 9 мая вышел второй тираж. Еще через месяц, 4 июня, потребовался третий, а 7 августа вышел четвертый тираж, или, как говорят англичане, «издание».

В Библиотеке имени Ленина есть «издание» пятое, помеченное тем же 1719 годом. Оно ничем не отличается от первого – отпечатано с тех же матриц. Солидный кожаный переплет, формат не портативный, но и не большой. И вот эта книга, способная поместиться в просторном кармане,[18] перетянула по цене треть лошади или равнялась по стоимости «полному мужскому костюму»: стоил «Робинзон» пять шиллингов, лошадь соответственно пятнадцать.

«Отец показывал мне в Крэнбруке, в трактире, заднюю комнату и говорил: – Вот здесь Дефо писал „Робинзона Крузо“» – это воспоминания старожила, а Крэнбрук – в Кенте.

Да, Дефо не раз бывал в графстве Кент (он защищал кентских граждан!), но ведь бывал он и в Бристоле, однако это еще не доказывает, будто он говорил там с Александром Селькирком. Точно так же Кент не имеет оснований считаться колыбелью «Робинзона Крузо». И все-таки даже новейшие туристические справочники зазывают вас поехать в Крэнбрук… Еще бы! «Там Дефо писал „Робинзона Крузо“!»

Это такие легенды, в разрушении которых не заинтересованы ни туристические гиды, ни местные граждане. Попробуйте выразить сомнение в том, что «Приключения Алисы» Льюисом Кэрроллом написаны в Ландундно: «Нет, именно здесь! И здешние кролики подсказали ему фигуру Белого Кролика». Не помогут вам никакие факты, даже указание на то, что в Ландундно ни сам Льюис Кэрролл не бывал, и не было там кроликов. Ничего не поможет, потому что Белому Кролику в Ландундно уже памятник поставлен, да и живых кроликов развели предостаточно. А если где-нибудь в Шотландии посмеете сказать, что Роберт Берне не собственно шотландский поэт и что язык шотландский он использовал только для стилизации (а это совершенно очевидно, в особенности при сравнении стихов «славного Робина» с настоящими песнями шотландских бардов), все же если вы только попробуете заикнуться об этом, то придется вам пенять на себя!

Что Крэнбрук! Если «спорили семь городов о рождении чудном Гомера», то несколько островов все еще претендуют на то, чтобы считаться «островом Робинзона Крузо», хотя здесь уж кажется, что у Мас-а-Тьерра из архипелага Хуан-Фернандес соперников быть не может, как нет у нашей грешной земли других естественных спутников, кроме Луны.

Кент – прекрасный край, и дело, понятно, не в географии, а в «биографии» книги. «Приключения Робинзона» полны не только духом странствий. Книга эта вобрала в себя немало других книг, которые находились у Дефо под рукой. Книги, карты – все это было в Ньюингтоне, под Лондоном.

Вопрос, где был написан «Робинзон Крузо», – это, в сущности, вопрос о том, как был он написан.

Дефо взялся за хорошо известный факт. Переменил имя героя.

Перенес действие из Тихого в Атлантический океан, от

берегов Чили к берегам Бразилии, в устье реки Ориноко.

Отодвинул действие на эпоху назад.

Увеличил срок пребывания своего героя на острове в семь раз, а саму историю против прежних сочинений – на сотни страниц. Суть, конечно, не в количестве страниц, а в том, что и как сумел рассказать о Робинзоне Дефо.

Рассказал он о том, чего не могли рассказать ни Роджерс, ни Кук, ни сам Селькирк, перед чем остановился опытный журналист Ричард Стиль. Автор «Необычайных приключений» поведал о том, как пережил одиночество «моряк из Йорка».

История Александра Селькирка явилась исходным источником «Необычайных приключений». Эта история, изложенная до Дефо в пяти вариантах, сыграла роль начального импульса. Тем более что в 1718 году вторым изданием вышли путевые записки Роджерса. А за журналом «Англичанин» Дефо, как мы знаем, следил с пристрастием, и если очерк Стиля не вызвал у него особого внимания в свое время, то уж, наверное, он все-таки не пропустил его.

Брошюра «Превратности судьбы», будто бы «написанная собственной рукой» Селькирка (а в действительности списанная у Роджерса), сохранилась в архивах Гарлея, там же, где были обнаружены письма Дефо.

Исследователи выявили, кроме того, целый ряд других книг, использованных Дефо. Как и записки Роджерса, это путевые дневники, документальные и поддельные, составлявшие в то время целую литературу. Прежде всего совершенная классика жанра: «Открытие Гвианы» Уолтера Ралея и многотомные «Путешествия» адмирала Дампьера. Это книги Нокса, Генри Питмена, Хаклюйта, Перчаса, Макса Миссона и Афры Бен, в которых найдем мы и приключения, и пиратов, и остров (у Нокса – Цейлон), и человека на нем.

Причем от первого тома к третьему, поскольку Робинзон проявлял все большую активность, Дефо расширял круг подобных источников. Это в первом томе Робинзон только на пятидесятой странице из трехсот попадает на остров и как-то задерживается на нем, а во втором томе разбогатевший Робинзон уже отправляется, что твой Дампьер, вокруг света. Для всего лишь нескольких страниц, посвященных путешествию Робинзона по России, Дефо, как показал М. П. Алексеев, потребовалась буквально библиотека.

Из одного источника Дефо почерпнул ситуацию – человек в одиночестве, другой подсказал ему Робинзонов маршрут, третий

– какое-нибудь описание. Источники можно было бы поделить на две большие группы – подсобные и конструктивные. Подсобные – это материал, который еще надо было обработать. Из таких источников Дефо преимущественно брал отдельные факты. Второго рода источники, как те же «Превратности судьбы» – «собственную руку», подсказывали ему повествовательный прием, сюжетную ситуацию, одним словом, конструкцию.

Книга, о которой до сих пор почему-то вовсе не говорят как об источнике Робинзоновых «Приключений», – это автобиография Дантона, все того же Джона Дантона, оказавшего, безусловно, формирующее влияние на Дефо.

После провала очередных предприятий и проектов, скрываясь от долгов, как это приходилось делать и Дефо, друг его юности опубликовал свою историю, которую так и назвал «Жизнь и прегрешения Джона Дантона». Книга не имела успеха, и мы даже не можем сказать, насколько была она известна Дефо. Однако была, и «Робинзон» написан после этой книги, и не только хронологически, но и с усвоением сделанного Дантоном, этим великолепным выдумщиком, блистательным стилистом. «Жизнь и прегрешения», как замечательный документ эпохи, высоко оценил Лесли Стивен, выдающийся английский критик прошлого века, написавший одну из лучших статей о Дефо. Почему не сопоставил он исповедей Дантона и «моряка из Йорка»? Что ж, ему было виднее, но факт: друг Дефо, внедривший в сознание будущего автора «Робинзона Крузо» некоторые идеи, владевшие Дефо всю жизнь («правдоподобная выдумка» и проекты), дал и образец автобиографических записок.[19]

И наконец, надо указать два крупнейших ориентира, на которые равнялся Дефо. Один мы уже называли – Шекспир. Другой – «Дон-Кихот». Это была любимейшая книга Дефо. Когда «Приключения Робинзона» стали уничижительно третировать как всего лишь вариант «донкихотства», в смысле вымышленности, Дефо ответил: «Меня хотели оскорбить этим и не знают, как на самом деле польстили мне».

Откройте «Робинзона», откройте «Дон-Кихота» и сравните первые страницы: «Мне дали имя Робинзон, отцовскую же фамилию Крейцнер англичане, по их обычаю коверкать иностранные слова, переделали в Крузо». В начале «Дон-Кихота» сказано так: «Говорили, что назывался он Кихада или Кесадо, но, по более верным догадкам, имя его было, кажется, Кихана». Так что пусть под знаком минус, но критики попали в цель. И это не только частичное совпадение первых строк, это начало серьезно-увлекательной «игры» с читателем, которая выдерживается на протяжении всей книги и законы которой в предисловии и по

ходу дела обосновал Сервантес.

Географически «Приключения Робинзона» устремлены туда, куда стремилась мысль Дефо по меньшей мере на протяжении тридцати пяти лет. Географически и экономически – планы освоения, заселения Южной Америки или торговли с ней, хотя бы через Испанию, и при этом как с тихоокеанского, так и с атлантического берега.

Несмотря на некоторые географические ошибки и нелепости, в «Робинзоне» все с умыслом, все четко ориентировано. И если где-то Дефо ошибается, то вместе со всеми своими современниками.

Есть в «Приключениях Робинзона», как мы сразу сказали, и ориентация историческая, во времени. Прежде всего срок Робинзонова пребывания на острове: не больше и не меньше, а двадцать восемь лет, то есть ровно столько, сколько продолжалась Реставрация. В затянувшиеся «золотые деньки принца Чарли» и недолгие, но тревожные годы правления Джеймса II таким, как Робинзон, только и оставалось отсиживаться где-то в стороне.

Поэтому в отличие от реального моряка из Ларго «моряк из Йорка» пробыл на острове не четыре года, а в семь раз больше: именно семь, так чтобы получилось двадцать восемь: от крушения республики к «славной революции».

Нам в самом деле не суть важно, что Робинзон – это купец, напуганный буржуазной республикой, разочарованный Реставрацией и вдохновленный совершившимся наконец умеренным взаимоприспособлением старых порядков и «новых хозяев». А Дефо именно ради того, чтобы показать историческое становление такого Робинзона, отодвинул действие своей книги назад почти на целый век.

Однако, присматриваясь к Робинзону, исследователи находят, что он все-таки не сумел объяснить мотив своего бегства. Вот Селькирк – понятно: седьмому сыну сапожника, кроме как в море, другой дороги к «удаче» не было. А куда еще было деваться Моль Флендерс, которая родилась в тюрьме? Или Боб Синглтон, с малолетства украденный у матери. Или «полковник Джек», который воровать начал, как он сам выражался, «совсем мальчишкой». Но Робинзон из хорошей семьи, с образованием, сын купца, будущий адвокат, ему-то зачем становиться «другим»? Так называемый «зов моря»? Всякий, кто читал книгу более или менее внимательно, помнит, до чего мерзко чувствовал себя Робинзон на воде.

Парадоксы бывают всякие, и сам адмирал Нельсон страдал

морской болезнью: так и плавал всю жизнь с тазиком под рукой. Джозеф Конрад, знаменитый «морской писатель», а в прошлом капитан, определенно не любил моря. Это засвидетельствовали люди, хорошо его знавшие. Однако те же люди рассказывают, что он любил: борьбу со стихией. «Любил» не означает испытывал удовольствие от этой борьбы. Ведь борьба страшная и большей частью, как считал Конрад, безнадежная. Но даже если человек и не победит практически, он выстоит в этой чудовищной схватке нравственно – в это верил Конрад, ради этого ушел в море и писал впоследствии о нем. Его так называемые «морские» произведения, по существу, антиморские.

А что Робинзон? Чем он на острове занимался? Селькирк понятно: прилагал все силы, чтобы остаться в живых. Образ его действий определялся задачей самой элементарной – выжить.

«Сначала, – рассказывал о Селькирке Роджерс, – он почти ничего не ел, отчасти из-за отчаяния, охватившего его, а отчасти из-за отсутствия хлеба и соли. И спать он не ложился до тех пор, пока его сам собой не сваливал сон. Перечное дерево, отличающееся сухостью, служило ему и дровами, и освещением, и благодаря острому вкусу освежающим средством. У него могло быть сколько угодно рыбы, но без соли он не всякую рыбу ел, потому что иначе у него начинался понос. Есть можпо было только раков, больших, как омары, и очень вкусных. Он их иногда варил, иногда запекал. Кроме того, жарил козлятину, из которой делал и очень хороший бульон, потому что тамошние козы не были такими вонючими, как наши. Он подсчитал, что примерно убил около пятисот штук этих коз, столько же поймал и, сделав им на ухе отметину, отпустил. Когда у него кончился порох, он догонял коз просто благодаря быстроте своих ног. Такой образ жизни и непрерывные упражнения вывели его из плохого расположения духа. Мы могли видеть, как он бегал по лесу, по скалам, по холмам, когда он ловил коз для нашего употребления. У нас была с собой собака, бульдог, и мы ее пустили вместе с нашими лучшими бегунами вдогонку за козами, чтобы помочь Селькирку. Однако он обогнал и собаку и людей, он просто загонял их и, поймав козу, принес ее нам на плечах».

Помимо предметов первой необходимости, ему на острове оставили, должно быть, по его просьбе, не только Библию, но и другие еще книги. Но Селькирк как-то не рассказывал ни Роджерсу, ни Стилю, чтобы он открывал их.

«Слушать его было любопытно до крайности, – сообщил Стиль, – ибо, как человек со смыслом, давал он отчет о различных состояниях духа, испытанных им за время столь долгого одиночества». Однако при всей своей литераторской опытности

Стиль не описал ни одного из таких духовных «поворотов». Это сделал Дефо, но у него другая история, про другого человека, который соображает даже в тот момент, когда его считают уже бесчувственным бревном.

Как развил Селькирк в себе способность гоняться за козами, так проявил он и «животную» выживаемость в условиях, к которым легко было приспособиться: завезенные козы плодились сами по себе, как буйно разрослась репа, однажды посаженная беглыми матросами Пикеринга. Робинзон очеловечил «звериные» условия. Те же дикие стада коз он включил в свое правильное скотоводческое хозяйство. Дикий виноград стал выращивать на винограднике и, получив урожай зерна, начал выпекать хлеб. Робинзон непрерывно в поте лица своего трудится. Ему временами приходится тяжело до крайности, однако при любых условиях не совершает он ни одного вот такого усилия, как Селькирк, превзошедший выносливостью собаку.

Селькирк – факт, Робинзон – «фикция», вымысел (словом «фикция» англичане и назвали художественную литературу). Но каким бы ни был Селькирк, вот таким хотел Дефо видеть Робинзона.

Робинзон, конечно, романтик, только чего? Самого, с нашей точки зрения, прозаического занятия – предпринимательства.

«Робинзон, – говорил Маркс, – спасший от кораблекрушения часы, гроссбух, чернила и перо, тотчас же, как истый англичанин, начинает вести учет самому себе. Его инвентарный список содержит перечень предметов потребления, которыми он обладает, различных операций, необходимых для их производства, наконец, там указано рабочее время, которого ему в среднем стоит изготовление определенных количеств этих различных продуктов».[20]

Иначе говоря, всеми силами старался сохранить привычки «домашние». Не новую жизнь на острове отт начал, а воссоздавал условия, необходимые ему для продолжения прежней своей жизни, и не только лично своей.

Вот Робинзон спасся, он выстоял, он укрепился и развернулся на острове, и пещеру свою он, между прочим, называет «замком», себя воображает властелином обширных владений, у него есть и подданные – вассалы, хотя это всего лишь кошки, собака, попугай и козлята. Короче, будто большой ребенок, Робинзон играет в «старую веселую Англию», и мечты его оказываются парадоксально старомодны.

В поисках идеала сознание его обращается к исторической памяти нации, туда же, куда устремлял свои мысли Шекспир: «Покажите силу полей, вскормивших вас» («Генрих V»). Через

Робинзона Дефо вспоминает тот же призрачный мир патриархальной гармонии, память о котором вдохновляла Шекспира. «Самый мрачный философ не удержался бы, я думаю, от улыбки, если бы увидел меня с моим семейством за обедом», – говорит Робинзон. От Чосера через Шекспира и Дефо до Диккенса, через всю историю английской литературы, сохраняется все та же улыбка, возникающая каждый раз, когда представляется случай взглянуть в ту сторону – «я с моим семейством».

Это была ведущая иллюзия Дефо, владевшая им так же прочно, как мысль о том, что с помощью замысловатого аппарата можно поднимать со дна морского затонувшие сокровища. Он хотел видеть мир продолжением «старой веселой Англии».

Современных читателей иногда смущает тот факт, что Робинзон не только купец, но и колонизатор. Он наивно-слабый колонизатор! Он колонизатор-романтик, как были у Дефо пираты-романтики, устроившие на острове Мадагаскар страну Свободию. Устроили все по чести и совести, не грабили, не убивали, но в результате погубили Свободию, потому что они были все-таки пираты, и встал перед ними жесткий выбор: либо становиться «другими», либо продолжать пиратствовать.

А сам Робинзон? Исповедь его рассказывала о том, как вопреки всему человек не изменил себе. Да, вместо хищнической погони за удачей, которой хотел заняться молодой, побуждаемый авантюрным духом времени Робинзон, тот Робинзон, что оказался на Острове Отчаяния, добился всего своим трудом. Робинзон из дома бежал ради смелого предприятия, а вернулся к родным берегам тридцать пять лет спустя торговцем-предпринимателем. Он остался кем был – сыном купца, братом офицера, моряком из Йорка, родившимся в 30-х годах XVII столетия, в канун грядущей буржуазной революции.

Книгу о Робинзоне заметно отредактировало время, равно как смыло оно с античных статуй варварскую позолоту или «подсушило» тучного датского принца. Время имеет свои основания на такую «правку». Но ведь правда, в реальность иногда поверить труднее, чем в вымысел. И не переубедишь ни туристические справочники, ни молву, которая твердит, что «Приключения Алисы» написаны в Ландундно, а «Робинзон» в Кенте. Памятники поставлены этим «фикциям» так же, как увековечена на Мас-а-Тьерра «скала Робинзона», а не хижина Селькирка.

Выпустив «Робинзона», Тейлор значительно расширил свое

дело. Спрос на «Приключения Робинзона» был так велик, что без ущерба для своих коммерческих выгод автор и издатель, кроме отдельной книги, пошли на печатание романа в журнале. Пионер во многих отношениях, «Робинзон» и в этом смысле оказался первым – первым романом, печатавшимся с продолжением на страницах периодического органа.

Явившись в свет, Робинзон пережил ту же судьбу, которую до него испытал Дон-Кихот, а после него Гулливер, члены Пикквикского клуба и Шерлок Холмс: читатели требовали второго тома! Отвечая на читательский спрос, Дефо и Вильям Тейлор ждать себя не заставили. Тиражируя одно за другим «издания» первой книги о Робинзоне, Тейлор четыре месяца спустя публикует «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо».

Однако уже не с той доверчивостью, как в первый раз, последовали читатели за «моряком из Йорка» в дальние края.

И все-таки и «Дальнейших приключений» оказалось мало, читатели по-прежнему требовали: «Дальше!» Тогда год спустя Дефо выпускает третью и последнюю часть – «Серьезные размышления в течение жизни и удивительные приключения Робинзона Крузо». Успеха эта книга вовсе не имела.

Но первая часть – «Жизнь и необычайные приключения Робинзона Крузо», то есть всем известный «Робинзон», в самом деле недаром вышла в свет под издательской вывеской Корабля: ветер удачи дул в паруса, и книга Дефо двинулась дальше, в другие края и сквозь века.

ПРИЕМЫ ВЕРИФИКАЦИИ

Издатель уверен, что этот рассказ есть изложение действительных событий без малейших признаков вымысла. Поэтому он полагал, имея в виду пользу читателя, что попытки улучшить или изменить что-либо в этой истории только бы повредили ей. Так что, не заискивая большого внимания света и печатая эту историю таковой, какова она есть, издатель надеется, что тем самым он делает услугу читателям.

Предисловие к «Приключениям Робинзона Крузо»

Написано это таким же «издателем», каким Дефо был «моряком», «глухонемым», «пиратом», «кавалером», «падшей женщиной» и т. п., короче говоря, написано им самим.

В редких современных изданиях перепечатывается это предисловие, а между тем это некий договор, заключенный Дефо однажды с читателями, который и по сей день остается в силе.

Когда открываешь книгу о Робинзоне – первое издание, видишь портрет (конечно, «портрет»), видишь указание «написано им самим», читаешь предисловие («предисловие») и стараешься представить себе взгляд читателя того времени, то, право, все настраивает на совершенно серьезное восприятие всей истории как безусловной правды.

Но присмотримся…

«Я родился в 1632 году в городе Йорке в хорошей семье, происходившей, впрочем, не из этих мест», – первые строки, как и несколько последующих, мы еще читаем, а затем, вовсе не замечая, что же мы делаем, мы просто слушаем рассказ «моряка из Йорка» обо всем, что было пережито и описано «им самим».

С «Приключениями Робинзона» знакомятся, как правило, еще в детстве, то есть воспринимают безотчетно, и у большинства на всю жизнь так и остается, не обновляясь, но и не ослабевая, детское впечатление от этой книги. Но детское впечатление от

«Робинзона» в принципе несокрушимо. Это проверяется само собой, если книгу перечитать зрелым взглядом.

Возврат ко многим книжным впечатлениям детства опасен утратой иллюзий: оказывается, в книге нет того, что мы (или нам) в ней когда-то читали. Собственно, и книги-то нет, механизм устарел и не действует. Но стоит когда бы то ни было вновь открыть «Робинзона», как все начинает действовать: «родился в городе Йорке в хорошей семье», получил воспитание, образование, но «ничего этого мне нужно не было, а только бы уйти в море»… В знакомых строках мы читаем новое, видим больше, однако прежние, самые первые впечатления не упраздняются, они только развиваются, двигаясь вширь и вглубь все от того же источника – однажды совершившегося творческого чуда.

Каждый читатель в своем отношении к «Робинзону» повторяет урок истории, подтверждая неслучайность однажды сложившейся ситуации, сделавшей эту книгу образцом общедоступного и увлекательного чтения. Одни читали и всему простодушно верили, другие читали и, понимая, как это делается, все-таки находили, чему верить. Принимаясь за «Робинзона», одни читали в нем о приключениях, другие вычитывали нравственно-философскую доктрину. При любых обстоятельствах и в любых руках книга успешно выполняла программу «правдивой выдумки», однажды объявленную Дефо и заключавшую в себе идею творческого претворения факта. Это поистине «честный обман» читающей публики, когда, как у фокусника, делаются таинственные приготовления, а в тот момент, когда внимание зрителей, достаточно отвлечено, платок просто перекладывается из одного кармана в другой. Так и автор «Робинзона», занимая наше внимание вроде бы не идущими к делу подробностями, заставляет нас, говоря попросту, развесить уши, и мы доверяемся всему, что только он ни скажет.

Что ни говорит и ни делает Робинзон, оказывается ново для нас и увлекательно. Мы слушаем его так, словно он говорит, «каким-то демоном внушаем», и, даже зная, что все выдумано, поддаемся, как наваждению, невероятной достоверности рассказа.

Описывает ли Дефо жизнь на луне или на необитаемом острове, излагает «Политическую историю дьявола» или же ведет «Дневник чумного года», он прежде всего просто передает простые действия и благодаря этому убеждает в невероятном, собственно, в чем угодно – какая-то пружина изнутри толкает слово за словом: «Сегодня шел дождь, взбодривший меня и освеживший землю. Однако сопровождался он чудовищным

громом с молнией, и это до ужаса напугало меня, я встревожился за свой порох». Просто дождь, в самом деле просто, не задержал бы нашего внимания, а тут все «просто» только на вид, на самом же деле – сознательное нагнетание подробностей, деталей, коими в конце концов и «цепляется» читательское внимание – дождь, гром, молния, порох… У Шекспира: «Вой, вихрь, вовсю! Жги, молния! Лей, ливень!» – космическое потрясение в мире и в душе. У Дефо – обыденное психологическое оправдание беспокойства «за свой порох»: начало того реализма, какой найдем мы в каждой современной книге подобно тому, как в каждом учебнике физики есть Ньютон.

Рассказывается о вещах самых невероятных через обыкновенные подробности. «Ночь я провел на дереве, опасаясь диких зверей. Все же спал я крепко, хотя всю ночь лил дождь». Едва ли сам Дефо ведал, каково это бояться диких зверей и как спят на дереве, но что значит попасть под ливень, известно каждому. Робинзон, однако, не проснулся, хотя лил дождь, к тому же спал он на суку, да еще опасался быть съеденным… Так получается в книге крепкий сон, и все остальное получается как бы «само собой».

Очутившись на острове, Робинзон всего-навсего копает, пилит, строит, шьет, ходит, ест, ложится спать, просыпается утром, а мы не отрываясь следим за простыми этими действиями Робинзона. Нам вдруг делается интересно, как это человек надевает шляпу на голову или кладет в рот кусок хлеба. Сооружение мебели, если можно сказать тут «сооружение», описывается подробно, поделка стула занимает страницу, а охота на льва упомянута между прочим. И это-то и есть обещанные «странные и удивительные приключения»?! Действительно, выходит странно и необычно после всевозможных «приключений» и «путешествий»!

Критики сразу же разглядели, что достоверность и дотошность «Робинзона Крузо» – фикция.

Чарльз Гилдон, поначалу друг, а затем враг Дефо, со злорадным торжеством отметил: Робинзон рассказывает по своему обыкновению со всей основательностью, как он уже на острове увидел в море затонувший корабль, решил побывать на нем, совершенно разделся и пустился вплавь, а на корабле сухарями набил карманы. Почему такие погрешности не нарушают правдоподобия?

Свифт, прекрасно понимая, как это делается, взялся повествовать с той же «правдивостью», доводя ее на глазах у читателя до невероятия, до пародии. Однако результат вышел

неожиданным для Свифта: в Гулливера поверили точно так же, как верили в Робинзона! Под пером Свифта тот же повествовательный способ стал действовать сам собой, совершилось то же самое чудо, создавалось то же самое искусство. Все, на что оказался способен Свифт, так это не разоблачить Робинзона, а создать равного ему Гулливера.

Дефо пользовался теми самыми рецептами убеждения, над которыми Шекспир в свое время посмеялся. В шекспировской комедии «Сон в летнюю ночь» была выведена прямо на сцену публика будущего, ватага ремесленников – представители среды, которая разрастется, упрочится и со вкусами которой надо будет считаться создателю «Робинзона». У Шекспира эти люди сами решили стать актерами, и они хотят «показать все по правде». Однако вместо правды получается у них нелепость, ибо разницы между жизнью и сценой они не чувствуют и не владеют основным выразительным средством шекспировского театра – картинным словом. Желая «устроить луну», вешают они фонарь, а между тем, чтобы получилась на сцене луна, надо, по Шекспиру, сказать: «Смотри, как лунный свет уснул на мраморных ступенях…» Одним словом, эти ремесленники, вторгшись на сцену, в сферу искусства, не владеют искусством, да они его и не признают! Поэтому, когда Дефо будет писать для подобной публики – а в отличие от Шекспира будет он писать в основном для такой публики (Шекспира смотрели многие, а читали совсем немногие), – он предложит им искусство как бы безыскусное. Дефо все устроит, только не на уровне любительского простодушия.

Нет, не Дефо первым решил писать «просто». Едва ли не каждый прозаик его поры говорил о том, что стремится «представить людей такими, каковы они есть».

Но именно Дефо был первым состоятельным, то есть последовательным до конца, создателем простоты. Он осознал, что «простота» – это такой же предмет изображения, как и любой другой, как черта лица или характера. Разве что наиболее сложный для изображения предмет.

Когда Дефо посмотрел шекспировскую «Бурю», то, кроме ситуации – остров и мудрец на острове, отметил еще и ту сцену, где духи, аукаясь и откликаясь, заводят подгулявших моряков в чащу леса. На этом Дефо, как «дух», построил свои отношения с читателями: «аукаясь», показывая разные правдоподобные подробности, ведет он за собой нас через всю книгу… И все так просто.

После «Робинзона Крузо» литература, английская и мировая,

продолжала свое движение вместе со временем, развивалась, открывала новые средства повествования, изображения, анализа, а потом вдруг вспоминала Дефо и возвращалась к нему, как бы сверяясь с нормой. Так, на рубеже прошлого и нынешнего веков прозаики, изощрившиеся в приемах до предела и, казалось бы, далеко ушедшие от него, именно у Дефо нашли много «современного». Простой и ясный слог, который сам Дефо называл «домашним», умение смотреть на «современность» исторически, трезво и проницательно, способность показать «современного человека» частицей истории – такова «норма Дефо».

СЕРЬЕЗНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ И НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

– Ха-ха-ха!

– Охо-хо-хо!

– Ну, штурман, потешил!

Кроме табачного дыма, кают-компания «Веймута» наполнилась еще и хохотом. Долго не могли успокоиться «морские волки». Наконец сам капитан сквозь слезы из себя выдавил:

– А ну валяй, рассказывай еще раз! Несколько голосов сразу стали требовать:

– Про козу давай!

Но рассказывать уже больше и не нужно было. Одного слова «коза» оказалось достаточно для того, чтобы капитана скрючило от нового приступа смеха. Второй штурман так зашелся, что едва не проглотил дымящейся трубки. А шкипер встал на четвереньки и заблеял: «Бе-е-е!» Веселью не было границ.

– Да, – проговорил капитан в тишине и задумчивости, какая бывает после шума и хохота, – уж это, я понимаю, приключения! А по книге выходит, что ты все больше священное писание читал.

Еще похохотали.

– Нет, – вставил свое слово капитан, – наверное, ты ему сам все не по правде рассказал.

– Клянусь честью моряка, говорил все как есть!

– Стало быть, он забыл или напутал что-нибудь…

– Так ведь у него же мои бумаги были.

– Какие еще бумаги?

– Писанные и переданные ему вот этой самой рукой! – отвечал первый штурман, вытянув вперед свою руку, на которой опытный взгляд без труда различил бы и следы цепей, и царапины, нанесенные то ли в труде, то ли в драке.

– Брешешь!

– Слово моряка! Спросите госпожу Дамарис Даниель из Бристоля, дело было у нее на глазах, в ее доме, где я тогда квартировал.

Если бы в ту минуту «Веймут», стоявший на Плимутском рейде, взял курс на Бристоль и кому-нибудь из команды вздумалось проверить слова первого штурмана, то, безусловно, госпожа Дамарис оказалась бы налицо. Да, мореход Александр Селькирк останавливался у нее… дай бог память… лет с десяток тому назад. Грубоватый господин, ну, моряк как моряк, зато

денег у него тогда было хоть отбавляй. Платил за квартиру исправно. Да, беседовал он с каким-то сочинителем (имени не припомню) и рассказал ему свою историю. Все верно, только надо учесть, что узнала все это госпожа Дамарис от того же Селькирка. Нет, сама она видеть ничего не видела. Но он ей так сказывал. (Попали эти «факты» даже в Британскую энциклопедию и приводились в ней по меньшей мере до издания шестнадцатого, до наших дней.)

– Ладно, – проговорил первый штурман, – я на этого сочинителя не в обиде. Пусть его пользуется за счет бедного моряка.

– Хозяин, за рукописью пришли!

– Сейчас, сейчас, – отозвался Дефо, не отрывая глаз и руки от бумаги.

Но пришедший уже стоял на пороге.

– Все пишешь? – загремел он. Это был Тейлор, издатель.

– Все пишешь, – шумел он, – а печатать когда? Наборщики ведь простаивают.

Кивком головы Дефо указал на кипу листов, лежавших на столе. Осторожно издатель взял уже написанное. Разве можно сравнить этот жест с движением тех же рук, которые месяца два-три тому назад взяли у него точно такую же пачку исписанной бумаги!

«Ну, – сказал тогда Тейлор нехотя, – оставьте. Посмотрим, что ваша писанина потянет…» И не прошло трех месяцев, а как переменились и движения рук, и голос! Сам пришел. До чего осторожно бумажки складывает. Странички разглаживает и укладывает листы поровнее.

А тогда стоял Дефо со своей рукописью перед этим еще молодым, но располневшим человеком, который смотрел на него и вроде бы не видел. Нет, издатель знал прекрасно, кто был перед ним. Еще бы! Приметы и в полицейском листке были обозначены. Все читали: смуглый, нос крючком. А вот и родинка! Этот знаменитый прыщ, то ли родимое пятно, то ли бородавка, выводивший всех из себя. Да, Тейлор, как и все, достаточно знал этого субъекта. Знал, что ему иногда руку министры подают, а иногда ни в один порядочный дом его не пускают. Вот и сейчас, чего он именно к нему явился? Всю издательскую улицу, должно быть, обошел, и, видно, везде отказ…

Это была правда. Один за другим издатели закрывали перед ним двери. И они его тоже знали. Потому и закрывали, что знали.

– Если ты, скотина, задержишься у моего порога еще несколько минут, я позову констебля, и тебя опять препроводят

туда, где тебе место!

Говорили еще и по-другому, но, в сущности, то же самое:

– Не вовремя, друг ты мой, здесь у нас появился. Говорили просто:

– Проваливай!

Тейлор также знал, что хлопот с ним не оберешься. Кто же станет отрицать, что у этого человека перо в руке? Перо даже слишком бойкое! А это что он такое приволок? Не прикасаясь к протянутой ему рукописи, Тейлор покосился на заглавие. «Эк его, во всю страницу накатал!» Он заметил слова: «Необычайные приключения… моряка из Йорка… Написано им самим».

– Где взял? – спросил Тейлор у Дефо, потому что был этот щелкопер такой же «моряк», как он, Тейлор, индийский раджа.

Вместо ответа Дефо постучал пальцем по лбу.

– Опять обман, значит? – спросил Тейлор.

– Честный обман, – отвечал Дефо.

– Обман есть обман, – не уступил Тейлор, но в самом звуке слов Дефо услыхал он голос опыта, умудренности, которую сам Тейлор выше всего ценил в людях.

– Кому сейчас выдумки нужны, – все еще не сдавался он, – когда правды сколько хочешь? Сейчас каждый купец такого порасскажет…

– Эта выдумка правдивее правды, – сказал Дефо. И опять Тейлор услыхал все тот же авторитетный голос, который, случалось, само правительство выслушивало.

– Ладно, оставьте, посмотрим, что ваша писанина потянет.

Издатель взял рукопись, но так, что чуть было не рассыпал всю по полу. Он читать ее, понятно, пока не стал. Издатель до чтения охотником не был да и в грамоте был 1 не слишком силен.

И вот тот же Тейлор. Как бережно те же руки обращаются с исписанными листками… Дефо положил на мгновение перо.

– Пиши! Пиши! – забеспокоился Тейлор, уже совсем собравшись уходить.

Мельком кинул он взгляд на первую страницу и разобрал слова: «Новое путешествие вокруг света».

– Далеко же ты, брат, собрался! – отметил Тейлор, однако с удовлетворением.

– Ты, – продолжал он, – уж по первому разу вкруговую поезжай, – Тейлор как бы опоясал руками земной шар, – а потом, бог даст, глядишь, и вдоль всей вселенной поедем.

Он показал путь, как мы бы теперь сказали, по меридиану.

– Не выйдет, – отозвался Дефо, опять взявшись за перо, – не поверят.

– Как не поверят? – изумился Тейлор. – Обязательно поверят!

Ты только пиши.

– А ты сам-то первую часть читал? – спросил Дефо.

Тейлор даже обиделся.

– Разве мое дело читать? Если я читательством займусь, кто же книги выпускать станет? Или ты, вместо того чтобы писать, пойдешь торговаться с наборщиками? Издателю читать некогда, издатель и не читамши должен учуять, чего писанина стоит.

Он так выразительно изобразил способность издателя постигать смысл книги, не читая ее, что Дефо даже рассмеялся.

Но и попробуй опиши все как есть! Поймай между двумя жестами целую жизнь, всю судьбу его. Попробуй глаза эти передать, в которых и плутовство, и проницательность, и тупость, и такое в самом деле цепкое чутье. Пользуешься приключениями… Ездишь в далекие земли, хотя бы на бумаге. А зачем? Вот идет жизнь без приключений, без главы первой и тома второго, а все время идет, и все время совершается с нами все, что совершиться может. И это самое важное, самое интересное, но попробуй опиши!

– Ладно, заболтались! – сказал Тейлор. – Побегу я! А ты пиши. Вечером-то я еще приду.

«Что-то он чересчур полноват стал, – подумал, глядя вслед издателю, Дефо, – и одышка его, видно, мучает. Так он долго не протянет».[21]

Как только за Тейлором закрылась дверь, Дефо поднялся и подошел к книжной полке. Сплошным слоем, до потолка, виднелись во всю стену переплеты. В кабинетном море Дефо чувствовал себя хорошо. Книги вроде бы сами попадались ему под руку и открывались на нужной странице.

После «Приключений Робинзона» Дефо строчил роман за романом. Вернее, выпускал роман за романом. Книги следуют друг за другом так плотно или даже движутся параллельно друг другу, а подчас теснятся в такой густоте, что представить себе, когда и как в самом деле все это было написано, практически невозможно.

Возьмем 1722 год. Он считается у Дефо «годом чудес», временем исключительной производительности. Выходят «Хроника о чуме», «Моль Флендерс», «Полковник Джек». Это вершины, которые видны на литературном горизонте до сих пор. А если мы подойдем к тому времени ближе, то увидим, помимо «Дневника чумного года», еще и специальное сочинение о мерах но борьбе с чумой. Тогда же вышли в двух томах политические письма Дефо. Его же сочинение «Сватовство священника», опять-таки специальный трактат на тему о матримониальных

проблемах служителей церкви. Если нам это не особенно интересно, то, насколько тема занимала самого Дефо, говорит хотя бы объем этого труда – триста пятьдесят страниц. И это еще не все! В том же году Дефо выпустил «Краткий очерк о парламентских дебатах», а также «Историю архиепископов и епископов, которые подвергались гонениям со времен Вильгельма Завоевателя до настоящего времени», то есть за семь столетий – с XI по XVIII век. Правда, очерк довольно краткий, в семьдесят пять страниц. Но ведь и семьдесят пять страниц написать надо, добавив их к тысяче с лишком тогда же написанных страниц. Не говоря уже о том, что все это время Дефо непрерывно продолжал сотрудничать в журнале Миста, в журнале Эпплби, и в «Ежедневной почте».

В приключенческо-морском жанре ничего подобного «Робинзону» Дефо по уровню, конечно, не написал. Но сколько вообще им написано о море! Не говоря о «Приключениях и пиратстве капитана Синглтона», книге, пусть не великой, но все же первостепенной, у него появился целый ряд морских «Путешествий», в том числе действительно «Новое плаванье вокруг света». Он написал несколько отдельных пиратских биографий и «Всеобщую историю пиратства». В 1719, «робинзоновом» году вышел «Король пиратов, или Отчет о знаменитых предприятиях капитана Звери», а в следующем вместе с «Капитаном Синглтоном» появился «Исторический очерк плаваний и приключений Уолтера Ралея».

О сомнительных «героях дна» вовсю тогда писала пресса. Но один Дефо опубликовал переписку с Джеком Шеппардом. Конечно, «переписку», но Джек от нее пе отказывался, как и Селькирк не прочь был признать свою причастность к книге, будто бы «написанной им самим».

«Весь год был он занят подготовкой своего „Путешествия по стране“», – пишут биографы про год 1723-й. Но, должно быть, так будет точнее: был занят и «Путешествием по стране», потому что в том же году вышла еще «История Петра».

У Дефо, возможно, и черновиков не было. Вариантов тоже. Некогда было сводить и сюжетные концы с концами. На обложке «Полковника Джека» обещано, что в конце книги он сделается генералом и будет участвовать в яковитском восстании, но за то время, пока Дефо писал, переменилась политическая обстановка, и касаться яковитов стало опасно, так что Дефо своего обещания не исполнил, а в заглавии все осталось. Наверное, так оно и было: половина рукописи уже в типографии, а вторая еще на столе.

Подыскивая место, где бы переправить своего героя через

горы, Дефо хотел взглянуть на карту.

Горы вдруг качнулись. Дефо решил, что у него слишком устали глаза за целые сутки почти непрерывного писания. Хотел поморгать глазами, но тут же почувствовал, что болят не глаза, а сам мозг. Механическая, годами развитая способность всему подыскивать название подсказала ему и в эту минуту: удар в сознание изнутри. И все исчезло.

– Хозяин, за рукописью пришли! Из кабинета никто не отзывался.

– Все пишешь? – пришедший встал на пороге. Тейлор увидел все и сразу все понял.

– Лекаря! – крикнул.

А сам уже расстегивал ворот и искал пульс на руке, возле которой лежало перо. Сам живший на одних кровопусканиях, издатель, не по годам располневший, прекрасно знал, как это бывает.

Найдя пульс, слабый и прерывистый, он настолько до глубины души огорчился, что чуть было не сказал вслух:

– Наборщики опять простаивают.

ИСТОРИЯ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА

Каждый раз, приезжая в Париж, Дефо… Да, мы снова встречаем его в пути. Биографы отказываются видеть Дефо больным. «Посмотрите, сколько он написал, а жаловался, что был тяжело болен!» – говорят они.

«Тело не создано для чудес, – как бы отвечает им Дефо, давая в то же время советы Гарлею, перенесшему инсульт, – и когда я говорю, что, отказывая себе в необходимом и регулярном отдыхе, можно разрушить надежнейший в физическом отношении организм, то сужу но собственному опыту, ибо, нарушая сон, размеренность и порядок, я в конце концов надломил свое образцовое здоровье, которому прежде ни горести, ни потрясения, ни тюрьмы, ни дурное расположение духа не могли нанести ровно никакого ущерба».

Биографы допускают, с ним что-то такое случилось. Еще в 1715 году, когда вышел «Призыв к чести и справедливости», издатель предупреждал в специальном предисловии, что автор все последнее время чувствовал себя плохо, что у него был удар. Известно, что это за «издатель»! Но все-таки было – это допускают. Бывало и впоследствии, не говоря уже о свидетельствах очевидцев, знавших, как его мучили подагра и камни в почках. Боли в почках иногда так его прихватывали, что он покидал гостей, а он очень любил посидеть и потолковать в дружеском кругу.

Однако, несмотря ни на что, он хотя и поутих несколько, но в принципе продолжал вести тот же образ жизни, «неправдоподобный», охватывающий так много сразу – и литераторский труд, и разъезды, и даже еще коммерческие дела.

Пройдя Новый парижский мост, Дефо завернул в книжную лавку.

В Париже не могут найти моста более старого, чем Новый, но, должно быть, назвали его Новым когда-то по сравнению… с отсутствием какого-либо моста. Мост французской истории. По нему недовольная беднота шла к городскому правлению, крепнущие купцы открывали на нем свои лавки, на нем отражались перемены, происходившие в стране и в мире.

На склоне дней Дефо посетил Париж, город своей молодости. Привела его в Париж одна из его таинственных миссий. Он должен был разведать биржевую конъюнктуру. Посмотреть, как идут акции французской компании по «эксплуатации реки Миссисипи», поскольку в то же самое время в Англии бешено шли вверх акции Южных морей.

Помимо коммерческих дел, заглядывал он в книжные магазины. В лавке у Нового моста он вдруг заметил, как два посетителя рассматривают «Робинзона», сразу оба издания, английское и французский перевод. «Вот был бы доход, – подумал Дефо, – если бы какой-нибудь международный закон заставлял жуликов-издателей платить автору!»

Присмотрелся он исподволь и к посетителям. Один был особенно заметен – темнокожий. «Негр», – сказал бы любой, но Дефо, как человек сведущий, отметил, что абиссинец. Только говорит он со своим спутником на каком языке? Дефо прислушался: русский! Автор «Робинзона» продолжал разглядывать русского арапа, отметив еще, что он в форме французской инженерной школы. Он вполне понял его затруднение, когда хозяин лавки не хотел принимать от него кипу бумажных денег, требуя золото. Посетитель начал заметно горячиться, и было видно, что ему жалко денег и что не хуже хозяина знает он разницу между миссисипскими бумажками и монетами.

– Отдай ты, Ибрагим, ему гульден, – сказал наконец его спутник на языке, которого не разбирал хозяин-француз, но который понимал Дефо, – не допустит же царь-батюшка, чтобы мы тут с голоду подохли. Со дня на день должны же нам ефимков прислать.

Названный Ибрагимом нехотя достал голландский гульден.

Спор о деньгах дал Дефо повод разговориться с покупателями, пользуясь теми приемами располагать к себе людей, какими завоевал он доверие немалого числа шотландцев, когда толковал с ними и о покупке земли, и о ловле сельди, и о выделке полотна.

Очень скоро, когда они вышли и двинулись вдоль Сены, Дефо уже знал, что это ребята из России, один по рождению русский, дворянский сын, а другой действительно абиссинец, вывезенный из Константинополя русским вельможей – в числе заложников. Сюда присланы самим царем на учебу. Да вот содержание денежное все как-то забывают им присылать вовремя, поиздержались. А книги сам государь велел покупать, кои покажутся любопытными.

– А вы бывали у нас в России? – спросил Ибрагим у Дефо.

– Нет, но разве мало русских сейчас в Голландии и в других краях? – отвечал Дефо, понимая, что интересуются, откуда он знает хотя бы немного русский язык.

– Сударь голландец?

– Португалец, – отвечал Дефо.

В числе стран, которые Дефо советовал посетить молодому торговцу, названа и Россия. Все прочие названные там же страны – Испанию, Германию, Францию – Дефо посетил сам, и это логически ведет к допущению, которое мы можем найти в некоторых биографиях: он бывал в нашей стране… Не отрицая, что иногда автор «Робинзона» проявляет детальное знание русских городов, нравов и дел, новейшие исследователи все же считают, что эти сведения из вторых рук. Но Дефо, безусловно, можно поверить, когда он говорит, что вращался среди московитов. Их тогда немало было в Лондоне и становилось все больше.

Деловое сближение между Россией и Англией, начавшееся в шекспировские времена, развивалось полным ходом. Эти связи укрепил и расширил своим приездом с «Великим посольством» в Лондон в 1698 году сам Петр. Если учесть, какое внимание уделил русскому царю тогдашний английский король, покровитель Дефо Вильям III, то не исключено, что Дефо мог видеть Петра, а на голове у него монмутскую шапку: описывая наружность Петра, он обратил особое внимание на этот головной убор, введенный героем Дефо принцем Монмутом. Откуда узнал этот фасон Петр? От англичан, живших в Москве.

Конечно, многое из того, что написано Дефо о России, производит сейчас впечатление не сведений, а сказки. Отсюда делали и другой крайний вывод, что у нас Дефо не только никогда не был, но фактически и ничего толком о России не знал. Уравновешены крайние мнения были исследованиями М. П. Алексеева, который рассмотрел «русские страницы» Дефо исторически, и вот его вывод: Дефо «счастливо избежал небылиц», которые распространялись тогда о России, и осторожно воспроизвел все достовернее, что мог узнать о нашей стране… Другой вопрос, что и достоверное, казавшееся тогда «достоверным», теперь выглядит похожим на небылицы, однако такого немного.

О нашей стране тогда появилось уже немало английских сочинений, основательных и серьезных, причем иногда настолько серьезных, что русское правительство сочло нужным подвергнуть их запрету. «Так еще мало мы способны выслушивать истину о самих себе», – отмечалось в некрасовском «Современнике» при кратком изложении книги «О русском государстве», написанной английским посланником о Москве Бориса Годунова – Джайлсом Флетчером, родственником Джона Флетчера – драматурга, который сотрудничал с Шекспиром. С шекспировских времен это сочинение пережило под запретом и пушкинскую эпоху. Запрещено оно было после первого же издания и в Англии, о чем

старались английские купцы, не желавшие из-за книги портить только что наладившейся негоции.

Дипломатии и торговле с Россией англичане с самого начала придали исключительное значение, приравнивая «открытие России» к подвигу Колумба.

По заданию кромвелевского правительства книгу о Московии составил Мильтон, который, как и Дефо, не бывал в России, а к тому же в отличие от Дефо совсем не знал русского языка, но книга у него получилась вполне основательная.

Дефо, современник петровской России, внимательно присматривался к нашей стране. «Открыли дверь в Европу» – вот его общая оценка действий и достижений русских («Обозрение», 1710, том VI, с. 212). «Окно в Европу» – слова Франческо Альгаротти, на которые сослался Пушкин, появились в печати уже позднее (1739), но эпоха все-таки та же, и сходство этих символических выражений, надо думать, не случайное, объяснимое именно атмосферой времени, в пределах которого сформировался такой символический образ. Его источником могли быть сами же русские, прямо – Петр, его окружение, дипломаты, объяснявшие иностранцам мотивы нашего интереса к Западу. Это не только кто-то сказал, это так тогда, как видно, вообще говорили.

Торговля с Англией и война со Швецией – по этим двум линиям писал Дефо в «Обозрении» о России. Политически эти темы переплетались, поскольку англичане хотели торговать с Россией, но не хотели, чтобы Россия слишком усилилась за счет торжества над Швецией. Впрочем, и Швеции англичане не желали удачи, они го своему обыкновению желали, чтобы прежде всего противники как следует изнурили друг друга во взаимной борьбе. Дефо, как ни странно, не выступал особенным энтузиастом англо-русской торговли. Он почему-то считал вывоз табака в Россию невыгодным – это была основная монополия, взятая англичанами в торговых отношениях с нами. Возможно, это и было отражением общей английской политики, которую Дефо должен был поддерживать. Или же он хотел, чтобы монополию держало не государство, а отдельные купцы.

В отношении войны Дефо держался иначе. Сначала стращал Карлом XII, но потом все чаще стал говорить, что «русские еще себя покажут», что они не из тех, кого «легко победить», что они «отчаянны и отважны». После Полтавской битвы писал Дефо с интонацией, которая ему особенно нравилась и которая выражается словами: «А что я говорил?» Впоследствии Дефо опишет Полтавский бой трижды; дважды в одной и той же книге,

с разных точек зрения – ради объективности.

Интонация Дефо изменилась к худшему после того, как русские войска дошли до Померании и Ливонип. Тут и кончилось дело тем, что Дефо обозвал Петра «нехристем», а потом «сибирским медведем». Дефо беспокоился за протестантскую веру в Прибалтике. Кроме того, он слыхал, что жителей из этих краев стали продавать в турецкое рабство. Тогда Петр и получил «медведя», а Дефо – указание извиниться.

После закрытия «Обозрения» Дефо писал о России и в «Торговце», например, настораживая читателей указанием на то, как в Балтийском море начинает маячить русский флот. Напомним, что и это было время весьма напряженного отношения англичан к нашим успехам на Балтике: победа при Гангуте, занятие Аландских островов.

В 1715 году Дефо выпустил «Историю войн Карла XII, короля Швеции». Если взглянуть на дату выпуска и припомнить, что в это время еще и Северная война не закончилась, то станет видно, что Дефо понимал исторический жанр прямо по-пушкински – в смысле писания истории по следам событий. Все повествование ведется от лица шотландца, служащего у шведов.

После «шотландского офицера» Дефо отправил в Россию «моряка из Йорка», во втором томе Робинзоновых странствий, в «Дальнейших приключениях». Дефо заставил своего героя последовать тому совету, какой давал Дефо торговцам вообще: посетить ряд стран, в том числе и Россию.

Путь Робинзона в Россию многотруден. Отторгнув его на этот раз уже от собственного домашнего очага силой неистребимой страсти к путешествиям, Дефо отправил его в сопровождении Пятницы через Атлантику к берегам Канады, а затем Северной и Южной Америки. Робинзон даже совершил паломничество на свой остров у берегов Бразилии. Из Бразилии корабль Робинзона взял курс к мысу Доброй Надежды, оттуда на Мадагаскар, Суматру, в Сиам, Филиппинские острова и в Китай. А уже из Пекина в составе каравана из шестнадцати человек, большинство которых были московские купцы, Робинзон двинулся в Россию – по Сибири на Архангельск.

Проверка маршрутов Робинзона по сибирским рекам, произведенная уже в наши дни, подтверждает их удивительную точность день в день. И также Робинзон проявил своего рода точность, когда, например, крайне скупо описал Амур: эта река была тогда мало известна. Если же помнить о скорости, с какой пришлось работать Дефо, то станет ясно, что трудился он очень напряженно и серьезно.

Академик М. П. Алексеев показал: Дефо использовал в «русском» эпизоде «Приключений Робинзона» английские книги, а также дневники русских послов в Китае, переведенные в свое время на английский.

Первый заметный поступок, совершенный Робинзоном после того, как пересек он границу нашей страны, – это сожжение языческого идола, который попался ему в селе возле Нерчинска. Мало того, он его, прежде чем сжечь, еще и шашкой рассек. Ему в этом помогал, хотя и не без иронии, не названный по имени шотландский купец, уже бывавший в России. Возможно, это лицо реальное, один из тех, с кем Дефо действительно беседовал о нашей стране.

В Тобольске Робинзон, по его словам, нашел «хорошее общество» – опальных вельмож, высланных Петром. Реальное историческое лицо среди них – В. В. Голицын, которого позднее в «Истории Петра» Дефо представит вдохновителем стрелецкого бунта.[22] Есть и лицо вымышленное, по крайней мере с вымышленной фамилией – воевода Робостиский. Дефо знал много похожих русских имен. Это могло быть соединением Ромодановского и Ростовского. Ганнибала в Москву привез Савва Рагузинский. Наконец, Работен была фамилия австрийского посла, замешанного в оппозиционных кознях против Петра. Но основного своего собеседника Дефо не называет по имени, говоря только, что это «князь, ссыльный царский министр».

Робинзон, бывший отшельник Острова Отчаяния, беседует в сердце Сибири со ссыльным русским. В одной библиотеке хранится экземпляр «Приключений Робинзона», где весь этот разговор весьма выразительно размечен неким добровольным комментатором, который, конечно, портил книгу, но в то же время сигналил: «Да вчитайтесь же!», потому что в самом деле эта беседа как-то не привлекала к себе специального внимания.

Это поразительный разговор по душам двух людей, на долю которых выпали «необычайные приключения», жестокие испытания, отрыв от мира. Если учесть, что в России Дефо не бывал, то выбор собеседника, которому Робинзон излагает свое кредо и, в свою очередь, выслушивает его исповедь, примечателен. Это подчеркнутый жест расположения к русским. Называл их Дефо «медведями», говорил, что они «безрассуднее испанцев», он их и христианами-то признавал лишь с известными допущениями. Но вот душевную беседу своего основного героя устроил с «Робинзоном сибирским».

В Тобольске они прожили всем караваном восемь месяцев. Робинзон жалуется на холод, и вообще все ощущения переданы с отчетливостью и непосредственностью: видно близкое, хотя бы

косвенное знакомство со всей сибирской обстановкой. Кого-то из путешественников Дефо слушал очень внимательно! Пугая холодом на улице, Робинзон тут же хвалит теплоту изб, остается вполне доволен едой. «Весь провиант, – рассказывает он, – заготовляется летом и хорошо сохраняется до зимы». Пили воду, смешанную с водкой, а в торжественных случаях мед, вызывающий у Робинзона оценку: «Прекрасно!» «Словом, – говорит Робинзон, – жили весело и хорошо».

Когда «Приключения Робинзона» были в полной славе, Дефо выпустил «Историю Петра», полное название которой: «Беспристрастная история жизни и деятельности Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии, от его рождения до настоящего времени. С описанием его путешествий и переговоров в разных европейских странах. Его действия и достижения в северных и восточных частях света. Во взаимосвязи с историей Московии. Написано британским офицером, находившимся на царской службе», Лондон, 1723 год, 420 страниц. Печатали книгу сразу три издателя, выдержала она одно издание за другим, лишь с тем изменением, что стала с 1725 года называться «Подлинной, достоверной историей и т. п.».

«Написано британским офицером» – это, разумеется, так же, как «написаны им самим» Робинзоновы «Приключения» или «шотландцем» – «Войны Карла XII». Это мы понимаем уже даже слишком хорошо. А вот что послужило внутренними источниками петровской «Истории»? К сожалению, такой высоконаучной экспертизе, как страницы сибирского путешествия Робинзона, эта книга пока не подвергалась. Можно себе представить, как к ней отнесся бы А. С. Пушкин, в особенности увидев на ее страницах своих дальних родственников, прежде всего Федора Матвеевича Пушкина, того стольника Петра I, который, по пушкинским словам, «уличен был в заговоре против государя и казнен»… Но Пушкин, получивший, возможно, из библиотеки прадеда «Робинзона», «Дневник чумного года» и «Всеобщую историю пиратов», «Беспристрастной истории Петра Алексеевича», судя по всему, для себя как-то не обнаружил.

«Беспристрастная история Петра Алексеевича», как это бывает со второстепенными книгами, очень характерно «выдает» автора. По обыкновению Дефо автор скрыт у него под маской беспристрастного рассказчика. Этот английский офицер, служащий в русской армии, участвует в боях русско-шведской войны, в том числе под Полтавой. На многих страницах книги во всех подробностях, какие только мог почерпнуть Дефо из книжных источников, описывается знаменитая битва. Как

художественная или хотя бы историческая проза описание это немногого стоит, да и вообще вся книга, написанная, опять-таки по обыкновению Дефо, в краткий срок, преимущественно пересказывает чужие слова. И все же из-под груды наспех переписанных источников, из-под маски «беспристрастия» прорывается личное отношение Дефо к Петру I. Как он сочувствует государственному деятелю, который, «дробя стекло, кует булат»! Можно прямо сказать, что в отношении Дефо к своему герою есть что-то пушкинское – понимание исторической оправданности позиции Петра.

Книга открывается буквально апологией Петра, вовсе не восторженной, взахлеб, а деловитой, с перечислением по пунктам, что сумел совершить Петр. Допустим, это списано с других источников – ведь к приезду русского царя в Англию были составлены два специальных меморандума с очерком его деятельности, но то же самое Дефо говорил и от своего собственного лица в «Обозрении» или в трактатах по торговле, ссылался на петровские реформы как на пример гигантских преобразований. Что особенно интересует Дефо в деятельности Петра, так это ресурсы, изыскание средств и рабочей силы. Дефо имел определенное представление о той цене, которая была заплачена за петровские преобразования. Он согласился бы с мнением Пушкина: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом» – все это подчеркнуто самим Пушкиным и отмечено у него в набросках к его «Истории Петра» в связи с 1721 годом, тем самым годом, которым примерно и заканчивается «Беспристрастная история» Дефо. И в то же время Дефо говорит: «Покажите мне в Европе еще такого государя, который бы, не имея прежде ни одного корабля, за три года построил бы флот!» (стр. 254–255).

Сравнивая «Историю войн Карла XII» и «Беспристрастную историю Петра Алексеевича», английские исследователи находят немало общих источников, а разницу видят лишь в акцентах в положительную или отрицательную сторону. Но, по Дефо, вся деятельность Карла разрушительна, и Дефо именно такой ее и представляет устами «британца». Петр для него совершенно другое. Что бы ни говорил Дефо о его «жестоких методах», он видит совершенно другую направленность и другие результаты петровской деятельности. Более того, он не находит в деятельности Петра целого ряда особенностей, общих для практики всех государственных подъемов, а именно политики

чисто колониальной, то есть грабежа и захвата. Войны Петра Дефо оценивает как стратегические. Он на первых же страницах говорит: «Не за счет завоеваний прежде всего преобразовывал страну Петр, а перестройкой экономики, обычаев, нравов и торговли» (стр. 3).

Подойдя к Полтаве, Дефо надевает двойную маску: рассматривает битву даже не глазами своего условного рассказчика, а, по донесениям шведов, подчеркивая – «чтобы не льстить». Но у него прорывается и взгляд внутренний: кто же, как не этот «британец», сражающийся под русскими знаменами, видит смелое поведение самого Петра, его стремление быть в самых жарких местах битвы. Нет, яркой Полтавы здесь не ищите. Личное, идущее от самого Дефо, сказывается в мелочах, подобных «монмутской шапке», в одобрении, явно проскальзывающем в указании на неформальность поведения Петра I, его пренебрежение к условностям.

Непропорциональное место по сравнению с куда более значительными событиями занимает в этой книге история не собственно Петра I, а его посланника Матвеева, и в этом тоже сказывается рука самого Дефо. Мы знаем, что в этой матвеевской истории было нечто, хотя бы косвенно касавшееся его самого, и уж он развернул международный скандал по документам, тогда еще не опубликованным и, видимо, известным ему из архивных источников.

Напомним, в чем было дело. Опытнейший дипломат А. А. Матвеев вел в Лондоне длительные и, чем дальше, тем все более (как он убеждался) бесплодные переговоры о совместных действиях России и Англии. Англичане заверяли, обещали, медлили и уходили от переговоров. В конце концов, по его же собственным сообщениям, Матвеев был отозван. И вот в июле 1708 года, в день, когда ехал он рассчитаться со своими кредиторами (долг – пятьдесят фунтов), на его экипаж набросились какие-то вооруженные люди с криками, что он хочет сбежать от уплаты долга. Его потащили куда-то, сначала в совершенно непотребное место, а потом в суд, который как-то мгновенно сработал, признав Матвеева виновным, и он оказался под стражей. Матвееву старательно не давали связаться ни со своим, ни с английским правительством. Короче, что-то неслыханное. Выручил его датский посланник, равно как в организации скандала подозревали посланника шведского при попустительстве англичан.

Но этого еще мало. Никаких официальных извинений Матвееву принесено не было. И он первым написал обо всем Бойлю, одному из высших государственных чиновников. Бойль

ответил, но довольно вяло. Матвеев опять написал, оставшись, естественно, не удовлетворен таким ответом. И завязалась переписка, которую Дефо всю приводит.

Нельзя сказать, что он просто переписывает документы, хотя, казалось бы, он их в самом деле всего лишь переписывает. В тщательном переписывании на этот раз и сказывается самое что ни на есть субъективное отношение Дефо к этой истории, столь похожей на его собственные истории, внезапные аресты, суды и пр. И мы знаем, с ним не только бывали похожие истории. Их, кроме того, подстраивали еще и те же самые люди, что роились вокруг русского посла. Прожженный сутяга Бенсон стряпал дело против Матвеева так же, как потрясал он рукописью Дефо, обвиняя его в «государственной измене».

Даже вмешательство Петра I и соответственно подъем всей этой переписки на высший императорский уровень (Петру I отвечала королева Анна) не решили скандального казуса. Провокаторы в общем не понесли достойного наказания. Петр I выражал откровенное изумление относительно того, что королева английская уж и наказать преступников не может! В ответ Анна витиевато, но все же внятно давала Петру понять, что он при самодержавии волен казнить и миловать, а в Англии «Хабеас корпус акт», старый закон о неприкосновенности личности, действует до тех пор, пока вина не доказана.

Кончилось тем, что Матвеев уехал, а в Москву прибыл со специальным визитом личный посланник королевы, зачитавший торжественное письмо с изъявлениями глубокого сожаления по поводу случившегося, дружбы и пр., и пр., а наказание всей той банде последовало ничтожное, не говоря уже о том, что спустя шесть лет Бенсон фигурировал как обвинитель в том же суде, выступая против Дефо. И вот в своей «Беспристрастной истории» Дефо, можно сказать, смакует этот инцидент, конечно, неблаговидный для его соотечественников, и он цитирует последние слова Петра, сказавшего примерно: ну что ж, если уж «государственные порядки» в Англии до того ослаблены, что нельзя добиться должного наказания преступника, то примем хотя бы королевское извинение.

Заканчивается эта книга Дефо с окончанием основных событий, ради которых «Беспристрастная история» и была написана, – Северной войны. Напомним, что, когда книга вышла, это был 23-й год, и главному герою этой «истории» – Петру Алексеевичу еще предстояло два года напряженной деятельности.

Дефо описал и лично-государственную трагедию Петра – его столкновение с Алексеем, суд над царевичем и слухи о его смерти. Еще раньше Дефо сообщил об этом ровно через месяц

после всего совершившегося – 26 июля 1718 года.

А встреча автора «Робинзона» с «арапом Петра Великого» возможна? Даты, известные нам события не противоречат возможности: они находились в Париже в одно и то же время. Вот почему не исключено, что, разминувшись с Вольтером и Монтескье (выехали в Англию), Дефо мог как-нибудь увидеться с А. П. Ганнибалом.

ГОДЫ…

Дефо отложил перо в сторону и размял пальцы. Вспомнил: от колодок позорного столба руки у него затекли так, как от круглосуточного писания не затекали. А теперь попишешь, и немеет рука хуже, чем от колодок. Годы!

Тори враждовали с вигами, что нелегко понять, как это у них получалось, ибо сегодняшние тори завтра становились вигами и наоборот (Свифт опишет это в лилипутских схватках); протестанты по-прежнему боролись с католиками, которые все еще пытались вернуть себе влияние; среди самих протестантов также шли споры. Однажды Дефо даже чистосердечно признался, что утратил ориентацию, поскольку бравшие верх так часто опускались вниз и опять поднимались вверх, что он уже потерял точное представление о том, где же верх и где низ…

Сколько воды утекло, сколько чернил было пролито! И не одних чернил. После того как Дефо перенес инсульт и вдобавок охромел, повредив ногу во время своих бесконечных скитаний, он, кажется, имел основания считать себя человеком уже только наполовину. Но жизнь складывалась иначе, и собственная натура его не сдавалась. Каждый раз после того, как, повергнутый судьбой, будто Робинзон на пустом берегу после крушения, он приходил в себя, брался за дело, и не одно дело, а за весь клубок сложных, перепутанных между собой дел. Одним словом, все начиналось сызнова, так, будто за плечами и не было нескольких десятков лет, тысяч исписанных страниц и всех этих подъемов и падений.

Вот и сейчас Дефо углубился в работу над трактатом «О законах подчинения».

Из публицистических произведений Дефо по вопросам морали, религии, семейной и хозяйственной жизни до сих пор если не читаются, то по крайней мере вспоминаются, цитируются три: одно из первых – «Опыт о проектах», и два из написанных в поздние годы – «Совершенный английский торговец» и «Совершенный английский джентльмен». Были у него еще и «Семейное руководство» и «План английской коммерции», но «Торговец» и «Джентльмен», как «Проекты», это, кроме всего, еще автобиография, мысли вслух, примеры из собственной жизни, которой подражали, например, Франклин и Томас Пейн.

А насколько все это основательно? Чья-то рука, принадлежавшая читателю-современнику, написала на титульном листе его «Краткого очерка внутренней или домашней торговли»:

«Наиболее ясное и точное изложение сути дела, какое только приходилось мне читать. Каждый торговец должен иметь это у себя под рукой на прилавке», и подпись – «М. Т.».

«Если всех касается, то, значит, никого не касается» – так ставил вопрос Дефо, переиначивая по своему обыкновению расхожие выражения. В них от долгого употребления уже и мысль стерлась. Дефо начинал восстанавливать суть с начала, с каждого, проверяя прежде всего собственную заинтересованность в любом общем деле. Он умел найти эту причастность. Она и составляет основу свойски убедительного отношения ко всему, о чем только Дефо ни рассказывает. Не мог он помнить гражданской войны, однако из того, что слышал он от других, цепко выбирал все, что хотя бы заочно по своим последствиям его касалось. Отсюда ощущение «современного свидетельства», которое не могли сразу разоблачить даже профессиональные историки и политики. Был ли он на Северном полюсе? Что спрашивать, но записку будто «погибшей» экспедиции («Мы шли к полюсу…») подкинул он в романе «Приключения Синглтона» так уместно и осмысленно, что, кажется… Он там побывал? Нет, просто мы верим, что и Северный полюс его касается. Он обладал поразительным чутьем современности, умел отыскать свою причастность к исторически-сегодняшнему и умел передать ощущение причастности читателям. Дефо сознательно, заинтересованно и зорко следил за тем, в каких направлениях расширяется мир, и ни одно из направлений его не обмануло.

Дефо на века снабдил своих собратьев-писателей сюжетами. И не потому, конечно, шли они по его пути, что сами ничего уж больше не могли придумать, а потому что ситуации узловые, а ведь, в свой черед, мудрец на острове был подсмотрен в пьесе Шекспира А у него самого уже был Джонатан Уайльд, одновременно полицейский агент и преступник, о котором целый роман напишет Филдинг; Роб Рой, то ли патриот родной Шотландии, то ли разбойник с большой дороги – им займется детально Вальтер Скотт; «полковник Джек», предвосхищающий деток Диккенса; «дикий мальчик», в своем роде Маугли.

Дом был тих. Солидный, трехэтажный, красного кирпича дом. Кто-то, возможно, нашел бы этот дом мрачноватым, но Дефо любил его за основательность, прочность, удобство. По специальному заказу сделаны были под стать всему дому тяжелые, дубовые двери с массивными ручками и запорами.

«Это на случай грабежа или осады?» – шутили гости. Но Дефо знал, что от закона никакие запоры не спасут. И когда слышал он у своих ворот стук, требовательный и настойчивый, то понимал,

что это закон и порядок, что это ордер на арест, и не сопротивлялся.

Обычно забирали его в пятницу, когда все власти уже не действовали и некуда было внести отступного, чтобы можно было остаться дома под залог. Приходилось уходить с констеблем от семейного очага уже до понедельника. А там, глядишь, придут по следам письма, которое успевал он направить могущественным своим патронам. «Ваша Светлость, имеет несчастье Ваш нижайший слуга пребывать в разрыве со своим семейством. Не оставьте надеждой и проч. и проч.».

Дефо старался обеспечить своим шестерым детям устойчивое будущее, однако не все у него получалось так, как он того хотел. Положим, Мария уже вышла замуж. Ханна, Генриетта и Софи находились пока при нем. А сыновья? Оба они мальчишками помогали ему в качестве подмастерьев по типографским и торговым делам. Старшего, названного отцовским именем Даниель, записал он в купцы, но вести дело Дефо-младший оказался не способен.

Не радовал и другой – Бенджамен. Зная, каково было ему самому, человеку разносторонней образованности, без университетского диплома, Дефо отдал этого Бенджамена в Эдинбургский университет. Туда раскольничьих детей принимали. Кроме того, биографы полагают, что Дефо готовил себе преемника по шотландским делам. Бенджамен действительно взялся за политическую журналистику, но лучше бы и не брался! Соученики и сотоварищи по юридической корпорации в Лондоне вспоминают его как зазнайку и болтуна. Язык у него работал вполне свободно, в особенности когда поблизости была бутылка. Под пером получалась у него та же развязность и болтовня. Он продался, буквально продался оппозиции и стал писать как против правительства, так и против собственного отца. К счастью, он не всегда подписывался «Дефо», пользуясь псевдонимом Бенджамен Нортон.

Этот псевдоним и вообще сумбурная жизнь Бенджамена Дефо производили такое впечатление, что его путали с другими людьми. Даже сложилась устойчивая легенда, будто у Дефо было два Бенджамена, один законный, а другой незаконный, прижитый от торговки устрицами. В самое последнее время твердо установлено, что торговки не было и оба Бенджамена – свой, законный, да непутевый – одно лицо. Рано женился, семнадцать детей родилось у него, а выжило только трое. И этот сын был камнем на душе Дефо. Как велика была пропасть между ними, говорит тот факт, что господина Миста, своего соредактора-

недруга, Дефо навестил в Ньюгейте, туда же попал после опрометчивых памфлетов Бенджамен, и Дефо к сыну не пошел.

Неожиданно начались тревоги и с красавицей Софи. Нет, она была предана отцу и прекрасна. И посватался к ней приличный человек, Генри Бейкер, ученый, отчасти врач, занимался он с глухонемыми по своей собственной методе, обучая их говорить. Так что у них с Дефо нашлись общие интересы. Именно Генри Бейкер оставил свидетельство о том, что Дефо был великолепным собеседником и рассказчиком, но, к сожалению, роли летописца не сыграл и существа их бесед не передал. Одно время Бейкер задумал выпускать газету, а Дефо помог ему советом и делом, написав первую передовую статью. Позднее, уже после смерти Дефо, Бейкер стал членом Королевского общества. Одним словом, человек подходящий. Но… но… он заговорил о приданом!

«В настоящий момент я не располагаю средствами, с которыми мог бы расстаться» – так отвечал будущему зятю Дефо. Бейкер напомнил, что приданое было обещано. Он указал даже сумму, которую мы узнать уже не можем, потому что в их переписке, частично сохранившейся, цифры старательно выщерблены. От обещаний своих Дефо не отказывался, но исполнить их готов был после своей кончины: он оставит дочери приданое по завещанию. Только не сейчас. Или, еще того лучше, надо указать, что в случае безвременной смерти Софи ее часть наследства возвращается в родительскую семью. «Вы что же, – так примерно отвечал ему Бейкер, – полагаете, что я поступил бы правильно, поставив условие вернуть в случае моей неожиданной смерти мои деньги матери?»

В таком духе препирались они два года. Перед нами не только их переписка, но также портреты. Лицо человека с крючковатым носом и массивной челюстью мы уже знаем достаточно, а вот и Бейкер – с поджатыми губами и педантичной настойчивостью во взоре. Один, не желая выкладывать денежки, хитрил, выдумывая какие-то фантастические доводы, другой, желая получить как можно больше, методически выводил спор на путь строгой крохоборческой логики. Так они могли бы убеждать друг друга еще долго, если бы в дело не вмешалась Софи. Вмешалась чисто по-женски. У нее случился сердечно-нервный приступ – пришлось переписку прекратить и сыграть свадьбу. Бейкер получил (это известно) банковский билет на пятьсот фунтов и закладную на дом.

Брак оказался счастливым. Ведь то была любовь, и какая любовь! Помимо деловой переписки будущего зятя с будущим тестем, имеем мы и переписку жениха с невестой: пламенный роман в письмах, который не был в свое время издан примерно по

той же причине, по какой не увидели свет многочисленные путевые записки. Настоящим путевым дневникам дорогу закрыл «Робинзон»: выдумка оказалась правдивее правды! Так и реальные эпистолярные истории легли у подножия памятника Ричардсону, создателю «романа в письмах».

В семействе Бейкеров сохранялись предания о Дефо и некоторые его реликвии,[23] в том числе полная рукопись «Совершенного джентльмена»: сто сорок две странички, небольшие, плотно исписанные, видно что наспех, буквы сливаются одна с другой, много вставок, слова часто сокращены, то и дело нет знаков препинания, заглавные буквы почему-то вдруг возникают в середине предложения, а в начале предложения отсутствуют, почерк прямой и мелкий, убористый.

Пролежала эта рукопись в семействе Бейкеров до конца прошлого века, когда и была опубликована. А при жизни Дефо свет увидели из «Совершенного джентльмена» лишь несколько страниц. Дефо все собирался закончить эту книгу и не хотел публиковать ее без финала, который, однако, так и остался ненаписанным.

Дом Дефо находился в Ньюингтоне на Церковной (Черч-стрит). До наших дней сохранилась от него одна стена, на которой в 1932 году была поставлена мемориальная доска. Имеется и рисунок этого дома, сделанный с натуры современником, но когда?

Во многих изданиях, где тот же рисунок воспроизводится, указано: «Дом Дефо в Ньюингтоне, 1724». Заманчиво думать, что скользил по бумаге карандаш художника, а в это время за окошком бежало перо Дефо…

Но в справочном издании, подготовленном прямо на месте, мемориальным музеем, стоит другая дата – 1741 год. После смерти Дефо и его жены Бейкеры продали этот дом, но затем из каких-то сентиментально-деловых соображений вновь приобрели его, и было это в сорок первом году. Вот когда был сделан рисунок, а двадцать четвертый год – это Дефо стал владельцем дома, который до той поры он только арендовал.

Сделавшись хозяином, автор «Робинзона» значительно преобразовал и достроил дом. Конечно, не «домик», как иногда говорят. По такому дому сразу можно судить, насколько благополучно-состоятельным был его владелец. Дом Дефо больше шекспировского. А Шекспир, вернувшись из столицы на родину, купил, как известно, «лучший дом в городе». Разница, конечно, в городах. На фоне особняков и дворцов, какие тогда вырастали в Лондоне, дом Дефо выглядел домиком. Частный человек,

сочинитель, не имевший больших наследственных средств., не состоявший на высокой государственной службе, не владевший каким-либо крупным предприятием, пожалуй, и не мог жить богаче. Только вот находилось это благополучие под непрерывной угрозой. Ведь, в сущности, Дефо так и был должником. Отсюда эти постоянные усложнения и уловки в ведении всех его финансовых дел.

Перед домом был сад. При своей подагре и камнях в почках Дефо обычно разминал там старые кости. Приходила к нему молодежь побеседовать о прежних днях его многотрудной жизни.

А позади дома шли поля, наполовину ухоженные, наполовину заброшенные. Скотина паслась здесь в полное свое удовольствие. Дефо выпускал туда своего жеребца.

Работая, он иногда поднимал глаза и поглядывал, как ходит конь, как отливает блеском на солнце его гладкая шерсть.

Он и сейчас, не отрывая руки от бумаги, поднял глаза… Это еще что за новости! Жеребец трубил призывным ржанием. Не тем, что в ненавистнической книге этого Свифта передано как «гуингнгм» (это ржанье спокойное, довольное, что-то вроде похохатыванья, когда приученный конь берет сахар с ладони или же просит овса). Тут жеребец трубил. Что за притча? Больше лошадей туда пускать не разрешалось.

Но вопреки давно установленному обычаю чей-то конюх прямо навстречу коню Дефо вел какую-то мухортую лошаденку. Ах, разбойник! Спокойно работать не дадут…

Пришлось бросить перо. Взять палку для опоры нравственной и физической и припуститься наперерез нарушителю.

– Э-эй! – взывал Дефо, поспешая что было сил. – Я тебя! Куда прешь?

Но конюх, не обращая никакого внимания на окрик, продолжал свой разбойничий путь. А жеребец, понятно, сам устремился ему навстречу, вернее, четвероногой серо-бурой обольстительнице.

«И масть-то расподлая!» – думал Дефо. Он любил рыжих или уж на крайний случай светло-гнедых. Но дело не в масти, а в принципе! Истинный любитель и знаток со своими пристрастиями совладать сумеет, если увидит в лошади настоящий класс. А это что за грабеж среди бела дня? А ну как эта приблудная кобылешка сейчас, капризничая, по поге его коня заденет! Или еще хуже того, окажется она…

– Остановись! – кричал Дефо.

Конь дорог был ему не меньше, чем Робинзону попугай – друг в скитаниях и одиночестве. На этой лошади он всю Шотландию

изъездил. Сколько раз уносил его верный конь от преследователей. И потом что за шалости? Лошадь приобрести – это даже не домишко какой-нибудь построить. Сам Шекспир пешком ходил. Пешком ходил и писал: «Взять меньше королевства нельзя за порядочную лошадь!» А цены на лошадей, что тогда, что теперь, высоки были. Шекспир, ведь он уж на что высоко поднялся, королевской труппой заведовал, а лошади не имел. Вот у него, у Даниеля Дефо, как у джентльмена, и дом и лошадь, а тут еще какие-то лезут со своими…

– Ты чей? – требовал у конюха Дефо, подбежав ближе и тяжело дыша.

Конюх не пожелал ответить, полагая, что дело сделано, коль взъярившегося жеребца от кобылки уже нипочем не отогнать. Он безучастно смотрел на Дефо, вроде бы и не понимая, чего тот ропщет. Смотрел взглядом непросвещенной тупости, с какой всю жизнь «чистопородный англичанин» вел борьбу. Разил эту тупость, где бы она ни выказывала себя. В заплывших глазках нажившегося на заморских негоциях купца или выжившего из ума, но все еще восседающего в должности вельможи. А это никудышный конюх. Безрукий рвач и барином избалованный стервец, это же на взгляд знатока сразу видно. Как он лошадь ведет?! Да он же ей самой того гляди язык оторвет чавкой.[24] Какой-то полудохлой кляче чавку надел… Трус… Да порядочный конюх, за которого другой бы и лошадь дал, ту же самую штуку разве бы так продел?

– Ты чей? Ты чей? – требовал Дефо, размахивая палкой, однако не на конюха (не до него!), а на жеребца.

Жеребец голосил вовсю, будто обращаясь к хозяину на свой лад: «Что же ты мешаешь мне? Да пойди ты прочь!»

Дефо не уступал. Автор «Приключений Робинзона» на все знал верные приемы. Легкими ударами стремился попасть он жеребцу по кожице у паха, отчего (он знал) крайнее его возбуждение пройдет. И в самом деле, конь как бы хрюкнул и утихомирился.

Тогда пришла очередь конюха для расправы.

– Чей ты? – вопрошал Дефо с пафосом проповедника, вещающего о страшном суде.

– Мы капитана Витьевы, – наконец выговорил конюх.

– Отправляйся, откуда пришел, со своей… А я с хозяином твоим еще поговорю.

И правда, в местном приходе вскоре разбирался иск Де Фо относительно убытка, нанесенного при попытке незаконного прелюбодеяния жеребца гнедой[25] масти, принадлежащего означенному Де Фо, и бурой кобылки капитана Витти. Ввиду

неполного состава преступления Дефо готов был удовлетвориться половинным штрафом.

Дело началось. Задвигались бюрократические пружины. Подняты были бумаги.

– Позвольте, – сказали Дефо в магистрате, – какой вы еще уплаты требуете, когда вы сами в долгу перед приходом?

Ах, он совсем забыл (так сказать, «забыл»), что не внес очередного пая в счет отступного: вместо повинностей трудовых и военных можно было откупиться.

– Уплачу, уплачу незамедлительно! – забормотал Дефо.

– Ладно уж, ради такого случая вы, как сами потерпевший, платите тоже половину.

Тем конфликт и кончился, оставив имя Дефо в одной из официальных бумаг конца 1720-х годов. Благодаря этой распре мы знаем, когда находился он в Ньюингтоне.

Здесь спорил и ладил он с соседями, здесь создавался «Робинзон».

Поспорил – вернулся за письменный стол. Размял пальцы. Взялся за перо. Перо побежало.

В поисках каких-то справок Дефо стал разбирать старые свои бумаги, и взгляд его упал на пожелтевший от времени листок. Один из тех, что едва не стоили ему жизни когда-то.

«Что за противный вид у этого субъекта… Весь в бородавках, морщинах…»

«Что ж, теперь вполне похоже, – решил про себя Дефо. – И глаза выпученные, и бородка тощая, и шея шелудивая. Ну челюсть как бараньей была, такой и осталась. Н-нда-а, вид для обозрения поистине непривлекательный…»

Своим чередом стали приходить к нему воспоминания того времени: шум толпы, позорный столб, па котором он запомнил все сучки. Однако работа ждала своего окончания.

ЯВЛЕНИЕ ПРИЗРАКА

Одну за другой в 1726–1727 годах написал он подряд три книги: «Политическая история дьявола», «Система магии» и «Очерк по истории и существованию привидений». «Нас уже мало интересуют подобные вещи, но в то время они привлекали всеобщее любопытство», – писал биограф Дефо Томас Райт в 1931 году. Теперь вернее будет сказать, что нас такие вещи, напротив, интересуют в немалой степени, но интересуют иначе по сравнению с предрассудками эпохи Дефо. Современные психиатры ведь не отрицают существования «призраков» в расстроенном сознании больного.

Дефо был современником не только темных предрассудков, в силу которых еще верили в дьявола и жгли ведьм. Он был современником великого научного переворота, ньютонианского, подготовленного мощным, по существу, атеистическим свободомыслием, вовсе отрицавшим бога или оставлявшим за ним место «первопричины», которая может уже и не учитываться при рассмотрении законов природы. По сравнению с крайними материалистами, какие тогда тоже были, сам Ньютон не является полным атеистом, как не являлись таковыми ни Гоббс, ни Локк, ни их прямые ученики, но для Дефо все «гоббисты» – это «слуги дьявола».

В безверии Дефо видел признак прежде всего социальный. Ведь это было свободомыслие «сверху», распространявшееся в привилегированной среде, которой Дефо не доверял, которой он страшился. В общем плане ситуация разобрана Энгельсом: «новая… форма материализма оставалась аристократическим… учением, и поэтому оно было ненавистно среднему классу, являясь в глазах этого класса и еретическим, и направленным против его интересов».[26] Вот, например, Болингброк – государственный деятель и философ, последователь Гоббса, лидер новой аристократии и вместе с тем один из тех, чьи идеи имели своими отдаленными последствиями мощнейшее демократическое движение во Франции на исходе XVIII столетия. Дефо, как мы знаем, зависел от него, наблюдал его непосредственно, и если бы спросили мы мнение Дефо о Болингброке, то он, должно быть, ответил бы нечто вроде нам известного: «Для себя лишь хочет воли…» В «Тайной истории белого посоха», излагая историю министерских интриг, он, собственно, так и написал.

Ф. Энгельс говорит: «…новое учение не только приводило в ужас благочестивый средний класс, – оно в довершение всего

объявило себя философией, единственно подходящей для ученых и светски образованных людей, в противовес религии, которая достаточно хороша для необразованных масс, включая сюда и буржуазию».[27]

Как мог смотреть на свободомыслие «для избранных» тот, кого друг Болингброка, доктор Свифт, презрительно обозвал «безграмотным»? Со своей стороны, Дефо назвал Свифта «циником». Для Дефо свободомыслие духовно-сословной верхушки было в первую очередь проявлением своекорыстия, своеволия, заботой исключительно о своих интересах, которые не должны быть ущемлены никакими, так сказать, «предрассудками». «Пусть их погрязают во мраке невежества, а мы прежде всего не будем связывать себе руки ничем, в том числе и „волей господа бога“», – такова шедшая сверху тенденция, она и вызывала у Дефо тревогу: «Горим!»

Один из министров, имея в виду Свифта, сказал, что «дублинского декана» можно заставить замолчать только силой целой армии: за него встанет вся Ирландия. Свифт выступал в защиту народа, но есть одно существенное различие между ним и Дефо. Автор «Прошения бедняка» говорил прямо голосом народа. А слова о Свифте, целой армии и Ирландии – это хотя и красноречивые, но все же только слова, фраза, легенда. Ни один из мыслящих современников Дефо не жил вместе с народом так, как он, ни один из них и не принимал практического участия ни в каком из больших событий, за исключением журнальных битв. Все было издалека и зачастую свысока. А Дефо бывал в бою с оружием в руках. «Черную смерть» – чуму не со стороны наблюдал, в «большом пожаре» горел, стоял у позорного столба и неоднократно судим был людьми, собственные преступления которых исчислялись в цифрах астрономических.

Дефо – человек улицы и толпы в прямом смысле слова. Его книги о дьяволе и привидениях – это борьба с темнотой, какую высокие умы считали для «толпы» нормальной.

Как всегда, у Дефо простая, доходчивая и убедительная речь о тех вещах, что многим мнятся и мерещатся, а Дефо, разделяя вроде бы с «темным человеком» его страхи и предрассудки, исподволь разрушает их, подобно тому как он обезвреживал изнутри деятельность оппозиционных журналов и газет. Классифицировал он преступления и преступников – классифицирует призраков и привидения. Он даже со священным писанием вступает в спор относительно существования нематериальных тел…

Конечно, Дефо был человеком своей эпохи, вполне обычным и даже подчас отсталым человеком, верившим в волю всеблагого

провидения и в злую дьявольскую силу безо всяких кавычек, однако свою веру стремился он верифицировать настолько фактографически, что от такой проверки только шаг до разрушения всякой мистики. И ведь характерно, что одновременно с магическими историями писал он «Наставление виноторговцам», «Краткий очерк жизни шести воров» и «Очерк о литературе».

У Дефо не только нечистая сила подвергается практическому анализу, но так же, буквально на ощупь, как проверял он платье призрака в «Очерке о госпоже Вил», приближается он к святым и патриархам.

Нарушая веками установленную дистанцию, хочет он их рассмотреть вплотную, по-свойски. Святые очеловечиваются у него не в праведническом смысле, а прямо практическом, на страницах Дефо они живут мирской жизнью повседневных человеческих забот. «Наставление виноторговцам» написано тем же пером, каким в «Истории дьявола» дан следующий портрет: «Ной, усердный трудолюбивый человек, высадившись со всем своим семейством в богатых тучных долинах Армении или там где хотите, у гор Кавказа или возле Арарата, тут же приступил к делу, занявшись обработкой земли, выращиванием скота, сеянием хлебов, среди прочего и посадкой плодоносных деревьев. В том числе посадил он и виноград, из гроздьев которого стал, без сомнения, делать вино, какое, кстати, и до сих пор в тех краях делается, исключительное по качеству вино, насыщенное, сладкое, крепкое и на вкус приятное. Не могу пространно спорить с теми из критиков, которые все совершившееся в дальнейшем относят целиком за счет того, будто Ной не знал действия вина…»

Нет, со своей стороны, Дефо уверен, что наш праотец прекрасно разбирался в винах, но вмешался дьявол и… Дальше уж и мы не будем входить в сложные полемические вопросы библейской истории.

Эти книги Дефо интересны еще и автобиографически. Всю жизнь сопровождала его некая повседневная, бытовая демонология, коллекционировал он совпадения, казавшиеся ему знаменательными дни, даты и ситуации. Робинзон, например, удивляется, что родился на свет и был выброшен бурей на берег он в один и тот же день, 30 сентября – этот день, подозревают, мог быть днем рождения самого Дефо, и таких фаталистических примет в личной и всеобщей истории собрал он множество. Интерес Дефо к демонологии и ангелогии как бы раздразнил судьбу, и ему самому была доказана нешуточность провиденциальных сил.

Перед самим Дефо вдруг в самом деле возник некий «призрак». «Вероломный и презренный враг» – определил своего противника Дефо. Зная неробкий его характер, биографы долгое время не сразу могли установить, в какой стороне и на каком уровне искать этого врага. У него за долгую жизнь бывали разные противники. Многих боялся он, заискивал перед многими. Приходилось бояться, приходилось заискивать. Но ведь сколько раз бесстрашно вступал он в схватку, действуя и кистенем, и шпагой, и, конечно, пером. Отвага, как и дарование, – этих свойств в нем даже враги не отрицали. Чего же он испугался?

Учитывая его увлечения позднего времени, этого «врага» приписывали одной только игре фантазии, расстроенной возрастом и болезнями. Кроме того, свое пристрастие к таинственности Дефо еще и подчеркнул, сделавшись на склоне лет членом местной масонской ложи прямо там, в Ньюингтоне. «Собирались они в таверне „Трех корон“», – свидетельствует старожил.[28]

Высказывалось предположение, что рассказами об ужасном «враге» Дефо не столько обманывался сам, сколько старался обмануть других, подобно тому как прежде уезжал он из дома вроде бы в порядке бегства от долгов, а на самом деле – по заданию правительства.

Наконец выяснилось, что был это «призрак» из прошлого, действительно в платье, возможно, что и в шелковом. То была вдова его давнего кредитора, уже умершего, с которым Дефо расчелся, однако допустил оплошность, не совершив всех формальностей. Как только эта вдова предъявила свои претензии, он пробовал подать встречный иск, но закон в который раз оказался не на его стороне.

И Дефо, которому шел уже восьмой десяток, решил покинуть свой кров. Хотел избежать конфискации имущества, чтобы оставить все детям.

В этой ситуации биографы находят и много неясного. Тяжба со вдовой-кредиторшей тянулась три года – 1728–1731, и почему вдруг испугался он эту Мери Брук, которая даже и расписаться не умела?

В последнем из своих писем Дефо говорит: не вероломный враг, а собственный неблагодарный сын заставил его покинуть свой дом. Выходит, перевел все на детей, а ему указали на дверь? Какой-то король Лир. Вот что пишет Дефо: «Я поставил себя от него в зависимость, доверился ему, отдал ему в руки других своих, еще не обеспеченных детей, а у него не нашлось сострадания, заставил он мучиться их и свою несчастную умирающую мать, вынудил их побираться, просить милости у его

дверей, когда сам он жил в полном достатке». Это Даниель-младший. Но кому письмо адресовано? Расчетливому и сентиментальному педанту Генри Бейкеру, тому, который предлагал Софи: «Примем яд и умрем в объятьях друг друга», а сам давал понять, что не отступится, пока не вытянет у Дефо все до копейки, и свадьбе до тех пор не бывать.

Как теперь подсчитано, Бейкер в качестве приданого старался получить гораздо больше того, что ему полагалось и что было обещано. Возможно поэтому Даниель-младший был не чудовищем, а последним прибежищем, чтобы сохранить семейное достояние в одних-руках. Другой вопрос, что прибежищем ненадежным. Как бы там ни было, в последнем письме Дефо усматривается, помимо тягостного его состояния, еще и маневр, направленный на то, чтобы уйти от домогательств Бейкера, который подбирался к ньюингтонскому дому Дефо с намерением то ли продать, то ли еще раз заложить его.

Преследования кредиторши тоже, конечно, сыграли свою роль. Странно только, что после двух попыток Дефо отступил. Но мы знаем, Дефо никогда не отступал до тех пор, пока не чувствовал безнадежность сопротивления. Как могла темная тетка извлечь из бумаг чуть ли не сорокалетней давности данные о долгах Дефо? Подобно множеству других случаев, выпадавших на долю Дефо, и здесь за спиной непосредственного противника исследователям видятся враги гораздо более могущественные.

Ведь он все еще не покинул арену литературно-общественной борьбы. Редактирует газету «Политическое состояние Великобритании». Пишет и против масонов, и в защиту масонов. Неустанно занимается преступностью, как одним из величайших зол. Но почему и как захотели убрать в это время Дефо, пока биографы ответить не берутся.

И вот он который раз в жизни вынужден скрываться.

«Горе мое преумножено невозможностью видеть вас, – пишет он в августе 1730 года домашним, обращаясь к зятю, – я вдали от Лондона в Кенте: жилища в Лондоне у меня нет, а на прежнем месте у тюрьмы я не был, с тех пор как написал вам, что переехал оттуда…» Дефо прятался одно время поблизости от тюрьмы! В силу уже не однажды им испробованной парадоксальной логики он, стращавший французской опасностью и скрывавшийся у француза, видимо, полагал, что где угодно, но уж у тюрьмы искать его не станут. «Сейчас я слаб, – продолжает он, – мучает лихорадка, изнурившая меня. Но те горести еще хуже. Я не видел ни сына, ни дочери, ни жены, ни малюток уже давно и не знаю даже, как мне увидеть их. Морем они не решатся добираться ко мне, а посуху ехать экипажа нет. И я вовсе не знаю, что делать».

Это письмо – ответ Бейкеру, а тот, как видно, приглашал Дефо приехать к нему в Инфилд, где жили они с Софи, но Дефо не принимал этого приглашения. Он отговаривался опасностью, невозможностью находиться на людях. «А прийти так, на полчаса, и уйти, – говорит он, – это еще хуже. Боль разлуки превысит радость свидания». Но побаивался, как видно, также, что эта встреча будет в первую очередь разговором о денежно-имущественных делах.

«Нет, – говорит он, – чувствую, что путешествие подходит к концу…» А в последних строках последнего письма создателя «Робинзона Крузо» стояли такие слова: «Желаю вам в опасном плаванье по жизненному маршруту свежего ветра и прибытия в порт вечного назначения безо всякого шторма».

В самом конце он писал: «Ко всему прочему горестно мне и оттого, что уж больше не увижу я залог нашей общей любви, маленького моего внучка. Передайте ему мое благословение, и да будет он вам обоим радостью в свои юные годы, опорой в зрелости, и не добавит он ни одного лишнего вздоха к вашим печалям. Хотя, увы, на это трудно надеяться! Поцелуйте за меня лишний раз мою дорогую Софи, которую я уж больше не увижу, и скажите ей, что это от отца, любившего ее превыше всех собственных благ до последнего вздоха.

Ваш несчастный Д. Ф. В двух милях от Гринвича, Кент. Вторник, 12 августа 1730 года».

Затем сделана приписка, то есть тут, собственно, и дан ответ Бейкеру, которого тот так упорно добивался: «Несколько месяцев тому назад я послал вам письмо в ответ на ваш запрос относительно продажи дома. Но вы так и не дали мне знать, было ли оно вами получено. Страхового полиса у меня нет, но я полагаю, он должен быть у жены или у Ханны. С тем же самым, Д. Ф.».

Между последним письмом и смертью соединительными звеньями служат предания. Одно из них говорит о том, что в конце концов Дефо перебрался в Лондон. Нездоровье заставило его искать убежища в сердце Сити.

«Не чуя ног под собой…» Старичок, сухонький, небольшой, потрепанный, однако в щегольском кафтане, отворил дверь таверны и заглянул внутрь. Никого. То, что ему и требовалось. Хозяин скучает за стойкой. Малый протирает кружки. И двое в одежде моряков нос к носу сидят в углу. Им не до него. Вот и хорошо. Перешагнул порог.

Напряжение, которое его поддерживало, помогая идти, как-то сразу спало. Почувствовал, как голова кружится. Услышал шаги.

В ушах шумит. Когда опустился на стул за ближайшим из столиков, смутно расслышал вопрос хозяина:

– Чем могу служить, сэр?

Жестом дал понять, что потом, позже, а пока он просто посидит.

Сколько минуло времени? Кто знает! Тенями мимо него к двери прошли те двое, что сидели в углу, моряки, коротышка и великан.

И будто во сне он слышал слова хозяина, обращенные к малому:

– Понял, кто это такие?

– А ну? – переспросил малый.

– Как же! Я враз узнал. Этот, среднего росточка, Робинзон. А тот, повыше, Гулливер.

– Ну! – поразился малый.

– Я сразу понял, – прозвучал довольный голос хозяина.

Моряки еще стояли на улице возле таверны, когда старичок поднялся и тоже вышел. Они разговаривали шагах в пятнадцати от дверей. Потом повернулись и пошли по узкой улочке.

Один пониже, другой повыше… Хотя и не вровень, они слегка касались друг друга плечами.

Улица шла под уклон, с горбиной, и вдруг обе фигуры оказались на фоне неба. Вроде достигая края земли. II двинулись дальше, ступая осторожной цепкой морской походкой…

Дефо вернулся туда, где родился, в Сити, и снял комнату на Канатной аллее (Роп-Мейкерс), рядом с Передней улицей, примерно в двухстах метрах от тех мест, где когда-то увидел он свет. Тот же приход святого Джайлса.

От современников идут сведения, что последней домохозяйкой Дефо была некто миссис Брукс. Любитель знаменательных совпадений, Дефо, возможно, обратил внимание на сходство имен, сыгравших в его судьбе некую роль на закате жизни. Во всяком случае, биографы этого не упустили из виду, и некоторое время даже считалось, что Брук и Брукс – одно лицо, что это хозяйка, пытавшаяся получить с него уплату за квартиру. Нет, лица все же разные, но в самом деле, чего только нельзя подумать о Дефо!

Канатная улица была весьма богатая. Это было проверено в последнее время. Если в 1923 году Поль Доттен писал: «Дефо снял комнату в бедном густонаселенном районе, где он когда-то родился… Приход святого Джайлса представлял собой мешанину из узких, кривых улочек, тупиков, внутренних дворов, в которых спрятаться было надежнее, чем в африканских джунглях», то Джон. Р. Мур, сверившись с городскими документами, в

биографии Дефо 1958 года пишет: «Канатная аллея была довольно широкой, на ней располагались дома с садами, хорошо построенные и заселенные приличной публикой». Ныне биографы думают: последние свои дни Дефо провел не в бедности, а в заброшенности. Но не в безделье. Он тогда писал сочинение, полный титул которого вполне говорит сам за себя: «Эффективная схема по немедленному предотвращению уличного грабежа и пресечению прочих ночных беспорядков. С краткой историей ночлежных домов, с прибавлением сведений о тех исчадиях ада, что зовутся наводчиками. Смиренно посвящается достопочтенному лорд-мэру города Лондона. Цена один шиллинг». Но опубликована эта схема не вполне эффективно, уже после кончины ее создателя.

Приходские книги святого Джайлса не могли нам помочь установить дату рождения сына свечного торговца Джеймса Фо. Зато о смерти Даниеля Дефо, мы знаем из них достаточно точно. Он умер 24 апреля 1731 года, на семьдесят втором году жизни. Знаем из того же источника, как он умирал. Указано – летаргия. Подобно горячке, от которой, как говорят, скончался Шекспир (а также издатель Тейлор), это не столько диагноз, сколько симптомы болезни. Полагают, что по тем временам «летаргией» называли полную изношенность организма. Значит, без сознания. Умирал в забытьи.

Похоронили его на местном кладбище у Конопляного холма, там, где нашли покой и его литературные предшественники, прежде всего – Джон Бэньян. Если в книге святого Джайлса все записано именно так, как того хотелось самому Дефо, правда, хотелось при жизни, а именно: «Даниель Дефо, джентльмен», то могильщик, грамотей невеликий, у себя в кладбищенской книге поставил: «мистер Дюбо».

На его смерть появилось в печати девять откликов. Большей частью просто извещения, как в «Ежедневном курьере»: «В понедельник вечером у себя на квартире по Канатной аллее в преклонном возрасте скончался знаменитый Даниель Дефо». Подводя итоги деятельности Дефо, лучше всех сказал о нем Александр Поп: «Первая часть „Робинзона Крузо“ очень хороша. Дефо написал много и ничего поистине плохого, хотя и ничего образцового. Кое-что хорошее имеется во всех его сочинениях». История несколько подправила эту оценку, но в принципе она точна. Только вот беда, сказал это Александр Поп в частной беседе, а публично журнал Граб-стрит, им вдохновляемый, нашел уместным высказаться по случаю смерти Дефо иронически, с преувеличенной торжественностью и издевательскими почестями. Зато один печатный орган, с которым Дефо враждовал, отозвался

на смерть его спокойно: «Несколько дней тому назад скончался господин Дефо-старший, человек, хорошо известный своими многочисленными и разнообразными сочинениями. Он обладал большим природным дарованием. Прекрасно разбирался в торговых интересах страны. Его знание людей, в особенности из высших кругов, тех, с кем он некогда был близко связан, побуждало его держаться в стороне от каких-либо политических группировок. Но в основном он всегда защищал интересы гражданской и религиозной свободы, во имя чего по нескольким примечательным поводам выступал публично». Не написано ли это заблаговременно им самим?

Спустя полгода была объявлена распродажа его библиотеки. Он, наверное, вновь был бы польщен той характеристикой, какую дал ему «Рекламный советчик». Его назвали «хитроумно-изобретательным Дефо». Как Дон-Кихота!

Библиофилам обещали прекрасные книги, «в редком подборе и прекрасном состоянии», а также рукописи и печатные трактаты о политике хозяйствовании торговле путешествиях естествознании минералогии и т. п.

И, наконец, коллекцию гравюр и медалей.

Был выпущен полный каталог, но, к сожалению, пока ни одного экземпляра этой росписи книжных сокровищ Дефо не найдено.

Сохранились некоторые принадлежавшие ему книги, в том числе недавно у нас переведенные «Пираты Америки» Экскемелина, а также «Путешествия» Олеария, который, как известно, одним из первых иностранных путешественников подробно описал нашу страну.

Год спустя умерла жена Дефо, с которой прожил он пятьдесят семь лет, имел восемь и вырастил шестерых детей. Следы потомков по мужской линии, носивших его имя, вскоре затерялись. Бенджамен, писатель-неудачник, судя по всему, уехал искать счастья в Америку, где удача ему также не улыбнулась. Даниель пытался продвинуться по банковской части, но, баллотируясь в правление банка, получил он всего один голос. Толстой говорил, что писателю нужны не только достоинства, но и определенные недостатки. Сыновья Дефо, как видно, смогли унаследовать главным образом второе без первого. Честолюбие, прожектерско-авантюристическая подвижность – это у них имелось, не было того, что не отрицали в Дефо даже его противники, – большого дарования.

Дефо не поставлено памятника. В Ньюингтоне существует его

мемориальный музей. Кроме того, музей Александра Селькирка в Ларго и заповедник на Мас-а-Тьерра – это ведь все также и в его честь. Это памятники незабываемому впечатлению, какое читатели поколение за поколением выносят от его книги.

«Я, разумеется, посетил наблюдательный пункт, где Селькирк провел много дней, всматриваясь в морскую даль, в ожидании судна, которое в конце концов пришло» – это рассказывает один из реальных и прославленных «новых Робинзонов», знаменитый навигатор Джошуа Слонам, прошедший в одиночку под парусами вокруг света.

Бывалый мореплаватель продолжает свои осмотр: «Пещера, в которой обитал Селькирк, находится в самом начале бухты, называемой теперь бухтой Робинзона Крузо. Войдя в пещеру, я нашел ее сухой и годной для жилья».

«Пещера, в которой обитал Селькирк» – мы-то знаем, что пещеры не было, жил Селькирк в хижине. А уж Робинзон вообще жил на другом острове. Но, может быть, вы хотите кого-то разуверить, доказывая, что все было вовсе не так, когда даже настоящий моряк смотрит на остров и на океанский простор сквозь страницы «Робинзона Крузо». Еще бы! Ведь «написано им самим» – это действует сила Дефо.

В ВЕКАХ

Один только список его сочинений составляет увесистый том… Всех его книг, как кирпичей, хватило бы на постамент для памятника, ну а туда, на самый верх, поднялась бы только одна фигура. Нет, и не он сам. Человек в странном одеянии, в козлиной шапке и с мохнатым зонтиком стоял бы там, будто на холме, оглядывая окрестности внимательным взглядом моряка. Это даже не персонаж из книги, а нечто большее – символ человеческой выдержки перед лицом немыслимых обстоятельств. Из книги он, сбросив прах переплета, вернулся обратно в жизнь.

Время «работало» над книгой Дефо так же, как преобразовал он сам реальный случай. От века к веку Робинзон рос, становясь фигурой символической.

«Робинзонада» необычайно разрослась после того, как книгу о Робинзоне прочел и истолковал по-своему выдающийся французский мыслитель Руссо (1762), один из тех, кто своими идеями подготовил Великую французскую буржуазную революцию, совершившуюся на исходе XVIII столетия под лозунгами свободы, равенства, братства. Роман Дефо сыграл роль в этой подготовке. Идея добротности человека, его воли к труду и преобразованию мира была подкреплена как примером в том числе и книгой о человеке на острове.

Руссо жил в другое время и в другой стране, чем Дефо, и отсюда, естественно, особенности его взгляда на знаменитую книгу. Главное заключается даже не в различии места и времени, но в разных фазах исторического развития, современниками которых оказались соответственно Дефо и Руссо. Англия только что пережила буржуазную революцию, когда формировался автор «Робинзона», – Франция в эпоху Руссо ожидала переворота; Дефо подводил итоги общественного переустройства – Руссо пророчил о нем. Иллюзии, уже развенчанные, Дефо видел в том, что Руссо рисовал идеалом будущего, Вопросы о человеке и условиях, человека формирующих, о возможностях человека в соотношении с определенными условиями – эти вопросы Дефо ставил, имея перед глазами некую практику их решения. А для Руссо это был предстоящий эксперимент. В Робинзоне Руссо увидел не исторический урок, но абстрактный пример становления человека, самим же Руссо идеализированного.

Мы знаем, Дефо заочно, как бы заблаговременно, начал полемику с «робинзонадой». Он подчеркнул, что остров и одиночество в судьбе его героя не самое существенное.

Робинзонов Остров Отчаяния, затерянный в океане, имеет координаты во времени. Мы проверили: оторванный от родных берегов, Робинзон остался современником глубокого социального переустройства, переживаемого страной. Робинзон – результат этого переустройства. Речь у Дефо идет о формировании человеческой личности не на пустынном острове и не в случайном одиночестве. Но Руссо еще даже и подчеркивал, что Робинзон, в сущности, его собственный Робинзон, – «это состояние не есть состояние общественного человека».

Следом за Руссо, учившим, что вся правда – в жизни простой, что называется, «естественной», роман Дефо так и воспринимали призывом к простоте, природе.

Нашлись любители «поробинзонить» (слово Руссо) в реальности. «Робинзонада» перешагнула рамки литературы, сделавшись особым образом жизни. В Западной Европе, Америке и Австралии целые семьи становились Робинзонами, устраивались колонии и даже «республики» по воспоминаниям о простой и праведной жизни Робинзона на острове. Многочисленные робинзоны как бы на деле «переписывали» роман Дефо, устраивая свои «робинзонады», удаляясь от людей, отказываясь от благ цивилизации – следуя авторитету Руссо, а не книге о Робинзоне. Ими не замечалось, что Руссо перетолковал Дефо, направил пафос его сочинения в противоположную сторону. У Дефо в природу вносятся ремесла, удобства – словом, человеческие условия. Не опроститься и одичать, а, напротив, не опуститься самому и вырвать дикаря из так называемой «простоты» и «природы» старается Робинзон. Как ни внушительны достижения Робинзона на острове, они все омрачены одиночеством. Между тем энтузиазм «робинзонады» строится, на искусственном извлечении человека из общества.

В середине прошлого века американский философ и публицист Генри Торо, сделавшись робинзоном по собственной воле, правда, не в океане, а в лесу, описал свой опыт. Это наиболее значительный из «новых робинзонов». В споре с торгашеским преуспеянием, страсть к которому охватила его соотечественников, Торо развернул критику буржуазной цивилизации. Оспаривая блага, даваемые богатством и комфортом, он доказывал, что человек способен во имя своей же пользы обойтись очень немногим. Беда, однако, в том, что американский робинзон обходился и без человеческого общества. А проблемы по-настоящему только начинаются на том рубеже, которым ограничился Торо, – с общения между людьми.

Разумеется, «робинзонада» – не наивное заблуждение. Когда один литератор назвал суждения Руссо о «Робинзоне» чуть ли не

«простодушными», Белинский напомнил ему, что возле имени Руссо стоит по праву понятие «великий», а потому даже ошибкам его должна быть особая мера.

После Руссо у книги о Робинзоне, пожалуй, не было другого такого внимательного и влиятельного читателя, как Толстой. С книгой о Робинзоне Толстой не расставался всю жизнь, вернее, с книгами о нем. Толстой был читателем «робинзонады» в целом и продолжателем, ибо «толстовство» – это, конечно, форма все того же обновленного «робинзонства». Отношение Толстого к Робинзону подводило итоги достаточно длительному нашему знакомству с книгой Дефо и ее переделками.

Первый русский «Робинзон» появился именно в тот год, когда Руссо обратил демонстративное внимание на книгу Дефо в своем назидательном романе «Эмиль». Учитывая, что наш перевод был выполнен с французского, заманчиво было бы думать, что Яков Трусов, известный переводчик того времени, взялся за «Приключения Робинзона» под влиянием авторитета «защитника вольности и прав», то есть Руссо.

Это важно, поскольку и у нас в «Робинзоне» прежде всего видели роман о воспитании.

В России, как и в других странах, у «Приключений Робинзона» были разные читатели в разные эпохи. Любители «поробинзонить» нашлись и у нас. Вот у Лермонтова в «Герое нашего времени» описан светский франт, игрок, но подстрижен он «под мужика» и «с тростью как у Робинзона Крузоэ».[29] Насколько это было распространено? Вот еще некто: «В русской красной рубахе, подпоясанной ремнем, с палкою, в коричневой (соломенной) шляпе…»[30] Узнаете? Пушкин. Он прошел через своеобразное «робинзонство» – опрощенчество, как и через «вольное подражание Байрону», когда он «в юности греховной, к нему подделавшись, хромал, пока не сбросил гнет условный, сам твердым шагом зашагал».

Такого рода «условным гнетом», светской модой на «простоту» и прическу a la moujik, было и «робинзонство», свойственное отчасти Толстому. Но с годами Толстой вновь и вновь, в разных вариантах, ставил вопрос о Робинзоне, его судьбе. Начинал Толстой с игр «в Робинзона», положим, «швейцарского». А незадолго до смерти Толстой отмечает в дневнике «Робинзон», прибавляя, что обдумывал «самое старое», то есть занят был одной из давних и постоянных своих мыслей: «цель жизни», проблема формирования характера. Робинзон, русский Робинзон, однажды даже приснился Толстому. В педагогическом журнале Толстого «Ясная Поляна» был помещен краткий пересказ

«Приключений Робинзона», сделанный одним из учителей яснополянской школы и, вероятно, отредактированный самим Толстым. Думал Толстой о собственном произведении, действие которого развертывалось бы на фоне «робинзоновой общины». А в черновиках стоят у него рядом имена Робинзона и его задушевного, лично-толстовского героя, Нехлюдова.

Толстой прямо сказал, чем его так привлек Робинзон. Это, по Толстому, «нормальный человек», прежде всего в том отношении, что он живет в напряженной борьбе с условиями, которые даны ему: Робинзону, как выразился Толстой, «не приходилось придумывать себе занятий». Вот эта значительность и в то же время естественность всех усилий Робинзона и были своего рода идеалом для Толстого, который, конечно же, подчас занимался «придумыванием» себе занятий. Интересно, что под влиянием Толстого на эту же особенность Робинзоновой судьбы обратил внимание и создатель одной из лучших «новых робинзонад», автор «Острова сокровищ» Стивенсон.

Это, конечно, иного рода естественность по сравнению с «естественностью» Руссо, которая, по словам Маркса, была иллюзорной.

Список вымышленных «путешествий и приключений» составляет целый том, в котором три десятка страниц заняты подражаниями «Робинзону Крузо» (см. изданную в Лондоне библиографию П. Б. Гоува, 1961 г.).

Наш библиофил Алексей Аквилев собирал робинзонаду реальную, и выросла хроника в три тысячи случаев, когда читатели книги Дефо попадали в положение героя этой книги. В том числе собиратель отыскал в нашей стране семью, которая вот уже несколько поколений носит имя Робинзона Крузо.

История их такова. В селе Малые Калинники под Череповцом, которое скрыто сейчас на дне Череповецкого моря, проживал некогда Федор Николаев сын Фокин. Вместе со своим помещиком, человеком предприимчивым, попал он на Зондские острова в Индийском океане. Лодку их перевернул ураган, и три месяца прожили они вдвоем на необитаемом острове, пока не подобрал их случайно проходивший мимо корабль. За отвагу и товарищество барин решил дать своему слуге вольную, но только с одним условием: отныне будет он зваться Робинзоном Крузо. Обе стороны условия выполнили, и с тех пор стала расти и крепнуть семья русских Робинзонов. Живут они и поныне во многих городах нашей родины. Среди них – ветераны Отечественной войны, строители, инженеры, шоферы, научные сотрудники. Один из наших Крузо был оперным певцом, и он,

верный семейным традициям, имя фамильное сохранил, но, как человек скромный, сократил его для сцены на одну букву – Круз – так, чтобы не подумали, будто кто-то претендует на тезоименитство с Карузо. А есть среди них и такие, кто, подобно автору и герою робинзоновых «Приключений», строит корабли…

Книга Дефо живет все той же полной жизнью в руках читателей разных возрастов, континентов, профессий. Конечно, появились с тех пор и капитан Немо, и невидимка-изобретатель, и героические авиаторы, однако и на них заметна тень, отбрасываемая все той же фигурой, которая меряет дни зарубками на столбе или бежит в страхе от следа на песке. Тень от фигуры Робинзона, падающая на всю последующую литературу о приключениях, поисках, о достижении новых рубежей, потому так длинна, что, если мерить масштабами истории, Западная Европа еще не вышла из полосы «нового времени», начавшегося с буржуазных революций XVII столетия. Огромный пласт, как обвал, ушел в пропасть истории прямо за плечами у Робинзона – века феодализма. А перед ним будущее, остающееся и теперь современностью.

Миновала с тех пор не одна эпоха великих открытий, новые рубежи завоевало человечество, проявив невиданное мужество и упорство, и все же шел ли человек к полюсу, штурмовал небо, за ним скользила тень странной фигуры с мохнатым зонтиком и в остроконечной шапке. Книга о Робинзоне завершила многовековую эпоху, постигшую, что Земля – шар и что по ту сторону морского простора лежит еще один свет. Литературе требуется время, и она еще освоит и воплотит через личность какого-то нового Робинзона овладение океаном небесным или же проникновение в тайны времени и вещества.

ХРОНОЛОГИЯ ЛИЧНАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ

1558–1603 – Во время правления королевы Елизаветы в Англию приезжают фламандцы Де Фо.

1603 – Англия и Шотландия, соединившись, образуют Великобританию.

1616 – Умирают Шекспир и Сервантес.

1630 – Родился Джеймс Фо, отец писателя.

1632 – Родился Робинзон Крузо.

1640 – Начало английской буржуазной революции.

1649 – 30 января – казнь английского короля Карла I. 16 мая: – провозглашение Англии республикой.

1651 – 1 сентября Робинзон ушел в море.

1659 – 30 сентября Робинзон терпит крушение у берегов Бразилии и высаживается на остров.

1660 – Родился Дефо. Крах республики. Реставрация. К власти пришел король Карл II.

1665 – Чума в Лондоне.

1666 – Лондон горит.

1668 – Смерть Алисы Фо, матери писателя.

1670-е годы – Дефо посещает школу-пансион и академию Мортона.

1676 – Родился Александр Селькирк.

1680 – Дефо начинает проповедническую, торговую и литературную деятельность. Путешествует по Европе.

1684 – Женится на Мэри Тафли.

1685 – Вступление на престол Джеймса II. Восстание принца Монмута.

1686 – 16 декабря Робинзон покинул свой остров.

1687 – И июня Робинзон вернулся в Англию.

1688 – «Славная революция» – Вильям III.

1690 – Дефо сотрудничает в газете «Афинский Меркурий». 1692 – Терпит банкротство.

1695 – Восстанавливает «де» как приставку к фамильному имени Фо. 1698 – Петр I в Англии.

1701 – «Чистопородный англичанин».

1702 – Со смертью короля Вильяма III кончаются надежды Дефо на большую политическую карьеру. В декабре того же года – «Простейший способ разделаться с раскольниками».

1703 – Арест и суд над Дефо по делу о «Простейшем способе».

Выход первого сборника произведений Дефо. Второй арест и тюремное заключение. 29–31 июля того же года Дефо стоял у позорного столба на трех разных площадях Лондона. «Гимн позорному столбу». Плавание Вильяма Дампьера, в котором участвует Александр Селькирк. Ураган, о котором Дефо составляет отчет. 1704–1713 – Издает газету «Обозрение».

1707 – Первые сведения в печати о пребывании Селькирка на острове. Соединение английского и шотландского парламентов.

1709 – Полтавский бой, о котором Дефо будет писать трижды. Экспедиция Роджерса находит Селькирка на острове.

1712 – «Путешествия» Роджерса с рассказом о Селькирке.

1713–1714 – Один за другим два ареста Дефо за оскорбление в печати различных высокопоставленных должностных лиц, в том числе по требованию своего правительства Дефо, как редактор «Обозрения», приносит извинения русскому посольству в Лондоне за критическое мнение о Петре, опубликованное в его газете. Очерк Стиля о Селькирке в журнале «Англичанин».

1715 – «История войн Карла XII».

1716 – Издает газету «Политический Меркурий».

1719 – «Робинзон Крузо».

1720 – «Капитан Синглтон», «Записки кавалера». В том же году – французский и немецкий переводы «Робинзона». Дефо в Париже.

1721 – Смерть Александра Селькирка.

1722 – «Дневник чумного года», «Моль Флендерс», «Полковник Джек». В том же году выходит анонимный «Немецкий Робинзон» – переделка книги Дефо.

1723 – «Беспристрастная история Петра Алексеевича».

1724 – «Роксана». Смерть издателя Тейлора. 1724–1726 – «Путешествие по Великобритании».

1726 – Свифт публикует «Путешестия Гулливера».

1727 – «История привидений».

1728 – «План английской торговли».

1730 – «Надежная схема по немедленному предотвращению уличного воровства».

1731 – 24 апреля – смерть Дефо. В ноябре – распродажа его библиотеки.

1868 – Моряки ставят на Хуан-Фернандес мемориальную доску в память о Селькирке.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Даниель Дефо. Жизнь и необычайные приключения Робинзона Крузо, тт. I–II, пер. М. А. Шишмаревой и З. Н. Журавской под ред. А. А. Франковского, Л., Асааегша, 1921, 1931, 1934 и др., Робинзон Крузо. Пересказал К. Чуковский. М., Детгиз, 1936; «Чистопородный англичанин» – отрывки в пер. М., Талова; «Опыт о проектах» – отрывки в пер. Л. Никитиной, в «Хрестоматии по западноевропейской литературе XVIII века». М., Учпедгиз, 1938; Робинзон Крузо. История полковника Джека, пер. Н. Шерешевской и Л. Орел. М., «Художественная литература», 1974; Жизнь и пиратские приключения славного капитана Синглтона. Пер. Т. Левита. М. – Л., «ЗИФ», 1930; Моль Флендерс. М., ГИХЛ, 1955, пер. А. Франковского; Роксана, пер. Т. М. Литвиновой. М., «Наука», 1974; Избранное («Робинзон Крузо», «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо», «Робинзон в Сибири», «Капитан Синглтон», «Моль Флендерс», «Дневник чумного года», «Полковник Джек», «Роксана» – отрывки). М., «Огонек», 1971.

Литература о Дефо

Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 12, с. 709–710; т. 23, с. 86–87; т. 32, с. 289–290, 319; т. 36, с. 181.

Алексеев М. П. Сибирь в романе Дефо. Иркутск, 1928.

Аникст А. А. Даниель Дефо. Очерк жизни и творчества. М., Детгиз, 1957.

Его же. Робинзонада. – «Литературная энциклопедия». М., 1935, т. 9.

Елистратова А. А. Английский роман эпохи Просвещения. М., «Наука», 1966.

Ее же. Раздел о Дефо в «Истории английской литературы». М., Изд-во АН СССР, 1945, вып. 1.

Маховский Я. История морского пиратства. М., «Наука», 1972.

Не рее сов а М. А. Даниель Дефо. М., «Знание», 1960.

Северин Н. В путь по следам Робинзона. Маршрут, разработанный Даниелем Дефо. – «Неделя», 1967, № 32.

Черняк Е. Секретная дипломатия Великобритании. М., «Международные отношения», 1975.

Шкловский В. Художественная проза. М., «Советский писатель», 1959.

Яковлев Н. В. Об источниках «Пира во время чумы». –

«Пушкинский сборник», Москва – Петроград, 1923.

Boulton James T. ed. Selected writings of Defoe. Cambridge, 1975.

Dottin Paul. Daniel Defoe et ses romans. Paris, 1924; The life and strange surprising adventures of Defoe. London, 1928. Русск. пер.: И. Доттен. Жизнь и приключения Даниеля Дефо, автора Робинзона Крузо. Пер. С. Г. Займовского. М.—Л., Г ИЗ, 1926.

Freeman William. The incredible Defoe, London, 1957. Healy, George, ed. The letters of Daniel Defoe. Oxford, 1955. Hutchins H. Robinson Crusoe and its printing. New York, 1925.

Lee William. Daniel Defoe, his life and recently discovered writings. London, 1869.

Min to William. Daniel (1879). London, 1909. Moore John R. Defoe in the pillory. Bloomington, 1939.

Moore John R. Daniel Defoe. Citizen of the modern world. Chicago – London, 1958.

Moore John R. A checklist of the writings of Daniel Defoe. Bloomington, 1960.

Payne William. Mr. Review. New York, 1947.

Payne William. Index of the Review. New York, 1948.

Pogers, Pat, ed. Defoe. The critical heritage. London and Boston, 1972.

Secord Arthur. Studies in the narrative method of Defoe. Urbana, 1924.

Shirren A. J. Daniel Defoe in Stocke Newington. Stoke – Newington, 1960.

Sutherland James. Defoe, London, 1937.

Sutherland James. Daniel Defoe. A critical study. Harvard, 1971.

Watson Francis. Daniel Defoe. London, 1957. (Книга выпущена Лонгменом, издателем, продолжающим дело фирмы, выпустившей «Робинзона».)

Wilson Walter. Mémoires of the life and times of Daniel Defoe. London, 1830.

Wright Thomas. The life of Daniel Defoe. London, 1931.

notes

Примечания

1

Все статьи в «Эдинбургском обозрении» печатались анонимно. Теперь мы знаем, что автором этой статьи был известный литератор Вильям Хэзлитт, книгу которого «Дух века» Пушкин читал с карандашом в руках.

2

Каждое из английских королевских имен употребляется и в национальной, и в общеевропейской, латинской традиции: Карл – Чарльз, Яков – Джеймс, Иоанн – Джон и т. п. Некоторое неудобство и просто путаница возникают, когда сторонников короля Якова называют в нашей исторической литературе якобитами, так что получается похоже на французских якобинцев, хотя, собственно, тех, кто в Англии был за Якова, надо было бы называть яковитами.

3

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 385.

4

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 308–309.

5

Ему же обязаны покровительством и по сей день пользующиеся популярностью миниатюрные собачки с громким именем «королевский спаниель».

6

Дефо, однако, через газету оповестил своих читателей о передаче обширной библиотеки Сэмюеля Пипса после его смерти и по его завещанию в Кембриджский университет. Заметка Дефо об этом коротка, но даже по нескольким строкам чувствуется, как ценил он такие собрания.

7

Британский флаг над Новым Йорком поднимал полковник Николз, ярый роялист, «кавалер», и он утвердил в Новом Свете еще один Йорк в порядке реванша, демонстративно не столько даже по отношению к врагам внешним, сколько внутренним.

8

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 120.

9

В 1870-х годах надгробная плита с могилы Дефо просто пропала неизвестно куда. В 1940 году она обнаружилась в каменной изгороди у одного фермера из Саутгемптона, который понятия не имел, как к нему попал камень с надписью: «Даниель Дефо, автор Робинзона Крузо». Однако сразу он с ним не расстался и только в 1959 году подарил эту плиту мемориальному музею Дефо в Ньюингтоне.

10

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 220.

11

Конечно, Достоевский.

12

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 146.

13

Иногда мы находим пояснение, что виги – носящие парики. Нет, парики стали называться вигами, потому что их носили виги. Буквально «виг» – сыворотка, а «тори» – вор. Это еще Дефо вынужден был разъяснять своим читателям-англичанам, потому что слова чужие и редкие.

14

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с, 735, 743–744.

15

Лично (латин.).

16

Манулеариус – то же, что и портной (латин.).

17

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 532.

В особенности в карманах того времени – карманах кафтанов. По их размерам «Робинзона» можно считать «покетбуком», карманным изданием.

19

Исповедь Робинзона рационалистична по сравнению с разорванным, как бы стремящимся ухватить мысль на полдороге стилем, какой пытался освоить Дантон. Дефо дал законченный образец исповедального романа своего времени. Дантон наметил психологизм более отдаленного будущего. У него уже прямо многое заимствовал Лоренс Стерн, писатель второй половины XVIII столетия, такой же классик, как Дефо, однако по манере местами – просто наши дни! Толстой ценил Стерна за «умение рассказывать и умно болтать». Вот где надо бы сделать сноску на первоисточник такого умения: Джон Дантон, друг-недруг Дефо.

20

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 87.

21

Тейлор действительно вскоре скончался, в 1724 году. Дело его купил Томас Лонгмен и положил начало издательской «династии», существующей до сих пор: «Лонгмен, Грин и компания».

22

В некоторых ранних изданиях «Дальнейших приключений» это имя было помечено только литерой Г., и первым допущением М. П. Алексеева было, что это Головкин. Состоялась полемика между М. П. Алексеевым и другим выдающимся знатоком «Робинзона», редактором основного нашего перевода этой книги, А. А. Франковским, который сумел убедить М. П. Алексеева, что все-таки это Голицын. Но интересно, что в «Истории Петра» на первых же страницах имена Голицына и Головкина стоят рядом, так что их мог как-то путать сам Дефо.

23

С членами этого семейства разных поколений консультировались в 20-х годах прошлого века Уолтер Уилсон, а в 20-х годах нашего века – Томас Райт. Линия Бейкеров-Дефо оказалась устойчива. Причем на исходе XIX столетия (это когда набралось до семисот изданий «Робинзона») потомки Бейкеров почли за благо сделаться просто Дефо.

24

Цепь через язык надевают норовистым лошадям, но пользоваться этим приспособлением надо осторожно.

25

Видимо, ошибка в протоколе. По другим, более надежным сведениям, конь Дефо был рыжий.

26

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 311.

27

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 310–311.

28

О масонстве Дефо мы можем только упомянуть. Факт сам по себе немаловажный, однако в специальной литературе пока не освещенный. Организация «свободных каменщиков», то есть масонов, в современном ее виде, как издательства и банки, формировалась на глазах Дефо. В 1717 году именно в Англии возникла «великая ложа», в 1719, «робинзоновом» году были составлены важнейшие масонские документы. Дефо поначалу выступал против масонов, а потом в их защиту, оспаривая выпады известного недруга масонов Причарда, который сам прежде был членом масонской ложи. В масонский орден входили многие выдающиеся люди: Бэкон и Галилей, Ньютон и Вольтер, Франклин и Гёте, членом Кишиневской ложи был Пушкин. Для многих это участие было временным и поверхностным, как описано Толстым на примере Пьера Безухова в «Войне и мире». Но ведь Дефо – это же профессиональный человек «из-за кулис», так что важно установить точно, что у него было за масонство – респектабельная видимость или же одна из таинственных миссий, какие выполнял он всю жизнь?

29

В старину у нас часто произносилось так, как у Дефо написано: Crusoe. В некоторых английских изданиях, появившихся еще при жизни Дефо, был вариант и без «е», но эти издания считаются «пиратскими».

30

Таким Пушкина видели не часто, но все же не раз и многие. См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., «Художественная литература», 1974, т. 1, с. 413, 530–531.